

Нина Море

Вернуть тебя.

Детский 41 & магазин

Когда неслучайно образуются друзья и те, кого мы любим...

Когда сплетаются судьбы нескольких людей во времени и пространстве...

Когда ты готов отдать все ради самого дорого человека...

...Тогда начинается эта история...

Вернуть тебя. Детектив для попаданки
Нина Море

Глава 1. Питфол — "город-ловушка"

Нина Эверинд.

Серо-золотая осень начала 19 века, по моему определению, веяла нотками культа смерти Викторианской Англии, но высокое небо с дождливыми слоистыми облаками цвета сепия, из которых пытается пробиться низкое местное «Солнце» и мурмурации птиц, отзывающимися карканьем, клокотанием и перекличем на всю округу — добавляет эпичности пейзажу.

Аналогии с началом 19 века и непременно Викторианская Англия возникают в мыслях неспроста, почему? Хмм... Вся атмосфера этого, то есть, уже моего, мрачно-красивого города-ловушки — Питфол — безумно мне напоминало нечто готично-тоскливое.

Да, привычка сравнивать этот мир, в который я попала, с известными мне категориями из своего прежнего, стала уже традицией и каким-то развлечением, которое спасает мой мозг от глубокой депрессии и помогает воспринимать реальность с долей иронии. О! А также привычка рефлексировать, говорить с собой (про себя, разумеется), быть самой себе психотерапевтом, поддержкой и «веселым другом». Будучи невротиком (не путать с неврастеником), я осознаю себя, замечаю все свои ошибки, знаю недостатки, и как девушка с «синдромом отличницы» пытаюсь стать лучше... Все это звучит неплохо, правда... Но, с другой стороны, как же я переживаю... всегда... и в этот самый момент, как и в другие...

Вот сейчас, я иду по мощенной улице мимо собора, с высокой оградой, оплетенной сухим пожелтевшим диким виноградом, поправляю свое длинное платье пыльно-темно-зеленого цвета и русо-каштановые волосы ... Настроения нет, и я опять впала в меланхолию и будто бы, в окаменелое нечувствие. Но это только видимость для других, а для меня самой я определяю свое состояние, как передышку от переживаний. И сейчас позволила себе медлительность.

Уже скоро я приду в закрытую женскую гимназию «Глемт» — гимназию для сироток и тех, до кого нет никому никакой нужды. Если бы не корсет, то по одинокой тропе сейчас бы шла согнутая в виде вопросительного знака девушка, и это было бы не эстетично.

Гимназия «Глемт» была моим «домом» уже семь лет, домом, школой и на данный момент еще и работой. С тех пор как я исчезла из своего мира и материализовалась в стенах обедневшей школы-приюта с премерзким директором господином Слагом.

Сейчас я опять начну вспоминать, как этот лоснящийся слизняк был рад, что их, совместный с магом-пропоицей, эксперимент удался, и теперь в его школе есть иномирка, которую можно дорого продать в жены толстому кошельку, как экзотику. То время было поистине сумасшедшим. Но, наверное, мой, на тот момент, детский пластичный мозг семнадцатилетней девушки-подростка принял свою новую реальность.

И вот опять я углубляюсь в себя, отвлекаясь от нереальной реальности, будто бы час назад не вышла из городского управления безопасности, и меня не отправили ни с чем, не подняли на смех, не назвали «дамочкой» и «скучающей училкой». И это не считая сальностей, которые констебли опускали в мою сторону. И потом еще... эта встреча... с ним... дополнившая пункты в списке разочарований...

Тропа уже привела меня в удаленный и одинокий «Глемт» скрытый лесным парком от социума, будто «обвиненный» за nepотребство всеми снобами мира. Порывистый ветер подул в лицо, перекинув волосы за спину и сбил шляпку, сухая листва закружила

небольшими смерчиками, деревья зашелестели подпеченными листочками и окружили меня уютным присутствием...

О, деревья, кроткие и безмолвные великаны! Вдохновение...

Ну что ж, если мне никто не хочет помочь я решу все сама (я слабо верю, но не действовать не могу). Эти девочки стали моими родными, и я несу ответственность за их жизнь и благополучие.

Но сейчас, я могу надеяться только на Бога... «Где тебя искать, Анна?»

Глава 2. Герои

Два часа назад. Отделения розыска.

Джон Вик

— Джон! Постой! — крикнул седовласый статный инспектор, немного хромя, зашпешив к вошедшему в отдел сыщику, — выглядишь неважно, — прищурясь отметил старший по званию, — поздравляю с успешным завершением дела, ночка выдалась суматошная. Принеси мне отчет в кабинет сам, есть разговор...и дельце на вечер...отдохнуть до вечера успеешь, — похлопав по плечу инспектор поковылял из вестибюля.

— Будет сделано...

Джон направился в свой кабинет и одновременно представлял, как он быстро пишет отчет, попивая крепкий кофе (десятый по счету), узнает информацию по новому делу у начальника, отделяется от распросов коллег и спешит в квартиру забыться безмятежным сном, хотя бы на два часа. И даже разбитая губа, и пыль со склада подпольного производства силира* (*нар котик), который уже ночью ликвидировали, его ничуть не волновали.

Скорее домой.

Но дома его никто не ждет, да и вообще, в его, почти тридцать (хоть он и выглядел очень молодо) нет той, кто бы ждала его и переживала за разбитое лицо и неподобающий вид блюстителя правопорядка... Как никто не переживал этой ночью за него (как ему казалось), когда Джон совершал облаву на «Ферму Элла» напичканную катакомбами с химикатами и коробками с силиром.

Джон пропустил тот момент, когда его жизнь растворилась в работе. Питфол — был не самым опасным городом в сравнении с другими, и местная, и заезжая преступность совершали здесь свои темные делишки, отнюдь, не сенсационные — громкой карьеры не сделаешь, — но это ведь и не важно. Отсутствие маньяков, серийных убийц, одно из первых мест по раскрытию преступлений и «сколько там много — дцатое» место по уровню преступности — это почти мечта для горожанина.

Питфол — родной город Джона, кто как не он должен заботиться о его безопасности. Сколько бы его не приглашали в крупные города, как талантливого сыщика, он чувствовал, что должен быть здесь, во-первых, в память об отце (погибшем при исполнении). И, возможно, еще была на то причина...

А вот и...

— Я прошу вас не делать вид, что меня здесь нет! Вы должны помочь! Я не уйду! — Донесся знакомый нежный голос из соседнего кабинета. Джон нахмурился, удивился или не удивился, он не понял, но внутренне улыбнувшись, и, весьма беспокоясь, повернул ручку кабинета Виктора Гистли, циничной... то есть столичной акулы, не так давно переведенный к ним для ведения дела «особой важности».

— Послушайте, мисс Эверинд, ваша воспитанница опять сбежала из-за своей инфантильности, и я не буду направлять людей на поиски скучающих и ищущих приключения гимназисток, — не поднимая взгляда от бумаг, отчеканил Гистли, — нагуляется и вернется, как и другие...

Виктор Гистли, немного старше Джона, молод внешне, но внутри, определенно надменный и хладнокровный вековой камень. Нездоровый перфекционизм во всем — что похвально, подмечает мелкие детали — что необходимо, но не возьмется за дело, если оно

не стоит его внимания.

— Или не вернется, как... Но Анна не сбежала, ее похитили, я уверена в этом. И, к вашему сведению ... воспитанницы отнюдь не от скуки бегут из «Глемта», — спокойно произнесла Нина, не обращая внимания на констеблей за спиной, которые бросали неуместные ремарки и эпитеты относительно личности незамужней молодой преподавательницы...

— А вот как раз итвояпроблема, Вик, — так же не поднимая взгляда обратился к Джону Виктор Гистли, — мисс Эверинд, в своих догадках и гипотезах и прочих гранях женского воображения просветите самого образцового сыщика, — с долей издевки он продолжил, смотря на Джона темным взглядом поверх воображаемых очков.

— Добрый день, Гистли, — Джон обратился к коллеге по работе и ситуации, игнорируя его подколы то ли из-за усталости, то ли из-за умудренного жизненного опыта, — Нина... Мисс Эверинд, пройдемте... — Джон открыл дверь выпуская девушку, разбитую, к слову, но, что не осталось не замеченным — держалась достойно.

— Замуж ей надо, уgomониться, а не бегать разыскивать гимназисток, — обронил кто-то из констеблей, когда дверь за Джоном закрылась.

— Нина, постой! — Джон, задержав ее за локоть, не дал отправиться по пустому коридору на выход, — что опять произошло?

В свете полосатых лучей послеобеденного осеннего солнца, пробивающиеся через высокие длинные окна просторного безлюдного коридора, замерли две фигуры одиноких молодых, но таких обремененных людей. Уставшие... не только от обязанностей, но и еще от чего-то, определенно, недостающего...

— И вот опять, Джон, твои коллеги не воспринимают меня всерьез, как и то, что воспитанницы «Глемта» нуждаются в опеке и защите, — не поднимая глаз, видимо от усталой грусти, обронила Нина.

— Ты же понимаешь, мы не можем гоняться за беглянками сейчас, тем более эта Анна уже сбежала, как я помню, но возвращалась, и... пока нет заявления от директора гимназии, я не могу действовать, ты сама помнишь распоряжение мэра...

— Господин Вик, с каких это пор поиск сбежавших гимназисток перестал быть таким важным и обязательным для тебя... Вас! — Нина, скрестив руки на груди и приподняв бровь в немом вопросе «что, съел?», ударила по совести Джона.

Ну что ж, 1:0.

— Ты до сих пор на меня злишься? Ты бы пропала, в прямом смысле этого слова, попала в беду, если бы я тогда тебя не вернул! — Джон всматривался в ее глаза, не понимая, что не так, это же очевидно: он поступил правильно. Сколько ей тогда было? Семнадцать или восемнадцать? Глупая маленькая девочка решила сбежать из «Глемта» и куда отправилась бы, не имея родственников и средств. Да как еще и сбежать-то удалось? В те годы в гимназии работали «сестры-наставницы», блюстительницы нравственности, и из их «цепких» ... рук никто не убежал.

Джон, закрыв глаза, массируя переносицу, — бессонная и богатая на события ночь дала о себе знать стреляющей болью. Выдохнув и подняв руки в сдающим жесте, понимал, что возможно, Нина в чем-то была права. В данный момент показалось уместным дать надежду, что он может что-то исправить, и да, совесть больно уколола Джона за Нину, за прошлое.

Если бы можно было что-то изменить...

От него не осталось скрытым, что юную беглянку тогда, несколько лет назад, наказали

за побег и подрыв репутации гимназии, заперев в местном аналоге «карцера» и оставив без еды на несколько дней. Неприятным был еще тот факт, что Джон тогда хотел выслужиться, и, благодаря природному чутью, очень скоро нашел и самолично привез Нину обратно в «Глемт», и был уверен, что поступил верно по всем существующим нормам и правилам. Первое его дело, после академии, — поиск беглой гимназистки. В первый рабочий день — успех в решении проблемы, и такой после, щипающий совесть, «подзатыльник» в виде довольного начальника, и коллег, смеющихся над Ниной, обсуждая как "мелкую" беглянку сейчас наказывают, и как наказали бы сами (и прочие непотребные изречения взрослых мужчин на счет юнной девочки). Да, картина мира Джона в тот момент изрядно пошатнулась.

— Нина, давай, на неделе, мы разберем все твои версии. Я попытаюсь помочь, — ну вот, он опять обещает, и уже не усталость, а совесть ломит в теле, — И я попытаюсь, поставить вопрос... — утомление Джона сказывается на его когнитивных функциях, — чтобы в «Глемт» пришли с проверкой, — ну вот, он опять обнадежил эту свою «проблему», что он «изменит мир к лучшему».

— Джон, мы потеряем время, возможно Анна в опасности, и помощь нужна уже сейчас, — бесцветно произнесла Нина, обреченно смотря в пол...

— Нина... прости, много дел.

Джон, попрощавшись, отправился в свой кабинет. Нина еще какое-то время смотрела в след «уходящей надежды» на скорое возвращение Анны.

Глава 3. Приют "Глемт"

Нина Эверинд. «Глемт»

Забегая в обветшавший холл первого этажа нашего приюта, отряхивая шляпку от листьев, я направилась к своему кабинету. Предстоит столько дел, а я не знаю с чего начать. Я просто верю, что решение найдется, и я справлюсь. Но на самом деле, я просто буду шагать в неизвестность с закрытыми глазами, с напрочь отсутствующим шестым чувством...

— Мисс Эверинд, вы нашли Анну? — раздался тонкий голосок самой младшей мышки-гимназистки Эллы.

— Пока нет, милая, но я обязательно ее верну, — как же тяжело мне даются эти слова.

Я пожалала протянутые ручки маленькой воспитанницы, глядя в большие серые глаза. Малышке ни к чему видеть меня растроенной, я просто должна найти Анну.

Анна... Анне только восемнадцать.

Когда я появилась в стенах этого приюта, в новом мире, напуганная, растерянная, среди пыльной тусклой комнаты, в центре магического круга, в свете от коричневых ламп, — меня рассматривали как товар, рассуждая в слух о вариантах «использования иномирки», а я была скована ужасом. Я боялась представить, какая участь ждет меня. Ощущая в полной мере покорное и такое ненавистное смирение от давящей безысходности. Я молилась, чтобы мой конец был быстрым и не мучительным. Тоже самое, наверное, чувствовали узники в концлагерях. Только вот, изучая в школе на уроках Отечественной истории времена Великой Отечественной войны, я верила, что никогда не окажусь в ситуации, когда буду далеко от дома, во власти жестоких людей, которые будут распоряжаться моей жизнью, как вещью.

В тот миг, длинною в вечность, я не понимала, где я. Грань между нереальностью и сумасшествием стерлась. А после, я думала, что столкнусь с жестокостью, но Слаг отложил «мою участь», оставив на время в приюте, чтобы позже найти подходящего клиента и продать меня подороже. Затем, я думала, что буду изгоем. Но реальностью оказалось большое скопление юных и совсем маленьких девочек, которые были не нужны и для своего мира. Мое сердце обливалось кровью, видя эту жестокую несправедливость, но это же и придало мне сил для борьбы. Я, во что бы то ни стало, пообещала, что отстою этих девочек. Я хотела их защитить на подсознательном уровне. Мне пришлось быстро взять себя в руки... Хотя, это я сейчас так думаю. Ведь спустя год от своего появления в этом мире, я попыталась сбежать, когда узнала, что Слаг вознамерен все-таки меня продать.

Первая сбежавшая из-под надзора «сестер»... Когда меня вернули после побега... А, если быть еще более точной, когда меня вернул один очень «правильный» блюститель закона, который не внимал моим доводам, что мне нельзя возвращаться, что лучше я попытаю судьбу, но не попаду обратно в приют, в лапы Слага. Я не хотела быть проданной игрушкой. Вернее, я так и не смогла рассказать ему всего ужаса, что мог случиться. Просто была напугана и просила отпустить...

Вернув меня, Джон думал, что делает все правильно. Это читалось на его лице. Он держался так строго, что я не могла ему ничего возразить. А просто покорно слушала его, не перечая.

А что было после... Одна из «сестер» отхлестала меня по щекам, оставив фиолетовые ссадины, и отрезала мне волосы до плеч, чтобы меня, "взьерошенную", было видно, среди других девушек, с аккуратными прическами. Она знала, что я любила свои длинные волосы,

что заплетала их в косу. К слову, эту косу повесили на стенде у входа, как напоминание, что будет с теми, кто посмеет злить «сестер».

В тот вечер, меня заключили в «комнату осмысления», оставив без еды...

Анна, будучи маленькой одиннадцатилетней девочкой, носила мне рафинад из столовой, чтобы, как говорила малышка, у «храброй узницы Нины были силы», и просовывала его под дверь... Вернее, это были они, Анна и Эмили. Они не оставляли меня, прячась от «сестер» и директора, рискуя нарваться на наказание и оставляя себя без сладкого рафинада, который берегли для меня.

«Не бойся, Нина, пусть мои волосы тоже отрезают и сажают потом в темную комнату без еды! Зато не увижу мерзкого Слага несколько дней», — хихикала Эмили, подбадривая меня.

Эмили, еще ведь и ты. Где же ты?

Эмили — моя ровесница, мы сдружились с ней. Болтали, мечтали. В день когда меня похитили в этот мир, ее привезли в «Глемт» из столичного Института благородных леди, ее отец был известным в узких кругах ученым. Он умер, через некоторое время после проведения какого-то опасного эксперимента, во время которого погибла его ассистентка. И пусть его не обвинили в смерти подчинённой, Эмили осталась без родственников, знакомых и средств, и ее через полгода, когда подошел срок оплаты за семестр, «отослали» в гимназию-приют для сироток «Глемт».

Эмили мечтала стать доктором, она рассказывала, что с одиннадцати лет каждые каникулы обучалась медицинскому делу у талантливого целителя, знакомого ее отца.

Я потеряла Эмили шесть лет назад. Нам было тогда по 18, и я решила сбежать. Я просила ее бежать со мной, но Эмили не смогла бросить Анну, хоть я и говорила, что заберем ее позже. Тогда мы сильно поругались, и я ушла одна. Но, за те дни, пока я была в изоляции, Эмили исчезла. «Сестры» сказали, что она неожиданно заболела и ее отправили в городскую больницу, но потом, она не вернулась, даже спустя месяц. На все вопросы о ней «сестры» огрызались, что это не мое дело.

Эмили, как я надеюсь, что у тебя все хорошо... Хотя, ты сообщила бы мне о себе, нашла бы способ. Значит ты тогда попала в беду...

Но может, тебе удалось сбежать ...

Вопросы...

Эмили и Анна — были моими лучиками света в темном царстве тюрьмы-приюта.

Ладно, хватит. Надо брать себя в руки, Анну я просто обязано спасти. О ее побеге не было и речи, я готовила девочек к жизни как могла, я обучала их математике, биологии, физике, литературе, вспоминая писателей и поэтов своего мира, не уточняя, что их произведения и знания я получила "дома". А еще, меня радовало, что в этом мире законы физики в приоритете и работают, как и в моем прежнем мире. Обнадеживало и то, что магия присутствует незначительно, только в зачарованных предметах — артефактах.

Воспитанниц было немного, и за всех, особенно старших, среди которых была Анна, я могла поручиться.

Они доверяли мне. И да, я говорила, наученная горьким опытом, что побег — это последнее дело, а еще гиблое и лишнее смысла...

Конечно же, я отдаю себе отчет, что Джон был прав, вернув тогда меня обратно. Но после того случая на него залегла горькая обида.

Он вернул меня, с видом важного и порядочного стража закона, читал морали о том, что

мой поступок был глупым и опасным. И это в 23 года-то. Закончил академию понимаешь-ли, отличник, и весь такой беспринципный.

Ну и как он должен был поступить? Отпустить? Не найти меня?

Выслушать! Понять!

Я понимаю — он не мог поступить иначе, так за что я на него обиделась? И ведь не простила... Сколько еще наши дороги пересекались. Да, я изрядно обила порог управления, и мэрии, пытаюсь улучшить жизнь воспитанниц, обратить внимание на плохие условия содержания приюта и найти Эмили. «Активистка, выскочка» — как сказали бы мне в моей Земной школе, так называли и здесь.

Мне было очень стыдно, когда Джона вызывали задержать «буйную гимназистку-активистку», которая не давала прохода мэру, терроризируя его. Джон был тогда таким уставшим, с разбитым глазом, после очередного задания, взял с меня объяснительную и обещание, что больше я сама не пойду к мэру, и он поможет мне сам. Только обещать и может. Зачем ты тогда вернул меня, почему... почему что? — интересный вопрос, который я задавала себе. Неужели мне хотелось, чтобы он тогда меня спас, и... не отдал. Но почему такие мысли вызывает именно он?

Я признаю, что той наивной девочке, которая верила в сказки и существование прекрасных принцев, очень хотелось, чтобы такой красивый, высокий и загадочный «принц» спас ее, защитил, а не вернул в лапы сотрудников приюта. И долгое время после, я все ждала, что он раскается в своем «жестоком» поступке и «спасет» меня. Это были какие-то «розовые» мечты маленькой девочки, которая верила в прекрасные истории.

Как же это все печально-смешно, ведь «принц» об этом даже не догадывался... он не знал, что его романтизируют, приписывают ему несуществующие черты и обижаются на него за то, что он это не почувствовал... Что его ждут. Что его жду я... В то время он работал, и день, и ночь, и до сих пор остался загадкой, что скрывается в сердце этого бесчувственного трудоголика. Нет все не так. Это слова обиженной девочки, той 18-летней, а сейчас прошло больше шести лет с того дня. И Джон очень много трудится... мне так стыдно сейчас перед ним, за свои мысли, стыдно за те моменты, когда его вызывали, и замученный, и уставший, он приезжал «спасать мэра» от назойливой девчонки... Но на самом деле, получается, спасал меня, не давая в обиду своим коллегам. И каждый раз я обещала ему не влезать больше никуда. Но вот, я опять берусь за старое.

— Мисс Эверинд! — окликнуло меня его директорское высочество, — Только не говорите, что вы опять были у законников, чего вы добиваетесь, чтобы приют закрыли, аваших горяче-любимых гимназисток вышвырнули на улицу?

Надо же, я надеялась в свой выходной его не встретить. Теперь слушать его «переживания», которые, определенно, не касаются воспитанниц.

— Если вернуть время назад, я бы ни за что не купился на ваши жалкие просьбы и не дал бы вам место преподавателя, а в тот же день отдал бы вас замуж за ревизора Макзакграуфа, как и собирался, и была бы у меня сейчас безмятежная жизнь, — ну-ну, он хотел сказать «продал бы» и получил бы «блат», деньги и мои проклятья.

Слаг достал смятый носовой платок и протер им свое запотевшее покрасневшееся лицо. Он подошел ближе, стараясь заглянуть мне в глаза, что на самом деле делал с трудом, ведь был ниже, а я, к слову, считалась в своем мире девушкой высокой. Слаг рядом со мной напоминал персонажа Весельчака из советского мультика. Это сравнение заставило меня предательски растянуть улыбку.

— Ухмыляетесь, — Слаг прищурил свои хитрые маленькие глазки, — вы тогда убедили меня, что я не пожалею, взяв вас в сотрудники, что вы наделены «талантами преподавания». Да я признаю, вас слушаются воспитанницы, — с некой завистью и долей презрения заявил директор. А я вспоминаю, что он взял меня на работу после того, как уволились две преподавательницы после его приставаний. И он, скрипя мелочным сердцем, дал мне несколько дисциплин и не платил ни гроша.

— Мисс Эверинд, то, что вы так рьяно разбазариваете секреты «Глемта» не делает вам чести. И, мне кажется, вы скоро добегайтесь. Что, этот ваш, как его, ищейка, вам не поможет!

Чести? Кто бы говорил. Я мысленно закатила глаза, улыбнулась или даже оскалилась:

— Не беспокойтесь... за честь! — я быстро отошла в сторону к своему кабинету, да и Слагу не было дела до гимназии.

Я заглянула в свой блокнот прочла: «12 воспитанниц»

Болью отозвалось «одиннадцать».

Глава 4. Когда попаданки становятся сыщиками.

Часть 1

Нина Эверинд

— Мисс Эверинд, — окликнули меня две воспитанницы из средних классов. Я остановилась перед своим кабинетом.

— На следующей неделе, на уроке литературы, расскажите нам снова "Ромео и Джульетта". Пожа-а-алуйста, — протянула Полли, сделав большие щенячьи глаза.

— Нет, лучше "Евгений Онегин" — перебила ее Томми, — это наши самые любимые романы, такие нигде не найти, только в вашей памяти! Девочки из класса тоже очень хотят услышать.

Ох, что они со мной делают. Маленькие романтические принцессы. Улыбнулась им, хоть внутри было очень тревожно и больно в свете последних произошедших событий. Мои воспитанницы уже вступили в возраст, когда сердце уже хочет любви, чувств и эмоций, но рядом нет "того самого прекрасного принца". Да и вообще, нет родных, которые дарят любовь. Мы только есть друг у друга. Глядя на их много раз перештопанные платья, пообещала, что добьюсь хороших условий для приюта. И воспитанницы гимназии для сироток состоятся в жизни. Найду только Анну...

— Хорошо, девочки, я обязательно вам расскажу еще раз эти произведения, — обнадежила их я, — но вы мне поможете, и мы сделаем разбор личностей всех героев и обсудим, почему Евгений Онегин — весьма поверхностный человек, и уж точно не будем его романтизировать.

— Обещаем, Нина! — хором ответили девочки, убегая со всех ног, рассказывать радостную весть своим одноклассникам.

Что поделать, любят юные сердца произведения про любовь, пусть даже, несчастную.

Пообещав себе с начала недели заняться обучением воспитанниц (а значит, у меня будет стимул найти Анну), собиралась было отправиться оглядеть прилежащие территории приюта, но прежде, выпросить Слага подать заявление о пропаже воспитанницы, как...

Послышался робкий стук, а после дверь комнаты слегка приоткрылась.

— Мисс Эверинд, вы вернулись? — прервала мои размышления Валери, ровесница Анны, — Мисс Эверинд, мне нужно вам рассказать кое-что, я сначала не придавала значение, а теперь мне кажется, что это очень важно...

— Боже, Валери, рассказывай скорее! — я подбежала к взволнованной воспитаннице, взяла ее дрожащие холодные руки в свои.

— Вчера вечером, когда я заходила в комнату после обхода, заметила, как Анна что-то прятала в матрац, и я не стала спрашивать ее, хоть мне и было очень интересно. А теперь думаю, вдруг что-то опасное приключилось, и у Анны теперь проблемы из-за моей безучастности. И ведь она сама была какая-то задумчивая и беспокойная, и будто бы меня вовсе не слушала, когда я болтала с ней. Вовсе отрешенная от мира.

Незамедлительно мы отправились в комнату, где была кровать Анны. Надо же! Как я не додумалась сразу проглядеть вещи Анны. Но я так спешила в управление и верила, что мне помогут, а не отправят, высмеяв при этом. Что ж, сама виновата. Заработала репутацию бунтарки, которой не верят.

Я проглядела матрац Анны. После того, как нашла небольшую брешь и нащупала там

конверт у меня участвовал пульс. О нет! Секреты! Анна! Как же так.

Развернув письмо, я читала его по диагонали:

«Милая Анна, встретимся завтра, у таверны «Северный ветер» в шесть!

Марк»

— «Милая, Анна»? — в иной ситуации, я была бы рада за Анну, что у нее появился поклонник. Но сейчас, это таинственное письмо, из-за которого Анна пропала, вызывает во мне жуткое состояние страха.

Как же это все усложняет, Анна пропала вчера днем, и я получаю, уже больше суток топчусь на месте.

Спустя час. Таверна «Северный ветер»

Таверна "Северный ветер" находилась на приличном расстоянии от нашего приюта.

Мне удалось улизнуть, не попав на глаза Слагу, Валери обещала меня прикрыть, если что.

С каждым шагом, отделяющим меня от таверны, пульс учащался и сердце разрывала тахикардия. Мне не было страшно, что я могу попасть в передрагу, что в самом лучшем случае меня просто выставят глупой душой. Мне было страшно за Анну. Верите или нет, но мое сердце чувствовало беду.

К слову, в таверну я отправилась напрямиком от управления, где мне были, мягко говоря, не рады. Как знала, что не стоило туда заходить. Помощи не оказали, лишь потратила время и силы.

— Простите, вы не видели здесь вчера светловолосую девушку, невысоко роста, немного ниже меня, она должна была быть здесь с молодым человеком, его зовут Марк? — я обратилась к невысокой полноватой женщине, прибиравшей зал. Посетителей не было.

— Да, вчера заходила молодая парочка, странные они были, — задумалась старая официантка, ставя тазик с посудой и поправляя чепец.

— Почему странные? — если эта женщина будет так надолго задумываться, я умру от бешено бьющегося сердца. Мало того, что я не застала Джона и на худой конец этого нового сыщика из столицы — Гистли, будь он не ладен. Только потеряла кучу времени. А ведь скоро уже закат.

— Ну как, мисс, они сидели, напряженные, парень что-то говорил, — Женщина нахмурилась, вспоминая, — а потом девушка была уже в слезах...И все, они спешно ушли, парень оставил немного чаевых, интеллигентный такой... Но бедный, видимо студент, — заключила свидетельница странных событий.

— И к-куда они пошли? — сердце оледенело: Анна была в слезах...

— Да вроде бы туда, в сторону трущоб... — пожала плечами моя собеседница. Весь этот разговор ее ничуть не тронул.

— О, нет!

Выбежав на улицу, я посмотрела в сторону домов с арками, за которыми начинается тот самый, присутствующий во всех городах, «неблагополучный» район... Где расположены темные, в прямом и переносном смысле, организации вечерней жизни для высокопоставленных посетителей, а для всех остальных гиблое место. И если ты туда попал, то назад ты можешь не вернуться вовсе. Если же ты и вернулся, то никогда не будешь прежним. От этих мыслей мне стало тошно. Сейчас на меня смотрела та часть города, которую я обходила стороной, и даже не держала в мыслях, что когда-нибудь кто-то из моих воспитанниц окажется там.

Я отчаянно кружилась, рассматривая местность. Моя беспомощность меня морально убивала. Но я уже знала, что мне предстоит быть "проглоченной" новой территорией.

«Дело совсем плохо... Или нет?»

Мой взгляд остановился на юном пареньке, с нагловатым взглядом. Надо же, и давно он тут, на безлюдной улице? Невысокий, руки-в-брюки, картуз на пол лица, не по размеру, соломинка в зубах, вылитый Том Соьер.

— Чего вам, дамочка? Дыру протрете, — ошарашил паренек, — Если дело есть, то говорите, если же нет, то идите в свою школу, — выложил, как на духу, мальчишка, стряхивая со своего плеча невидимые пылинки.

— Занятно... Ты знаешь меня? — я приблизилась к пареньку.

— Конечно, кто вас не знает, это вас все время избегает мэр, которого вы закрыли в уборной на прошлой ярмарке урожая, — вот смеху-то было. А потом он вызвал Джона, чтобы вас выгнали, все такое, «блаблабла», и не пускали больше в мэрию, и приказали не приближаться к нему не более чем на десять метров. Я запомнил.

— Джона? Джона Вика? Ты близко с ним знаком, раз называешь его по имени? — у меня в голосе заискрилась надежда, смешанная со страхом и еще чем-то ... непонятым при упоминании Джона.

— Конечно! Он мой друг! И я на него работаю, между прочим, — с гордостью заявил малец, поправляя картуз и вытирая чумазый нос, — ближе к делу, мисс, если хотите, чтобы я заинтересовался вашей проблемой, — надо же, будто младший капо итальянской мафии передо мной.

— Я потеряла подругу, ее зовут Анна, она попала в беду. Вчера вечером она вышла из таверны и отправилась в сторону трущоб, — протараторила я, пораженная своим нагловатым новым знакомым.

— В голубом потертом платье, — снисходительно констатировал юный протезе Джона, закатив глаза.

— Да, видимо да! Расскажи мне, ты знаешь, где она!

— Ну, тогда нам только в одно место, мисс Учительница. И боюсь только, что оно вам не очень понравится... — мальчишка засеменил в темную арку, выплюнув соломинку, оборачиваясь проронил:

— Шевелите тувельками, нам надо раздобыть повозку. И... обращайтесь ко мне «Клык».

«А вот и нужное место»

Прячась в зарослях давно запущенных кустов роз, исколовшись о все шипы, как воришки, мы с «Клыком» пробирались к злосчастному месту. Выглядывая из забора живой изгороди так, что от оранжевых вечерних фонарей освещались только кончики наших носов.

— Это же... О, нет! Дом терпимости! Клык, ты уверен, что Анна там? — громким шепотом спросила я мальчика. Я смотрела на Клыка и все еще не верила в происходящее.

— Я повторяю, что видел: Двое утырков вырубил того высокого хлыща, что разгуливал с вашей беглянкой, ее саму скрутили в бараний рог и уволокли к «Коллекционеру». А от него, по слухам — и моим надежным «источникам», у заплутавших смазливых девиц только одна дорога — к мадам Люсинде, вот в этот дом, — Клык указал на светящийся в темноте вечерней улицы высокий вульгарный дом, из стен которого раздавалась веселая музыка клавесина, гомон и хохот работниц местной «культуры», а на пороге уже околачивались представительные мужчины в предвкушении «приятного отдыха», как им кажется...

— Боже мой! — я не верила происходящему. Я оказалась так близко к самому опасному месту для осиротевших юных девушек. Как часто «благочестивые сестры» пугали нас этим заведением, говоря своим воспитанницам, что с нашими грехами и непослушанием мы окажемся все здесь.

Ухмыльнулась себе. Они напорочили. Мне — так точно. Какая ирония.

— Мисс, прошу прощения, конечно! Но я вас довез сюда, и, чтобы Джон не узнал, что вы здесь, с вас еще два серебряных, — вот ведь мелкий шантажист.

— Ты думаешь, Джону это интересно? Ты серьезно? — спрашиваю Клыка и будто надеюсь, что это на самом деле так, — вот держи свои серебряные, — протягиваю мальцу еще две монеты, которые моментально исчезают в потайном кармане его затертой куртки, — Клык, я заплачу тебе еще два серебряных, если ты меня дождешься здесь!

— Веселая вы! — ухмыльнулся Клык, — и как же вы планируете попасть в это здание? Мне хоть и двенадцать, но я уже знаю, что такой как вы, туда нельзя — пропадете, зуб даю! А меня Джон убьет потом, — прикусил язык парень. О чем это он? А, точно, о самом правильном блюстителе правил и порядка в целом.

— Я попытаюсь попасть туда и проверить, там ли Анна... Эмм... не знаю как, но выбора у меня нет. Нужно исследовать это кишасщее опасностью здание, — тяжело выдохнув, и переведя взгляд, покосилась на жуткий «дом развлечений», — и попытаюсь найти и забрать Анну. А ты дождешься меня... нас... здесь.

Ну и все. Я отправилась "на встречу приключениям". Просто поражаюсь себе, и своему безрассудству. Наверное, это мой талант — безрассудство и отвага.

— Джон меня убьет, — уже вслед обреченно констатировал мне Клык, и, после, грустно-обреченное:

— Мне конец!

Глава 5. Опасное з(а)дание

Нина Эверинд

"Боже, что я творю! И куда же мне идти?" — спрашиваю я себя от волнения.

Перелезть через ограду не составило труда, мое «деддомовское» недавнее прошлое оказалось где-то полезным. Выживанка, как есть. Сейчас я порвала напрочь свое походное платье, а волосы рассыпались и спутались благодаря шипам на розах в изгороди.

Обстановка складывалась очень красочная. Пробирающийся "шпиЁн", совершенно неграциозно, с улиточной скоростью дополз к рандомной части здания, чудом остался не замечен. Видимо мое серо-коричневое платье из натуральных тканей сливалось с темнотой сада. Молясь без остановки, я надеялась, что двигаюсь в правильном русле. Ведь, как говорят, в опасных ситуациях, и когда ты делаешь что-то очень спасательное, все святые тебе помогают и направляют тебя на нужный путь.

Подойдя к окнам дома терпимости с черного входа (надеюсь, что это не популярная часть здания), я пыталась осмотреться и реактивно придумать рабочий и эффективный план. Навыками взлома я владею не очень, почти не владею, а вот прыткость некая, если я все еще жива, видимо, наблюдалась с излишком.

Я зацепилась за выступающие бортики фундамента и, держась за подоконник, стала продвигаться в направлении небольших темных окон. Должно же быть в это доме какое-нибудь техническое помещение, или что-то вроде склада для бытовых нужд. Как назло, в голову вместо адекватного плана лезут все фильмы, которые я успела пересмотреть в своем мире про шпионов. Особенно те, где в зданиях были очень удобные вентиляции, в которые с легкостью помещался и свободно полз крупногабаритный сотрудник полиции. Эх... Но что-то мне подсказывает — такого я не встречу в этом ретро-здании.

Я пыталась всматриваться в окно, пробегая взглядом по содержимому комнаты. Но, то ли адреналин в стрессовой ситуации, то ли мое неистовое желание во всем видеть присутствие Анны, смешанное с очень развитым воображением, создало передо мной знакомую вещь...

— Платье! — чуть не вскрикнула я, увидев в окне первого этажа в груди грязного белья знакомое голубое платье с кружевным рукавом. Те самые кружева, что вязали мы все вместе. — Анна, ты здесь, — констатировала я.

Это помещение, возле окон которого я кралась, оказалась прачечной. Я толкнула створку окна, и, на мое счастье, она отворилась... со скрипом.

Как вор, забравшись в окно, я схватила платье Анны и всматривалась, пытаясь понять не сошла ли я с ума, и не чудится ли мне. Вдруг я уже выдаю желаемое за действительное. Но это — то самое платье Анны. Это меня не радует, от слова совсем. Горько, но по всем пунктам — я опоздала.

Не успеваю что-либо сообразить и предпринять, как дверь открылась, и за спиной я услышала шаги.

Я замерла, прижимая платье Анны к груди. Нет, невозможно! Так не честно! Нельзя мне было попадаться так нелепо, так быстро. Я даже не успела увидеть Анну...

— Что вы здесь делаете? Кто вы? — раздался встревоженный женский голос за спиной.

Я повернулась и увидела девушку в закрытом платье служанки и с некой льняной «медицинской маской» на лице. Ее волосы скрывал светло-серый платок. В темноте я не

могла разглядеть черты ее лица, но из-под маски виднелись очертания... шрамов.

Кто она? И почему в этом доме? Неужели клиенты здесь настолько жестокие? Неужели, это девушка тоже является рядовой сотрудницей... или являлась... а потом...

— Я... мне... Простите меня, не пугайтесь, я не вор! Моя подруга... это ее платье. Она здесь. Мне нужно ее забрать. Она здесь не по своей воле... помогите мне, — говорю я, запинаясь. Сердце вот-вот выпрыгнет, но чувствую, что эту девушку можно не бояться...

— Ни... Вы ... из приюта? — замерла девушка, поправляя маску на лице. Были видны только очертания ее глаз.

— Да! Вы меня знаете? — я подошла ближе к девушке, но она отвернулась в сторону, давая понять, что нарушать ее личные границы не стоит, — вы знаете меня, значит вы поможете мне?

— Как ее зовут? — перебирая одежду на полках, спросила девушка.

— Кого? — я сильно растерялась.

— Ту девушку, что вы ищите? — не поворачиваясь, спросила незнакомка. И кажется в ее голосе чувствовалось волнение...

— Ее зовут Анна...

— Анна? — голос девушки со шрамами дрогнул.

— Она здесь? То есть, здесь есть новая девушка... с именем Анна?

Я заметила, как плечи девушки напряглись.

— Я могу вам помочь пробраться внутрь и остаться более-менее незамеченной, но искать ... Анну, вам придется самой... Мне появляться наверху... нельзя.

— Я буду благодарна вам, что мне нужно сделать?

Моя случайная свидетельница не стала называть свое имя, она спешно подошла к шкафу-стеллажу с отглаженными вещами и стала ловко вытягивать вещи. Спустя минуту полученную стопку одежды передала мне:

— Наденьте это, — девушка со шрамом протянула мне бледно розовые чулки, черно-бордово-бежевое короткое платье, или точнее, корсет с прикрепленным подобием юбки. Затем вручила банты, подвязки, пояс и прочую бижутерию от «униформы» этого «дома культуры». Так же в моих руках оказалась косметичка, впервые за семь лет. Не думала, что я когда-то нарвусь на «преображение». Но хотя бы в «прекрасного лебедя» из дурнушки, а не сразу в куртизанку.

И что же мне со всем этим делать. Это как в таком ходить?

Девушка принялась мне помогать, не успела даже что-то возразить ей. Моей платье улетело под стол со швейной машинкой. И вот уже моя «помощница» туго затягивает на мне корсет, помогла расправить юбку, короткое подобие ее, если точнее.

О нет, видок у меня получился как у куртизанок из костюмированных исторических фильмов про конец 19 века: чулки с подвязками на всеобщее обозрение, тугий корсет, который самым бесстыжим образом демонстрирует декольте, плечи голые, черный чокер с красным цветком на шее, и, к моему счастью, черно-красная маска, на подобие венецианской, хоть как-то можно абстрагироваться от социума и остаться «инкогнито».

Последний штрих — алые губы и веер с черными перьями...

«И почему все такое кричаще-красно-черное, тут пунктик у местных мужчин на вампирской готической теме».

Оглядев себя в зеркало, оторопела. Меня просто не узнать. На меня смотрела готическая вампирша-куртизанка... Надеюсь, я не привлеку ненужного внимания... Мое же скромное

платье было надежно спрятано. Верю, что я еще переоденусь в него.

Из оцепенения от своего внешнего вида меня выдернул строгий указ девушки со шрамами:

— Идите сейчас направо до конца коридора, остановитесь перед темной дверью. Затем поднимайтесь на второй этаж, сливайтесь с обстановкой... и ищите ... Анну во всех комнатах, они не закрываются. Как найдете, сразу же спускайтесь вдвоем ко мне. Если вас спросят, остановят, скажите, что вы идете на «реставрацию кружев» — это кодовое слово, оно означает... эмм... в прочем, не важно. Просто старайтесь пробраться обратно ко мне. И не попадитесь на глаза мадам, она знает всех своих девушек. Вы все запомнили?

— Да! Спасибо, я... очень благодарна... — успела сказать я, перед тем как девушка меня вытолкнула и дверь за мной закрылась.

Оглядев себя, в тусклом свете коридора, я поняла, что испытываю культурный шок от своего вида. Кошмар, я даже в своем мире в купальнике не выглядела так вызывающе и непотребно. А сейчас я как винтажная кукла для маньяков. «Слабоумие и отвага» — наш девиз. Но... это все для дела...

Вздрагивая от каждого звука, я направилась по пустому коридору к лестнице. Да где же она? Коридор просто бесконечный.

И вся эта атмосфера, с ободранными бордовыми стенами, вульгарными канделябрами и безвкусными картинами с откровенными сценами, пугала до безумия. Будто я попала в фильм ужасов, где все главные героини, особенно глупые девицы, которой я сейчас являюсь, погибают от рук маньяка или мистической субстанции.

По ощущениям я забралась в ловушку, которая вот-вот захлопнется, и я окажусь навсегда в этом отвратительно-безвкусном гробу, как бабочка, которую нанижет на иголку биолог-коллекционер. Я не удивлюсь, если сейчас под ногами пробегут крысы, а мне на голову с потолка упадет паук или слизняк. Но, ко всему прочему, я испытываю такое ужасное социофобное состояние. Благо я не благородная девица и упасть в обморок мне не грозит, но все же, в своем мире я воспитывалась в приличной семье, да и в приюте царили пуританские порядки, которые мы не особо приветствовали, но, все же, были скромными воспитанницами... А тут — такое неприятие.

Впереди послышались шаги, но, видимо, мой головной мозг в опасных ситуациях реагирует оперативно, поэтому я быстро юркнула в темноту за шкаф. Шаги приближались. Я осторожно посматривала через деревянную дверцу. Вскоре, мимо меня прошли двое мужчин в рабочей помятой форме, неся деревянные коробки. Видимо с алкоголем, о чем говорил звук стекла, который звонко исходил из их ноши.

— Не звякай, Пит! Если разобьешь хоть бутылку, мадам тебе причиндалы оторвет, — прохрипел один из них прокурренным голосом.

А я перестала дышать. Мужчины остановились почти рядом.

— Захлопнись, не тресу я. И так, без продыху. И девок не обломится даже сегодня, — проговорил трескучий голос второго.

— Ты давай пошевеливайся, сегодня все блатные собрались. Тебя никто не будет обслуживать. Только рожей своей подбитой не свети у холла, хозяйка приказала. Там сегодня особый клиент...

— Знаю я этих... особых... После них потом... зачищать все...

— Ага. Поной тут еще на свою тяжелую долю. Шевелись давай, лодырь.

Шаги и звон бутылей удалялись. Странные типы завернули у темной двери и

направились на второй этаж. Я проводила их хмурым взглядом. Видимо, и мне нужно туда же... Вслед за алкоголем...

Кажется, я попала на какой-то аншлаг-шабаш, с клиентами-извращенцами. Я надеюсь, что смогу затеряться. Ладно, "кто не рискует, тот не пьет... эм... шампанское", "перед смертью не надьшишься", и прочие поговорки и фразеологизмы.

Маска на лице создавала хоть какое-то ощущение нереальности происходящего. Выдохнув и сосчитав до десяти, я выбралась из своего временного укрытия и направилась к лестнице, расправив свой "наряд".

Ну что ж, в лучшем случае — настал час позора, а возможно, в худшем — я полноценный, то есть, полноправный кандидат на получение...

«Премии Дарвина»

Я подошла к лестнице, ведущей в неизвестность, и вспомнила строки из стихотворения Высоцкого:

"Ну вот, исчезла дрожь в руках,

Теперь — наверх!

Ну вот, сорвался в пропасть страх -

Навек, навек.

Для остановки нет причин -

Иду, скользя,

И в мире нет таких вершин,

Что взять нельзя..."

Улыбнулась. Поэты моего мира подбадривают меня... попаданку...

Глава 6. Город засыпает, просыпается...

Нина Эверинд

Оглушающее зрелище. Я поднялась на второй этаж и нырнула в опасный мирок.

Кричаще-красный коридор, табачный дым, поглотивший фигуры местных работниц и слоняющихся вполне себе представительных мужчин... Могу поклясться, что только что в одну из комнат, в обнимку с куртизанкой, завалился помощник прокурора.

Да, я могу затеряться в толпе — толпе подвыпивших посетителей с затуманенными мозгами и смеющихся «работниц культуры и отдыха», если наконец-то выйду из-за бархатных шторок. Ладно, одна комната (с помощником прокурора) считай уже проверена. Жаль у меня нет фотоаппарата, была бы рада раздобыть компромат на представительных посетителей. Ну вот, я уже и до шантажа опустилась... В борьбе за право на жизнь сироток — все средства хороши... Ох, шучу я...

Я шагнула из-за шторок, поправляя маску и стараясь хоть немного спустить подобие юбки на чулки и направилась по коридору. Лавировала как «корабль среди айсбергов», плавной походкой, которую старалась повторять, подражая куртизанкам. А еще, я старалась всем видом показать, что «меня тут нет, я очень спешу, ведь я личный секретарь мамочки этого предприятия».

— Стой куколка, я давно тебя жду! — зацепились чьи-то руки мне за талию и потянули на себя, — Ух ты! Какая нимфа, где же ты была раньше? — чей-то нос пытался зарыться мне в волосы на затылке, обдавая запахом алкоголя, а руки поглаживали талию в корсете. Брррр...

— А-а-а, да. Э-экссклюзив. И уже спешу... к прокурору! Он меня ждет! Только его и обслуживаю, — выпалила я. Как еще в голову пришло?!

— К прокурору? — моментально отцепился от меня «джентльмен», нахмурился и стал оглядываться по сторонам, — а разве он тут сегодня? — мужчина за сорок, холеный, лохотный, поправляя свою галстук-бабочку, направился прочь.

Вот так, я, кажется, пустила слухи о таком приличном господине прокуроре, хотела же сказать, что я спешу к помощнику прокурора. Эх. Какая разница.

Перебирая ногами в направлении комнат с номерками, резко отвернулась, пряча лицо за веер. Неподалеку грациозной походкой шла высокая статная дама, в сопровождении мужчины.

— Вы будете довольны, девочка просто само очарование, — донесся до меня приторный восторженный голос, как я поняла принадлежащий владелице сего заведения, мадам Люсинде. Ее слова заставили меня замереть и понять — она ведь может говорит об Анне!

Я проследовала за уходящей дамой и ее таинственном «клиентом» в темном плаще.

Они завернули в ближайшую комнату и закрылись. Я, недолго думая, и вообще уже не отдавая себе отчет, что делаю, подбежала и прислонило ухо к двери.

— ...и что же мой товар? И впрямь так сладок? — донесся приглушенный мужской голос.

— Поверьте, другого не держим, — мадам наигранно засмеялась, — она сущий Ангел, и уже ожидает вас наверху, в комнате 213. Ее только вчера привезли, и она совершенно прелестное, юное, чистое дитя, которая мечтает о...

— Люсинда, опусти эти дифирамбы, не утомляй, — раздался металлический голос, — посмотрим, что там за тело...

Дальше я не стала слушать, а понеслась к злосчастную комнату 213, чуть не сбив паренька-разносчика алкоголя, он еле удержала поднос с шампанским.

Я бежала, не обращая внимания на туфли с высокой шпилькой. Глаза наполнились озерами невыплаканных слез. Считала: «215, 216, 217», — о нет, я бегу не туда, «212, 211», что? Где проклятое число «213». Что за фокусы? Перед глазами все плывет...

Я схватилась за голову: "Где эта комната?"

Время идет, а я торможу и туплю по-страшному. Слоняющиеся посетители, целующиеся прямо в коридоре парочки, резкие вскрики и гомон развлекающих и развлекающихся напрочь сбили с толку. Вот, замечаю ответвление коридора, пробираюсь, молясь и психую.

И неужели! На свою удачу вижу комнату «213».

Я подергала за ручку — заперто, но ведь девушка со шрамами говорила, что двери здесь не закрываются...

— Анна, Анна, ты здесь? Боже! Анна, ответь! — я стучу в дверь, и мне кажется, что разобью себе кулак.

Молчание. Неужели Анна без сознания, или связана?

— Анна, пожалуйста...ответь! — я опустила на колени возле двери. Ощущение безысходности и беспомощности поглощало...

— Кто здесь? Кто вы? — отозвался кроткий голос моей воспитанницы прямо за дверью.

— Анна! О, Боже! Анна! Это Нина, я здесь, я заберу тебя! — я задергала ручку двери.

— Нина! — зарыдала за преградой Анна, — Нина, она сказала, что сейчас сюда придет клиент, которому меня продали, мне страшно Нина, помоги мне...

— Не бойся, милая, я тебя вытащу...

Дверь не поддавалась шпилькам, я теряю минуты и не справляюсь, ковыряя этот замок.

Оно и понятно, я не сыщик, был бы сейчас рядом Джон, он бы помог и открыл эту вредную дверь. О нет! Джон! Он бы увидел сейчас меня в таком виде и в таком месте, и чтобы подумал обо мне? Он бы разочаровался... Почему же мне это важно? Верить, что он хорошего мнения обо мне... А что, если я его больше не увижу или со мной сегодня случится что-нибудь страшное? Как я буду смотреть ему в глаза? Если вообще выберусь. Почему-то, сразу становится стыдно, как представляю, что Джон узнает, как я одета, и в каком я месте была...

Так, стоп! Джон отказался помогать, вот пусть и идет лесом! И, если сегодня меня тут убьют — моя смерть будет на его совести! И он будет винить себя всю жизнь! Так ему и надо! Или он найдет мое мертвое тело, где-нибудь в подворотне? О, нет! И что он подумает обо мне? Скажет: «я же говорил, Нина!». А я буду лежать в этих порочных тряпках... Ох... Я просто ненормальная! Переживаю за то, как буду выгдить мертвая, когда Джон обнаружит мое тело.

Как ни странно, но мысли о Джоне порядком меня разозлили, что решение пришло незамедлительно и я оторвала от стены канделябр, и с размаху, с тихим криком «Болван», ударила им по дверной ручке, вложив в этот удар всю боль, которую испытывала.

Дверь отворилась, и ко мне выбежало мое заплаканное «горе».

— Нина! Как ты нашла меня? — стиснула меня в объятьях. Анну нарядили в такой же наряд, как и меня, только бежевый с бордовыми полосками. Как же это все жутко!

— Тише, Аня! Не привлекаем внимания, милая, — ох, это будет сложно. Только на

Анне бежевые цвета, а не красные, и она самая маленькая и миниатюрная здесь, не считая светлых кудрей, как у Ангелочка с картинки. Не понимаю, как можно было покуситься на ребенка! Грудь разрывала злоба!

— Бежим, вернее, идем, как местные... барышни, — я подхватила Анну за руку, и повела в сторону «спасительной прачечной».

Не успели мы толком продвинуться по коридору, как перед нами выросла фигура куртизанки.

— Эй! Вы что прохлаждаетесь? Сейчас вам влетит от мадам! Мы что, должны всех сами обслуживать, ик, ой... — заплетающимся языком сообщила нам эта «рядовой сотрудник»

— Мы только "кружево починим" и вернемся, — обхватив за плечи Анну, чтобы развернуть, увидела, что к нам направляется тот самый "особый клиент" от мадам.

— Так, э-э-э, кого там обслужить? — я обратилась к подвыпившей куртизанке, остановившей нас. Я закрывала Анну собой, почти сливая ее со стеной. В этот момент я радовалась, что она невероятно худая, из-за плохого питания в нашем приюте, и что ей легче будет замаскироваться от опасности (хоть какой-то плюс нехватка финансирования). Обратилась шепотом к ней:

— Анна, присядь возле тумбы, и спрячься за ней, — Анна так и сделала. Оставалось загородить ее, и молиться, чтобы клиент прошел мимо, не обращая на нас внимания.

И, была ни была, я притянула к себе нашу новую знакомую куртизанку, заключив в дружеские, немного игривые объятия, тем самым, загоразживая Анну еще больше.

— Э-э-э, подруга, полегче! — удивилась девушка, еле стоя на ногах.

К счастью, этот клиент, пройдя мимо нас, пренебрежительно фыркнул и поморщился, от вида двух "обжимающихся девиц". Надо же, какой изысканный гурман и эстет! Девушек похожих на детей он любит. Ну ничего! С ним обязательно разберемся. Больше никогда никого не тронет!

— Ну все, чао! — я передвинула уже совсем захмелевшую девушку в сторону, забрав у нее шарфик. Накинула его на плечи Анны.

— Бежим, Анна, пока клиент не хватился! — И мы плавной походкой, понеслись к лестнице... подальше от этого жуткого коридора... к девушке со шрамом...

— Как вы долго! — Наша спасительница-помощница была очень взволнованна, — скорее, держите платье, и бегите прочь! Прочь! — и незамедлительно выпустила нас через черный ход. Не осталось незамеченным, как она смотрела нам вслед...

Мы уже бежали по темному саду. До Клыка оставалось всего ничего. Как Анна резко остановилась.

— Нина, мои документы, они их забрали! Их положила в стол мадам, она спрятала их у себя в кабинете. Нина, если их найдут, что обо мне подумают, что делать, я пропаду с такой репутацией?

— Сейчас, сейчас, я что-нибудь придумаю, — я судорожно пыталась придумать план. Дело совсем плохо.

К нам на встречу уже спешил Клык:

— Ого, ну и видочек у вас! — мальчуган вытаращил глаза, глядя на двух разодетых...нас с Анной.

— Мисс Учительница, я даже вас не узнал, вы как... как...не важно! Скорее уже! Пора возвращать повозку, пока хозяин не хватился! — вот же, мелкий жук, говорил, что у знакомого ее одолжил.

— Стой, Клык! — я ухватила его за локоть, — спрячь Анну в повозке, вот держи платья, мне нужно вернуться и забрать кое-что.

— Ну ты даешь, — перешел на «ты» мальчуган, — если решила пропасть — то возвращайся конечно, — Клык наигранно взмахивал руками в сторону дома терпимости, — прощайся со своей Анной!

— Клык, нужно вернуться! — я покачала головой, прикрыв глаза. Сама не верила в то, что собираюсь опять это сделать.

— Если ты думала, что тебе повезло один раз, то и второй тоже проскочишь незаметной мухой? Вот только там вечер в разгаре, и уже съехались все важные господа города... — Клык хмурился и даже, как-то обижался на меня. Неужели переживает? Мальчуган пытался меня образумить, как мог...

— Нина, это правда, очень опасно! Поедем в приют! Я не пушу туда тебя! — Анна плакала и дрожала, — уж лучше моя репутация пострадает, чем твоя жизнь!

— Мне повезет! — уже на адреналине сказала я, стараясь утешить своих...друзей, — надо довести дело до конца, — ох...мне конец, если я попадусь. Но документы я просто обязана вернуть.

А еще, сейчас подстрекало мое несостоявшееся будущее актрисы или разведчика. Я справлюсь.

— Я быстро, — мне слабо верилось, — если будет грозить опасность езжайте и не ждите меня!

И вот опять, я бегу в ловушку, как к себе домой.

Ну что ж, сцена номер один: "Слабоумие и отвага", Дубль: два... Снимаем одним кадром...

"Пленка уже закончилась"...

Глава 7. "Мышка в мышеловке?"

Нина. Итак, дубль два.

Оставив позади себя озадаченных Анну и Клыка, я побежала обратно в "ловушку". Странно, но, почему-то, я не побоялась доверить Анну Клыку. То ли, не было выбора, то ли, от этого мальчишки веяло надежностью.

По накатанному пути, я быстро забралась в окно прачечной. Откуда только силы взялись?! На мне все так же был "карнавальный" наряд, а половину пути до цели я приблизительно представляла.

В общем, вела себя, как бывалый шпион.

"Девушка со шрамами" сидела спиной к окну. Она шила что-то на подобие моего наряда на швейной машинке, при свете тусклой оранжевой лампы...

— Нина, зачем ты вернулась? — девушка опешила, когда я выпала из окна перед ней.

— Прости! Мне нужно забрать документы Анны! Они остались в столе у вашей мадам. — Я стряхнула с себя пыль и подбежала к девушке, — скажи мне! Как тебя зовут? Ты мне так помогаешь...

— Это... это неважно... Я помогу, — девушка развернулась, обошла столы. Достала связку ключей из сейфа, — вот, держи, это ключ от кабинета мадам, — она протянула ключ с номерком «200», — мадам сейчас в холле с гостями. Раньше двух ночи у себя не появится. Но тебе стоит поспешить!

— Спасибо, — я прижала ключи к груди. Не может же мне так везти!?

Я выбежала за дверь и отправилась по знакомому коридору, будто рядовой сотрудник, и сто лет тут работаю.

Кабинет мадам, как я определила по номеркам, находился в дальнем коридоре. Видимо хозяйке заведения не чужда прелесть уединения и абстрагирования от рабочей суеты.

Комнаты, номера, сменяли друг друга. В коридорах уже было намного меньше посетителей. Видимо, все разошлись по комнатам или в главном холле. Только изредка слонялись официанты.

Как не кстати, путь в кабинет мадам Люсинды лежал мимо этого самого холла, совсем не имеющим дверей, была лишь огромная арка. Пройти незамеченной шанс маловероятен. Судя по гомону, там собрались все представительные мужчины города. Доносилась игривая музыка, как в кабаре, и женский смех.

Просто нужно сделать уверенный вид и пройти плавной походкой... еще где-то веер потеряла, эх... Сколько же там людей? Вот и «непроходимый уровень», надеюсь, я не встречу никакого "босса".

Я разглядывала гостей и девушек, сквозь стеклянные небольшие ставни в стене. Пытаюсь понять, в какой момент мне лучше пробежать мимо них. Но то, что я увидела, заставило напрячься.

Виктор Гистли! Собственной персоны! Восседал на кресле, как темный король, недалеко от некоего джентльмена, курил и пил что-то алкогольное, не разбираюсь в этом.

...очевидно, у него деловая встреча в «уютной атмосфере», в окружении расслабляющей компании куртизанок и музыкантов.

Поразительно, но в этой обстановке он смотрится намного естественнее, чем в своем кабинете. Вот и обратная сторона наших борцов с приступностью.

Неподалеку от Гистли сидела Мадам и флиртовала с важными господами, лица которых я не решилась рассматривать, чтобы не испытывать стыда... стыда за этих важных образцовых моралистов.

Что ж, пора действовать!

Но, на секунду, сердце оборвалось, кровь отхлынула из сосудов, а ноги стали ватными... потому что мне показалось, что среди присутствующих мелькает... Джон...

Ну нет... он не ходит в такие заведения! Не может быть! Он не такой!

Глупая-глупая Нина! А откуда я могу это знать! Он одинокий мужчина, у него свои желания и потребности. Это моя наивная душа его идеализировала и приписала ему несуществующие черты. Ясно все с ним! Важная работа значит у него! «Много дел»! Ну и пусть катится куда подальше! Болван!

А я еще переживала, что он обо мне подумает. Жалела его, волновалась за него...

Ну вот опять, злость и обида на Джона придала мне сил и решимости! Плавно передвигаясь, виляя бедрами (сама удивляюсь себе, что я так могу), направилась из укрытия. Дождавшись очередного официанта с бокалами, я поравнялась с ним и проплыла в противоположную часть коридора мимо холла, почти не цокая шпильками. Вроде, Гистли меня не заметил.

Так, где здесь замок? Вот он. Главное, чтобы замок быстро открылся. У меня всегда проблемы со старыми дверьми и попытками их открыть. Я действовала уже уверенно, потому что все еще была преисполнена ликованием от спасения Анны, и что она находится вне стен этого жуткого дома. А уж я точно выберусь, где моя не пропадала!

На удивление, кабинет открыла быстро — я рада.

Но куда мадам спрятала документы? В какой стол?

О Боже! Подкралась паника! Нет, она завладела мной полностью! Ведь в этом кабинете два рабочих стола, с кучей ящичков на замке, трюмо, стеллаж, стол с папками и корреспонденцией.

— Пусть мне повезет, Боже, пожалуйста! — я кружилась вокруг столов, ноги подкашивались на шпильках. Я себя определенно переоценила. Пошла на риск, и вернусь ни с чем? Но мне пока везет, меня не разоблачили, и я попала в «зеленый коридор», как говорят автомобилисты. Нужно «додоить» удачу.

— Так, если бы я была мадам... ой нет, какой кошмар! Ладно, если бы я была мадам, то документы украденной девушки я спрятала бы вот... — Оглядела два письменных стола, — вот, ну куда же? Взгляд металася от коробки к коробке, от шкатулок, ящичков, книжек, сейфов... — Может в этот неприметный ящик с изображением лаванды?

Я дернула ручку, нет, не открылась. Шпилька! Точно! Вдруг мне повезет?! Я просунула шпильку в замочную скважину. Не знаю совершенно, что делать с этим, но стала производить некие манипуляции, вспоминая все молитвы, которые знаю. Я не понимаю, как это работает, но будто чувствую, что сейчас смогу открыть этот замок. Вот так и разовью в себе вороватое начало.

В какой-то момент я неожиданно вздрагиваю со шпилькой в замке от общего раскатистого смеха, который доносится из холла... Шпилька дергается вместе с рукой. Глухой щелчек замка... и

...о, чудо! Ящик открылся. Не верю! Это какое-то безумие!

Документы Анны, родные, лежат прямо сверху. Я чуть ли не целую их и торжествую. Себя хвалить сейчас рано, мне нужно вернуться, не получив nepотpeбствa. Часть квеста

выполнена, сохранения не предусмотрено, любая ошибка и «Игра окончена» ...

Покидая кабинет, прячу документы в лиф. Я так вымоталась, что устало прислоняюсь к двери и откидываю голову назад. Поправляю корсет и хочу направиться мимо холла к свободе. Как слышу ...

— Стой! — приказ в спину, — Кажется, я тебя раньше здесь не видел, — а я замираю на месте...

Глава 8. Вот это поворот!

Нина Эверинд

Медленно поворачиваюсь, и в сумраке коридора вижу его... Джона...

Высокая фигура знакомого вредного сыщика стоит, скрестив руки на груди, облокотившись о стену. И как же он сейчас опасно выглядит. Темный силуэт выходит из укрытия, и полоска света медленно перебегает по его лицу, постепенно освещая подбородок, скулы и глаза сыщика, с опавшей на них челкой... Это не тот обыденный добрый Джон.

— Что вы делали в кабинете мадам? — Джон медленно, наклонив голову немного на бок, стал приближаться, как и мое фиаско... Никогда Штирлиц не был так близко к провалу...

— Мадам поручила мне кое-что... кхм... мне уже надо идти, — очень тихо говорю, стараясь не смотреть ему в глаза. И, конечно же, надеюсь, что маска надежно скрывает мою личность. Ох...

— Нина? — удивленно-недоверчиво прозвучало мое имя у Джона на устах... и кажется...

Мне конец.

Не поняла, откуда во мне столько безрассудства, но я резко сорвалась с места и уже несусь мимо холла и заворачиваю в сторону комнат «отдыха». Там как раз сейчас «отдыхает» зам прокурора, вот и мы все встретимся: порядочные следователь, преподавательница гимназии и, давайте уж к нам в «клуб моралистов», весь парламент.

Красный коридор рябит полосками перед глазами, а мои шпильки громко цокают, и как я еще не свалилась. Я бегу, Боже мой, я не смотрю назад, боюсь оглянуться. Слышу только мое судорожное дыхание... И еще, слышу стук моего сердца, а не приближающийся шаг позади меня.

Ну вот комната родимая с «зам прокурором» а потом выход вниз...

— А-а-а, — взвизгиваю я...

Это Джон! Он оказался быстрее! Догнал! Он догнал. Резко перехватив меня за талию, развернул к себе, схватив за плечи, и прижал к стене. Потряс (да что за манеры!), заставляя поднять на него взгляд! Ой-ой-ой... Джон в бешенстве. Никогда я его таким не видела. Сжалась вся, стараясь уменьшиться. Еще сильнее, по сравнению с его высокой фигурой... Хотелось вообще, превратиться в муху и улететь...

— Нина! — срывает маску с моего лица. Джон раздосадовано вздохнул. Ну вот, как обидно...

Сдерживаю гнев, как строгий родитель, о нет, сейчас «полиция нравов» подъедет...

— Ты ... Ты в своем уме? Ты сошла с ума, Нина?! Как это понимать? — прорычал сквозь зубы Джон, пригвождая взглядом к месту. Да что такое... Я разозлила самого Джона Вика... Это было даже не под силу Гистли...

— Джон, ты все не правильно понял! Я... понимаешь... ээм ... так стоп, я, вообще-то, — вздернув подбородок и тряхнув волосами сдергиваю его руки со своих голых плеч, — я здесь спасаю Анну, между прочим. И вообще, уже спасла ее, а теперь и ее документы, — и я не смогла остановиться:

— А ты отказался помогать мне! Да кто ты вообще такой? «Дела» у него! — я отчитываю Джона, дожили... Но вообще, да кто он такой? Как смеет так? Я возмущена до

предела. И сейчас говорю не как леди. Я говорю неподобающе, как обиженный подросток, обиженная маленькая девочка... позор мне.

— А сам ты что делаешь в этом месте? — я скрестила руки на груди. А Джон смотрит на меня, о нет, как на нашкодившего глупого ребенка, вздыхает, закрыв глаза и потирает переносицу. О мистер «Высокая мораль», давай прочитай мне лекцию.

— Я здесь... по делу... Рабочий вопрос, — выдыхает Джон, смотря мне прямо... в глаза...хм... даже обидно что ли...

— Вот и иди! Решай свой «вопрос», — передразнила я его, сделав в воздухе воображаемые кавычки. Да, не умею я общаться с мужчинами. А когда мне было учиться и с кем? А еще наедине с Джоном я вообще превращаюсь в какое-то недоразумение...

— У меня все схвачено, Джон! — и еще сухо добавила, отводя взгляд, — Я решила свой «вопрос» без твоей помощи. Сделай вид, что меня не видел, и нам с Анной пора возвращаться. Она ждет меня снаружи. Ее, кстати, сюда продал некий «Коллекционер», — решив уйти по-английски, я развернулась в сторону выхода к лестнице, как...

— Ты. Поедешь. Сейчас. Со мной! — в тихом, размеренном, но приказном тоне, поставил перед фактом господин Вик, перехватив меня за локоть.

Джон собрался увести меня. Он смотрел искоса мне в глаза, а я, к слову, сделала очень обиженный вид. Пусть знает — его поведение в отношении меня мне не понравилось. Он прямо тащит уже мое недовольное величество, а я специально упираюсь, будто на буксире он ведет. Не знаю почему, мне хочется с ним спорить и не слушаться его. Ну так слегка... Конечно я такая безрассудная и дерзкая только в сердцах, а так, по внешнему виду, выгляжу весьма послушной...

В какой-то момент, видимо я перегнула палку, что Джон резко останавливается и разворачивает меня лицом к себе, смотря с высоты своего роста:

— Нина, тебя тогда, у холла... заметили! И ты бы не дошла до выхода... Пойдем... — сказал так обеспокоено...

Неужели, если бы не Джон, то я попала бы в беду? Ой, как стыдно. Я так вредно себя веду. Мне захотелось сильно, как-то, попросить прощение, но так, чтобы не было видно, что я не права... Поэтому просто немного сильнее сжала руку Джона в своей руке... Как бы говоря: «Прости... спасибо тебе»...

Только мы собрались покинуть сие веселое заведение, как в конце коридора к нам навстречу вальяжной походкой шел Виктор в сопровождении двух господинов, о чем-то беседуя.

— Проклятье, — выругался Джон, — он не должен знать, что я был здесь.

Джон, перехватив, меня за плечи, направил нас в какое-то тусклое ответвление коридора. Мы развернулись и поняли, что оказались в длинном крыле с одной комнатой, возможно запертой. И еще, горько осознаю, что Джон подставился из-за меня. Не знаю какие у них дела в отделе, но что-то подсказывало, что Виктор — темная лошадка, которую Джон хочет вывести на чистую воду, и, под моим «чутким руководством», Джон только что провалился.

Джон, не долго думая, резко тянет меня вперед, держа все еще за руку, что я немного запрокидываю голову назад по закону физики. Дергает ручку этой двери, и она открывается, к нашему счастью... или несчастью (но, смотрю, нам везет, прям одни «рояли в кустах»).

Слабо освещенной тусклым светом цвета сепия, открывается вид на помещение. Закрываем дверь. Я замечаю, что ключа в замке нет. Пока Джон прильнул к двери и смотрит

в замочную скважину, я оцениваю обстановку. И мне хочется нервно смеяться, потому что то, что я вижу, выглядит очень прозаично:

Обстановка — интимнее не придумаешь. Мягкий свет, уютная кровать с балдахином, мы с Джоном вдвоем, в пикантном месте, в атмосфере «отдыха», а на мне самый провокационный, короткий и вульгарный наряд. К тому же волосы разлохматились в локонах так, будто я только что с сенова...кхм...

Джон медленно поворачивается ко мне. Наши лица так близко. Он скользит взглядом от глаз к губам, на которых задерживается. Переводит внимание на помещение, оценивая обстановку комнаты...

И говорит, глядя на меня потемневшим взглядом, самые... самые... непонятные слова:
— Подыграй мне! — что это знач...

В следующий момент он быстро хватает меня, закидывая к себе на плечо, и направляется к кровати.

— У нас мало времени, — кидает меня на кровать, следом придавливая сверху собой так, что я обхватываю его ногами... эм, ногами в чулках...

Не успеваю что-либо спросить, как Джон... меня... Целует...

"Что... П-п-происходит? «Мистер Неожиданность». Ты сошел с ума, Джон?" — думаю я про себя...

И ведь я ему отвечаю, со всей страстью. Мой первый поцелуй, с Джоном, я что, сплю? Да и вообще, это мой первый поцелуй... Я пытаюсь не потерять голову и оценить обстановку, а Джон сминает мои губы в каком-то необузданном поцелуе, и прижимает за талию, вжимается всем телом, гладит меня по моей выгнутой в пояснице спине...

Но тут, дверь комнаты открывается.

Виктор Гистли появляется на пороге, я вижу краем глаза. Он остановился, он в замешательстве. И больше я ничего не успеваю увидеть и понять, потому что Джон начинает закрывать мое лицо руками, наваливается сильнее сверху, что у меня перехватывает дыхание. Ведет рукой мне за затылок, а другой притягивает за талию. Его волосы рассыпались по моему лицу, закрывая обзор на дверь. Его руки в моих волосах, он распустил все оставшиеся локоны.

Слышу, как Виктор хмыкнул и покинул комнату, закрыв за собой дверь.

А Джон... не остановился...

Глава 9. Возвращаясь в (не)реальность

Нина Эверинд

Что мы делаем? Почему сейчас? Почему ты не мог поцеловать меня раньше? Почему нужно было доводить все до такого нелепого случая, и не в самом подходящем месте.

Эти вопросы я задаю мысленно. А пока. Я в замешательстве, почему Джон не прекращает меня целовать, неужели он не слышал, что Гистли ушел.

Я бы, может, так и лежала, и наслаждаясь поцелуем с Джоном, зарываясь в его русо-золотистые волосы... Но, видимо, Джон начинает терять контроль... в отличие от меня (я тревожный тип, который никогда не расслабляется и всегда следит за окружающим пространством). Он опускает руку ниже, проводя по бедру, открепляет чулок от подвязки, и начинает медленно его стягивать, ладонью проводя по коже... Я как-то слишком сосредоточена на этом действии...

Его дыхание становится рваным, каким-то... судорожным что ли. Чувствую его бешено бьющееся сердце. Ой-ёй!

— Джон, Виктор ушел... нам надо спешить, — немного отстраняя от себя напористого сыщика... Я не знала, как действовать в таких ситуациях, поэтому решила, что правильным будет привести Джона в чувства... да и себя заодно.

Джон отстраняется, с трудом фокусирует взгляд на мне, часто дышит, сильно жмурится, будто потерялся в прострации.

Я не даю ему испортить момент словом «проклятье», и выныриваю из-под его руки, отбегая к двери, поправляю чулок. Джон незаметно бьет кулаком в матрас перед собой, встает, закусывая нижнюю губу, и смотрит в потолок, будто сейчас застонет от негодования.

— Джон, поспешим? — возвращаю его в реальность, потому что еще немного и я опять убегу от него, но только уже по другой причине... слишком смущена, — Там Анна с Клыкком ждут.

— Клык? — Джон повышает голос и хмуриться недобро, и резко возвращается в реальность.

— Мисс Учительница, вам удалось! — Торжественно и радостно воскликнул Клык, завидя меня. И уже подбежал, чтобы, наверное, обнять на радостях. Но тут же стушевался, заметив Джона.

А я только сейчас осознаю все то, что произошло между мной и Джоном в той комнате... И не знаю, как на него теперь реагировать. Он же, скорее всего, это делал "для дела", профессиональный подход, так сказать... Эх...

Но нет! Это было не просто для отвода глаз. То, как он меня целовал — он терял голову, при этом. Это ведь, определенно, говорит о... О чем это может говорить? Я не знаю мужчин. Не знаю, получается, самого Джона и себя в том числе тоже не знаю. Одно поняла — мы все влипли, и ситуация требует разбирательств и анализа.

— С тобой мы еще поговорим... Клык, — указывая пальцем в грудь мальчугану, грозно сказал Джон. И после перевел взгляд на меня. О нет! Он, оценив мой внешний вид. Зажмурился, трогая переносицу и стянул с себя свой плащ, накинув мне на плечи.

— Спасибо, — опустила я взгляд, вспоминая наш поцелуй. Почему-то рядом с Анной и Клыкком мне стало жутко стыдно. Я потрогала свои распухшие губы немного дрожащими пальцами, и поздно заметила, что Джон все еще на меня смотрит. Ну вот, будет теперь

ходить довольный собой, что заморочил мне голову.

— Нина, что-то страшное произошло там? Ты выглядишь такой растерянной и бледной, — с детской непосредственностью поинтересовалась Анна... вгоняя меня в краску...

— Все хорошо, Анна, Джон... эмм... мистер Вик помог мне, и твои документы у меня.

— Так, я все конечно понимаю, вы все очень рады друг друга видеть! Но мне уже надо вернуть повозку! — заругался Клык и уже запрыгнул на сиденье, потянул поводья.

Анна, к моему успокоению, переодетая в свое платье, быстро вскочила следом... Я же, собиралась повторить действия Анны, как почувствовала на своей руке ладонь Джона. Как небывалый джентльмен, помог мне взобраться по ступенькам... Ой...

Всю дорогу до гимназии мы с Джоном невзначай ловили взгляды друг друга. Анна заснула, и положила голову мне на колени. Я гладила ее по голове, но этим действием, я будто успокаивала саму себя. Клык управлял повозкой, славный малый. Такой маленький, а уже надежный парень.

В какой-то момент я решила сделать вид, что задумалась, и не смотрела на Джона какое-то время. Ну как бы, делая вид, что совершенно погрязла в свои заботы... Но почувствовала теплый взгляд на себе, резко повернулась, Джон смотрел, не отрываясь. Я подняла бровь с немим вопросом «И что это все было?», Джон улыбнулся, потерев затылок рукой, и запрокинул голову, уперся о стенку повозки.

Да, ему определенно сорвало крышу... ну ладно... несколько черепиц, которые завтра он успешно прибьет чугунными гвоздями обратно.

Не мечтай, Нина! Это же Джон! Он просто совместил приятное с полезным. Или нет?!

— Все, мисс Учительница, с вас еще два серебряных, и, до новых встреч, — забылся Клык.

— Ты у меня сейчас получишь «два серебрянных», — строго-сдержанно произнес Джон, а у меня даже мороз по коже прошелся.

Надо же, Джон, да ты бываешь разным, «Мистер Многогранная личность».

— Джон, это была услуга, причем, весьма опасная, — попыталась сгладить ситуацию и защитить Клыка от праведного гнева Джона, — я обещала Клыку за риск его жизни, при нашей «спасательной операции», два серебряных, — протянула две монетки поскромневшему Клыку и надвинула ему кортуз на нос, — Спасибо, Клык, — он молодец, без него бы было худо.

— Я Макс, — тепло произнес мальчишка, вытирая холодный нос рукавом.

— Спасибо, Макс! — парень, услышав свое имя, улыбнулся щербатой улыбкой и направился к лошади.

— А... эмм... Мисс Эверинд, — обратилась ко мне Анна, — я пойду, пожалуй! Можно я расскажу вам обо всем завтра, — и неожиданно быстро заспешила в приют.

Анна убежала... И между оставшимися мной и скромным сыщиком повисла долгая мучительная пауза. Джон смотрел на меня, изучая как-то...

— Спасибо, Джон... за помощь, — я не смогла поднять на него взгляд, безумно смущаясь.

— Завтра я обязательно приеду к вам, мисс Эверинд, — лукаво улыбнувшись напоследок, Джон направился к повозке, даже не стал забирать свой плащ... в который было так приятно согреться...

Джон остановился, почти дойдя до повозки с Максом, и обернулся:

— Нина, пообещай мне, что завтра ты никого не будешь спасать и никуда не отправишься без меня.

— Обещаю, Джон! — хмм...

Глава 10. Джон Вик

Джон Вик

Под покровом ночи, в прохладное осеннее последождье, неспешно брела лошадь, таща за собой повозку с двумя задумчивыми пассажирами.

В ночи бывает такое время — «безмолвия», когда затихают даже самые отъявленные происшествия. К слову, это на самом деле некий переходный момент, затишье, перед которым уже все что должно произойти — произошло, либо только собирается наступить... Например, на город Питфол и его жителей...

Остается только надеяться, что некое предстоящее событие, которое стихийно запущено в этом маленьком городке, не поглотит ее основных героев.

— А она красивая... Твоя мисс Учительница, — как бы невзначай констатировал юный мальчик, величающий себя грозным «Клыкком». Устало сосредоточено он управлял лошастью, хотя детский организм уже требовал хотя бы капельку отдыха.

Джону, как старшему наставнику, пристало бы осечь все разговоры на счет «мисс Учительницы», и попросить своего совсем юного помощника не рассуждать на взрослые темы... Но не мог. Не мог не согласиться с Максом.

— И Анна эта... красивая, — мечтательно продолжил парнишка, — но она сильно старше, на целых шесть лет... Это же целая вечность... Да и еще, кажется, несвободна...

— Макс, не теряй голову... — дружески похлопал мальчугана по плечу. Знал бы Макс, что совет, который самонадеянно дал Джон, является невыполнимым и самым сыщиком, с аналитическим складом ума...

— Вы же поэтому сказали нам с ребятами следить за ней? — сонно, зевая, пытался распутать логическую цепочку Клык Макс, — потому что она вам нравится?

— Я смотрю, ты продвинулся в своем детективном навыке, — ухмыльнулся Джон, отводя взгляд в сторону мелькающих темных силуэтов деревьев, — договоримся, Макс? Если видишь Нину, сразу ведёшь ее ко мне, или сообщаем, где она!

— Заметано...

Джон, попрощавшись с Клыкком, и строго напомнив ему правила его «найма», направился вместо долгожданного отдыха, напрямиком к «Коллекционеру».

Сколько бы Джон ни старался, понимал — он не сможет обезопасить этот город. Может только сейчас он в полной мере, осознал, что сделать Питфол безопасным он хотел больше всего для одного человека... Чтобы она жила в безопасности, и глядишь, и самому Джону, при этом, было бы спокойнее, зная, что ничего не угрожает той, что, периодически, забирает все его мысли...

Теперь же, становиться очевидно, что Питфол угодил в паучью сеть. И что этот, на первый взгляд, неприметный маленький город имеет второе дно, и скоро явит миру свою настоящую сущность.

Знал ли Джон «Коллекционера»? Естественно. Как и знал, что он весьма темная фигура.

«Коллекционер» — бывший рецидивист, вор и якобы «не имеющий крови на своих руках» исправившийся разбойник, вел себя довольно тихо долгое время. Строил из себя благовоспитанного гражданина, занимающегося скупкой артефактов и антиквариата, держа у себя небольшую лавку. Но ничто ему не мешало, как оказалось, торговать еще и людьми.

Найдя нужный дом, больше похожий на бытовку, Джон осмотрел крыльцо. Тихо... Даже

как-то безжизненно.

Нехорошее предчувствие.

Джон осторожно толкнул незапертую дверь, зашёл в помещение.

Взгляду было за что зацепиться и, даже, затеряться... Осматривая многочисленные стеллажи с коробками, свитками, утварью, предметами роскоши прежних времен, Джон продвигался дальше, к комнате, где источала свой теплый тусклый свет раритетная лампа.

Опустил взгляд на пол...

Позади небольшого письменного стола на полу... виднелась человеческая рука... с перстнем.

А вот и сам хозяин этого дома — «Коллекционер».

На первый взгляд — обычное ограбление. Учитывая, что сам убитый имел столь неблагоприятную репутацию и, отнюдь, не верных и добрых «друзей». Что нажил за свою жизнь много «добра», на которое и мог покуситься заезжий или местный вор...

Но что-то не похоже на обычное ограбление. Учитывая его последнюю сделку, в которой он продал Анну в дом терпимости... И ведь, его никак не удавалось поймать с поличным, доказать его вину в торговле отнюдь не вещами. Но он всегда ускользал...

А теперь что-то, на вроде «правосудия», обрушилось на «Коллекционера».

Сыщик скользил сосредоточенным взглядом по комнате. Открытый сейф, рабочий беспорядок, тело самого «Коллекционера», лежащее на животе по направлению от сейфа. И лужа крови на старинном ковре, растекающаяся, определённо, под сердцем матерого вора. Следов взлома, даже намека на ограбление нет.

Видимо у коллекционера был неожиданный гость, который забрал, что-то важное из сейфа. Причем хозяин сам открыл и отдал некий предмет, за что и был хладнокровно убит, как ненужный свидетель, своим визитером.

Джон присел перед бывшим «хозяином дома», осматривая тело.

— Да... Очередная бессонная ночь.

Глава 11. Прозрение

Нина Эверинд. Приют «Глемт». Пять утра.

Просыпаться с рассветом — одна из моих привычек уже семь лет. И не сказать, что я не довольна, потому что покидаю постель, пусть и совершенно жесткую. Напротив, люблю это тихое время. Люблю ранние сумерки. Этот приглушенный темно-синий цвет неба.

Анна снова со мной, и я чувствую успокоение, что ее жизни больше ничего не угрожает. Я хочу в это верить.

В приюте снова двенадцать девочек.

Видимо не я одна люблю просыпаться рано. Наблюдаю осторожно из окна второго этажа своей комнаты-кабинета.

Господин Слаг опять решил отправиться по своим «делам», не дождавшись солнечный лучей... видимо они губительны для его темной душонки. Практика показывает, что его не будет несколько дней. Поразительно, возможно, но я чувствую легкость, когда его нет в приюте. Будто все плохое отправилось восвояси, и Глемт хоть на какое-то время освободился от отравляющего присутствия Слага и будет спокойно «дышать».

Назвать его директором, не поворачивается язык. Он принес разруху в гимназию, растерял воспитанниц, многие хорошие преподаватели разбежались. Осталась только парочка старых дам, которые частенько любят забывать, что у них занятия, и не появляются на уроках.

Время неумолимо бежит. Еще нужно распланировать занятия. Провести беседу с девочками. И потом... возможно... я смогу вспомнить вчерашний поцелуй с Джоном, и подумать... что все это значит... А пока...

— Нина... — робкий голос послышался у двери, — Можно к тебе? — пришла моя беглянка.

— Конечно, Анна, входи, — я отложила рукопись и приготовилась внимательно слушать историю Анны.

Анна присела возле меня, совсем осунувшись. Столько всего успело приключиться с еще юной девочкой...

— Мы с ним... эмм... с Марком... познакомились месяц назад, когда я, ну... первый раз сбежала, — грустный вздох и пауза... — прости меня Нина, я тебя тогда сильно напугала... — Анна взяла меня за руки, отворачиваясь в сторону окна.

— Ничего, Анна. Рассказывай! — ну вот — мое воспитание, Анна пошла по моим стопам бунтарки-беглянки.

— Я тогда хотела глотнуть свободы, немножко, я собиралась вернуться... убежала в парк, покататься на колесе обозрения. Подошла к красивой тележке продавца с мороженым, а у меня совершенно не было денег... И тут появился Марк, так неожиданно. Он купил мне мороженное, но я отказалась и убежала от него. Села в кабинку колеса обозрения. Оно уже начало движение, унося меня наверх, как этот Марк, — Анна замолкает, смущаясь, — он подбежал, зацепился и стал подтягиваться ко мне. Затем ловко перелез через бортик и сказал, что все-таки хочет угостить меня мороженым... Оказалось, что Марк — студент факультета артефакторики столичного университета, приехал сюда к дедушке на выходные. А ты же знаешь, как меня привлекает артефакторика... Представляешь, какое совпадение... Мы гуляли тогда весь день и вечер, я рассказала ему о

себе... и поделилась, что мечтаю найти родителей... И он предложил помощь. Сказал, что поможет найти мне моих родителей, используя некий артефакт, названия я не запомнила. Представляешь, Нина... Он хотел мне еще что-то сказать, но тут появились констебли, схватили меня и затолкали в карету, которая должна была привезти меня в Глемт. А Марк не понял, что произошло, пытался меня защитить, но один констебль его схватил, а второй ударил Марку в живот... И кажется я видела, что к Марку подошел тот высокий опасный человек, брюнет, ну который... с темным взглядом, работает с твоим Джоном, Виктор, кажется... ой...

— Анна... Джон не мой... кхм... и что потом? — я разгладила руками невидимые складки на юбке и кажется немного отвлеклась...

Анна молчала, ее оживление сменила печаль.

— В этот раз, когда я опять сбежала, мы встретились с Марком в кафе «Северный ветер», — Анна опустила взор и осунулась, — он сказал, что узнал, кто мои родители, — глубоко вздохнув, Анна посмотрела на меня глазами наполненными озерцами слез, — моя мама — артистка бродячего цирка, она умерла при родах... А папа, граф Стоун, один из советников короля.

Анна поднялась, подошла к окну, обняв себя за плечи.

— Анна, это ведь хорошо, правда? — я подошла к ней, прижав руки к сердцу, — ты узнала, кто твой отец...

— Нина... он умер... Месяц назад, от разрыва сердца, — Анна смотрела вверх, смагивая слезы из синих глаз, — Нина, он искал меня... И он был в нашем городе в то время, когда ты сбежала из приюта, он был здесь проездом. Нина, если бы тогда мы с Эмили бежали вместе с тобой, возможно столкнулись бы и с моим отцом. Он бы нас забрал, и мы бы жили все вместе, как сестры... представляешь, Нина, он меня любил, — уже плакала, прижавшись ко мне несчастная Анна.

— Анна, милая, все будет хорошо, — я смотрела в окно, на небо, на стаю улетающих гусей, глядя воспитанницу по волосам, — Мы вместе, мы есть друг у друга, — я крепче обняла Анну. Бедная моя девочка... Как же это больно...

— Нина, я ведь не дослушала Марка. Я так расстроилась, поспешила из кафе и побежала, сама не понимая куда. Марк бежал за мной. Он сказал, что лучше вернуться, что здесь может быть опасно... но не успела я остановиться и понять, где я, как мне на голову накинули мешок и потащили куда-то. Я только слышала, что Марк пытался меня защитить, а потом жуткий звук удара и ругательства моих похитителей.

— Нина, Боже! Вдруг его убили?! — Анна начала горько и безутешно рыдать, — потом были какие-то голоса, разговоры про бордель. Что такую тощую бродяжку, как я, в подранном платье, никто не хватится. Они притащили меня к мадам Люсинде. Я так рыдала, просила отпустить меня домой... Эта женщина что-то говорила мне про карьеру в ее заведении, успокаивала, убеждала, что для сироты вроде меня — это будет лучшим решением — работа на нее... потом, она сказала, что поможет. Сне дали выпить воды, чтобы я успокоилась, но после нее я почувствовала головокружение, а потом все было, как в бреду. Помню, смутно, как меня переодевают, красят, а я, будто в болезненном сне... Какие-то яркие девушки вокруг меня прыгают и осматривают мое лицо. Говорят, какая я хорошенькая, играют со мной, как с куклой. Потом меня заводят в темную комнату и говорят, чтобы я была ласкова с очень важным «клиентом», что меня ждет популярность... Потом я почувствовала, что возвращаюсь в реальность, стала осознавать, что все это не сон... Меня

накрыла паника! Я пыталась выбраться. Стучала, кричала, била в дверь, рыдала. — Анна дрожала, заново проживая вчерашний день. Да и мне самой так жутко от ее слов, что кровь стынет...

— Милая, все обошлось, такое больше не повторится. Все хорошо. Я рядом. И больше не дам тебя в обиду...

— Нина, спасибо тебе. Ты меня спасла... — Анна крепко обняла меня, почти перекрывая воздух, — Нина, — уже серьезнее посмотрела на меня Анна, — ты же была там вчера и одета была, как ... как... ну...

— Куртизанка? — на выдохе...

— Да... — смущенно...

— Мне пришлось... замаскироваться..., - вспоминая все это, к щекам притекает кровь, — Мне помогла девушка, в маске... Она, как я поняла, работает в доме терпимости прачкой и швеей. Она... — и тут мне приходит понимание, будто окатили ледяной водой. Я берусь за голову:

— Анна, она назвала меня по имени! — я стала нервно ходить из угла в угол, пытаюсь справиться с нарастающим волнением, — Когда я вернулась за твоими документами, эта девушка мне снова помогла. Она назвала мое имя... А я ведь... не представлялась...И сейчас, кажется, поняла, что так в ней меня задело...

— Нина, что ты хочешь этим сказать? — нахмурилась Анна, заглядывая мне в глаза, — Ты ее знаешь? Она тоже была воспитанницей «Глемт»? Ты ее узнала?

— О, Боже, Анна... Это же была Эмили! — я закрыла рот ладонью, покотившиеся слезы стали душить...

Глава 12. Противостояние. Часть 1

Джон Вик

Мелькали проулки, лавки, прохожие.

Сегодня Питфол немного освещает солнце сквозь слоисто-кучевые облака. Заливая дома золотистым светом. Ветер поднимает листву с мощных камнем дорог, мешая дворникам поскорее навести порядок на улицах. Вот прачки несут корзины с бельем. Мальчишки, натянув картузы на нос, снуют туда-сюда, зарабатывая свои серебряные, чистя ботинки до блеска гутолином, которые сами где-то варят. Ппочтальоны со свежей прессой, глашатаи объявлений. И среднестатистическое местное население...

«Загадочная смерть профессора сразу после гибели его ассистентки». Виднелся заголовок одной из статей вчерашней газеты в ларьке с прессой.

Забегая в отделение, один молодой сыщик, напрочь погрязший в многозадачности, не заметив никого на своем пути, задевает плечом того, кто напрягает его уже больше полугода.

Случайная встреча. Но случайности как говориться...

— Джон, ты сегодня сам не свой, — лукаво произнес Виктор Гистли, наигранно потирая зашибленное плечо, склонил голову набок, — сильно выматываешься, Джон?... много «дополнительной» работы? — улыбка собеседника превратилась в оскал...

— Доброе утро, Виктор! — безмятежно прозвучал голос Джона, — а ты уже спешишь по «важному» делу?

Сыщики несколько секунд сверлили друг друга тяжелым задумчивым взглядом. Пытаясь разгадать мысли и ходы друг друга.

— Такое дело, Джон, не поверишь, — Виктор, как всегда, бросает пыль в глаза. Начал обходить вокруг Джона по кругу, потирая подбородок, театрально хмуря брови, — ты так часто попадаешься мне на глаза, что уже мерещишься всюду, — Виктор развел руками, остановился напротив Джона и хищно улыбнулся.

— Прости, не хотел стать для тебя триггером, — бросил подкол Джон, делая самый бесхитростный вид.

— ...Я вчера хорошо проводил время в одном... кхм... интересном месте..., - Виктор сделал самые невинные глаза, следя за реакцией Джона, — так вот... я все время чувствовал на себе чей-то навязчивый взгляд, — Виктор заулыбался самой милой улыбкой, — Я решил «уловить» этот взгляд, следуя по интуиции... — Виктор ухмыльнулся, — а в одной из комнат... я невольно стал свидетелем очень страстной сцены, — Виктор заметил, как Джон вмиг посерьезнел и вытянулся, — мне определенно показалось, что это был ты, представляешь!?

Виктор подошел ближе к Джону и прошептал ему уже на ухо:

— ... и бесстыдно прижимал свою полуобнаженную преподавательницу...

Джон молча слушал, не показывая своего гнева, как он думал. Сжал кулаки. Все мышцы напряглись... Еще одно слово, и Виктор отлетит в сторону с разбитой челюстью.

— Расслабься, Джон, — засмеялся Виктор, — я верю, что ты очень порядочный парень, — Гистли похлопал по плечу Джона, — вы с Ниной просто, как подростки, честное слово! Уже, как я понял, она несколько лет обивает порог управления, попадает в неприятности, а ты строишь из себя глупенького мальчика. Или не строишь?! — усмехнулся Виктор, заглядывая в лицо своему коллеге.

— Если... — Джон вдохнул глубже, сжимая губы, успокаивая свою злость, — мне понадобится совет на счет взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Я обязательно обращусь к тебе, как к специалисту, — Джон посмотрел в глаза Виктору Гистли, прожигая его взглядом, — у тебя же есть опыт в «крепких», «здоровых» отношениях?!

Выражение лица Виктора в одночасье поменялось. Теперь проявилось его истинное лицо — бесчувственного хищника. Именно такого. Джон не сомневался.

Сыщики прожигали друг друга взглядом, и знали, что надавили друг другу на больное. Джон не собирался отвечать той же монетой Виктору, и раскрывать карты. Но в какой-то момент решил немного сбить спесь со своего самонадеянного коллеги.

— Профессиональный подход, Джон, — Виктор ухмыльнулся и опять предстал перед ним в самом безвинном свете.

Джон, бросив резкий взгляд, направился в свой кабинет. Не прошел и двух шагов, как услышал брошенное вслед от Виктора:

— Скажи своим беспризорникам, чтобы лучше шифровались, когда следят за мной. — Не оборачиваясь произнес Гистли.

— Мне, конечно, очень льстит внимание с твоей стороны... но лучше отправь их приглядывать за своей учительницей. Мне, представляешь, опять померещилось, что некая знакомая бунтарка из приюта отправилась к дому вашего вчерашнего времяпровождения, — ухмыльнувшись, Виктор завернул к лестничному пролету.

— Проклятье! — Джон выбежал из здания.

Глава 13. Таверна "Северный ветер"

Переулок у таверны «Северный ветер»

Джон Вик

Знакомый сыщик уже было пролетел мимо таверны, направляясь в сторону трущоб, как заметил за столиком у окна знакомую одинокую гимназистку, тревожно теребившую кружевную салфетку.

После разговора со своими «информаторами» Джону стало известно, что «его учительница», «белокурая девица» в сопровождении, ожидаемо, "Клыка", отправились в сторону «Северного ветра». Ну что ж, Виктор оказался прав (спасибо ему за информацию), и «его учительница» опять играет в сыщика. Вот же, непослушная! А с "Клыка" будет спрос... Раз опять нанаялся провожатым в бедовые районы для девушек.

Выдохнув обреченно, Джон толкнул увесистые скрипучие двери этой, почти родной, таверны. Окинув взглядом помещение, приметив двух, обедавших похлёбкой в перерыв тяжелого рабочего дня, работяг. И конечно же, Анну, которая смотрела перед собой невидящим взглядом, как фарфоровое изваяние...

— Рассказывай, Анна! — Джон присел напротив девушки, а великий ужас разоблачения отразился на ее лице, — где Нина?

— Мистер Вик, я, мне, я... мисс Эверинд ушла буквально минуту назад, — стала неуверенно оправдываться Анна, нервно поглядывая в окно, — Нина будет с минуту на минуту.

Джон выдохнул. Скрестил руки на груди и отклонился на спинку стула:

— Анна, рассказывай все, с самого начала... — сдержано уточнил Джон. Видит Бог, он уже совсем устал гоняться по всему городу за Ниной, и каждый раз с ужасом гадая, в какую еще беду она может попасть.

А пока... он слушал Анну...

Спустя полчаса Джону стали известны причина «побега» Анны, детали ее знакомства с неким Марком — интересный парень, надо бы его проверить. Примечательно, что Виктор тоже фигурировал в рассказе Анны. А именно, его разговор с Марком, который успела запечатлеть Анна из окон кареты констеблей. Так же, стали известны обстоятельства нахождения Анны и Нины в доме терпимости. Причем, этот момент отозвался у Джона сильной тревогой... и... чем-то еще...

— ...и Нине показалась, что та девушка со шрамами, которая нам помогла. Что это была наша Эмили... Вообще, господин Вик, мы сюда пришли ненадолго. Пока Нину может заменить миссис Кап. Мисс Эверинд почти не покидает нашу гимназию, у нее так много забот, — Анна опустила голову, — это просто я создала Нине дополнительные проблемы своим побегом... Но я так хотела встретиться с Марком... Узнать, кто мои родители... Нина итак взяла на себя большую часть обязательств в приюте, потому что директору Слагу на нас плевать, — Анна совсем осунулась, — Мистер Вик, в нашем приюте персонала можно пересчитать по пальцам одной руки. Я не знаю, откуда у Нины столько сил и любви к нам... Она, наверное, жизнь за нас может отдать, — добрая грустная улыбка появилась на лице девушки.

Джон нахмурился, потирая рукой подбородок. Видимо, Нина решила вызволить еще одну свою подругу...

О нет! Он заболтался, а с Ниной сейчас случилось что-то плох... Не успел додумать...

— Нина, мы здесь! — Анна помахала рукой, вошедшей в таверну, еще одной разоблаченной девушке-«детективу на полставки».

— Здравствуй, Нина! «Как успехи в расследовании?» — с хитрой улыбкой спросил Джон побледневшую от неожиданной встречи Нину. Но все же, вспыхнувшее скунду назад волнение прошло, а на смену пришло нечто новое, разливающееся теплом в сердце...

— Здравствуй, Джон... — Нина присела рядом с Анной, не решаясь смотреть сыщику в глаза.

Глава 14. Когда герои собираются вместе...

Таверна «Северный ветер». Трое гостей за столом.

Ну конечно же Джон тут как тут, и опять разоблачил «начинающих детективов».

«Может пора в отставку?» — мог подумать Джон, раз его работу постоянно кто-то хочет сделать за него. Но он опять пресёк на корню действие своих знакомых бунтарок.

А попытка Нины и Анны самим разыскать Эмили провалилась.

— Нина, помнится, я просил тебя дождаться меня в гимназии, — Джон, пристально смотря, наклонился в сторону Нины. Но тут же вернулся в прежнее положение, заметив хитрый, улыбающийся и удивленный взгляд Анны.

— Возникли неожиданные обстоятельства, — Нина старалась смотреть на все объекты в таверне, кроме самого Джона.

— Ты узнала Эмили? — спросил настороженно сыщик, понимая, что им многое было упущено. И один Бог знает, сколько ему придется разбираться со всем этим...

— Да, определенно... это была она. Поверь, Джон, — Нина посмотрела на Анну, — мь с Анной встретили Клыка, то есть Макса, у таверны. Но он нас дальше в арки не пустил. Сказал, что ты... эмм... не важно, — Нина заулыбалась, но быстро осеклась, — и он сам предложил, что разузнает про «девушку со шрамами». И «его люди», как он сказал, помогут, — на фразе «его люди» Джон усмехнулся и как-то расслабился, облокотив предплечья на стол.

— И что же сообщили «его люди»? — Джон определенно повеселел.

— Они сообщили Максу, что «девушка со шрамами» ночью исчезла, и теперь девицы негодуют и мадам в бешенстве, потому что перед карнавалом, в честь осеннего праздника, исчезла их швея, — рассказ Нины закончен, детали Джон еще узнает, как он решил.

Неожиданно перед ними на стол опустился поднос с ягодным чаем и пирожками.

— Места в таверне не для разговоров, а для трапезы! — отрезала подошедшая старая официантка и та самая женщина, что рассказала Нине не так давно, куда отправилась ее воспитанница-гимназистка.

— И вообще, Джон, — строго продолжила отчитывать женщина, уперев руки в полноватые бока, — привел тут барышень в таверну — поболтать! И только мне смотреть на них больно — тощие, что кости видны!

— Спасибо, миссис Гуди... я как-то не подумал, — стусевался Джон, потирая затылок, мило по-юношески улыбаясь старой знакомой.

Примечательно для Нины оказалось, что у Джона было много знакомых... Как, например, и эта добродушная, но строгая женщина в возрасте, миссис Гуди.

Когда-то, относительно много лет назад, она помогла Джону справиться с потерей отца. Часто, по доброте своего большого сердца, кормила исхудалого мальчишку у себя в таверне. Заботилась, как могла, поддерживая, голодного, одинокого школьника, мечтающего стать сыщиком, как и его отец. И что таить, ругала и наставляла, когда он, еще будучи подростком, «путался» с беспризорниками.

— Не догадался он! Ишь! — заворчала миссис Гуди, хромая, уходя в сторону кухни, и уже, не оборачиваясь продолжила, — догадывался бы чаще — не был бы холостым!

Сыщик смутился — «прямо, как мальчик» — подумала Нина.

Джон потер глаза, пряча улыбку, и кажется, покраснел, потому что Нина и Анна

переглянулись и неслышно захихикали.

— Какая вкуснотища! Нина, Джон, попробуйте, — восторгалась Анна, уплетая пирожок с чаем, набивая полный рот, — Нина, давай такие же приготовим сегодня девочкам, — заулыбалась Анна и уже обращаясь к Джону, — а то наша кухарка готовит настолько невкусные пирожки, будто они из цемента. А пироги, так вообще — подошва старых башмаков, — смеясь добавила, — наша кухарка этот пирог готовила из гречневой прошлогодней муки... Такая гадость!

Спустя пятнадцать минут, пирожки были съедены, в основном Анной, потому что Нина и Джон от чего-то не хотели есть и «многозначительно поглядывали друг на друга», попивая чай, как заметила Анна. Джон расплатился, оставив чаевые, и уже было компания, состоящая из смущенных сыщика и преподавательницы и веселой Анны, отправились на выход, как в дверях показался высокий молодой человек.

— Марк! — радостно вскрикнула Анна и побежала к нему на встречу...

Глава 15. Все пути объединяются

— Марк! — белокурое быстрое «видение» вихрем подлетело к вошедшему в таверну молодому человеку.

— Марк, как я рада! Ты жив! — Анна кинулась в объятия растерявшегося Марка. Не молодой человек тут же вскрикнул от боли и взялся за грудь. Опираясь за дверной проем, еле удержался на ногах, чуть не упал.

Анна в испуге отпрянула, а подбежавший Джон, перехватив под руку Марка усадил его на стул, который придвинула Нина.

— Прости, Анна, — морщась от некоторой боли, произнес побледневший Марк, — я не хотел пугать тебя... я не хотел пугать всех вас, — парень оглядел присутствующих, — просто у меня... — вздохнул Марк, но тут же зажмурился от боли.

— У тебя сломаны ребра? — встревоженно спросила Нина.

— О, Боже, Марк, те бандиты тебя избили! — не сдержала слез Анна и подошла к Марку, аккуратно взяв его ладонь в свою, — прости меня пожалуйста. Я повела себя глупо, не осознавала тогда, куда бежала. И тебе досталось из-за меня... опять...

— Ничего, Анна. Мне не больно. Скоро заживет, — Марк, улыбаясь и немного краснея, положил свою руку на руку девушки.

Джон и Нина переглянулись, пожимая плечами. Так бывает, когда на глазах разворачивается романтическое происшествие между юными созданиями.

— Крепко тебе досталось Марк, — констатировал Джон, — ты молодец, что пытался вступиться за девушку, — подбодрил парня опытный сыщик.

— Не молодец! — строго и угрюмо отчеканил Марк, — я не спас Анну тогда... — а теперь юноша уже и вовсе поник, — когда очнулся была глубокая ночь, и меня приводил в чувства какой-то мальчуган. Потом он помог подняться мне и лечь в телегу... а через какое-то время я очнулся уже в больнице, с туго перевязанной грудью и невозможность нормально дышать. Но хуже всего было понимание, что я погубил Анну... собственными руками.

— Все хорошо, Марк, мы все целы, — успокаивала Анна, сжимая его ладонь.

— Как ты понял, что мы все здесь? — Нина, скрестив руки на груди, прищурившись, спросила у Марка.

— Ах, да! — Марк оживился и поспешил подняться, — вас всех ждет мой дедушка.

Повисла немая пауза. Напряжение, вопросы, удивление — все отражалось на лицах Джона, Нины и Анны.

— И нам надо спешить, поверьте, это очень важно, — Марк выдохнул... и опять через боль.

Улицы, одна за другой, менялись тайными проулками, которые, обычно, предназначены для тех, кто хочет добраться из пункта «А» в пункт «Б» незамеченными никакими ненужными личностями, субстанциями и сущностями.

Перед героями предстоящих событий возник совершенно незапоминающийся и таинственный четырехэтажный многоквартирный дом с внутренним двориком, который будет открываться взору, если вы решитесь пройти в арку. Проникая во внутренний двор, заплутавший гость подумает, что попал в глубокий колодец с высокими окнами, расположенными на разном расстоянии, темными и совершенно безжизненными. Если бы не сипло-гудящие отголоски радио, как предположила Нина, из неопределенной квартиры

сего архитектурного сооружения, то можно было бы считать это место нежилым. Совершенно безлюдное пространство... Но которое, будто, опережает свое время.

Возле парадной, загроможденной велосипедами, выброшенными цветами в горшках, скрученными ватманами, остановились четыре знакомые фигуры...

— Нам сюда, на четвертый этаж, я проведу, — войдя в арку, Марк махнул рукой в сторону высоких дверей.

Не смотря на всю громоздкость высокого сооружения, внутри помещение будто сжималось, заставляя вошедших идти друг за другом, хватаясь за массивные перила... Марк шел впереди, Анна спешила за ним, следом шла Нина, немного нервничая и поправляя волосы, а после нее размерено, твердой походкой, шел Джон...

— Здесь винтовая лестница, прям как на маяке, — усмехнулся Марк, — эти квартиры раньше выдавали профессорам... но их уже не осталось... в смысле, профессоров... кроме моего деда, Марка Рунольва, мой полный тезка.

Гости приближались к квартире старого профессора. В какой-то момент Нина шагнула на ступеньку, но декоративная плитка предательски съехала. И можно было бы успеть хотя бы вскрикнуть от неожиданности и непременно упасть. Но чьи-то крепкие руки удержали испуганную девушку от падения.

— Все хорошо? — обеспокоенно уточнил Джон Вик у Нины, зная на самом деле, что иначе быть просто не может...

— Д-да, — согласилась Нина, ощущая на талии крепкие объятья.

Марк, как хозяин, ведущий своих гостей в дом, хотел было извиниться у присутствующих, за отсутствие капитального ремонта и ветхость жилья, но был поспешно утянут Анной поскорее наверх от остальной части компании.

— Профессор Рунольф, я привел гостей, — обозначил присутствие Марк, проходя в помещение. Он всегда звал деда официально при других — студенческая привычка — исключение любой фамильярности, даже если это твой самый дорогой человек.

Осматриваясь, гости заходили один за другим.

Просторная квартира с высокими потолками открывалась взору. Старые, но качественные, побледневшие от времени, обои с картинками на них и фотографиями цвета сепия. Уходящие к потолочным поребриками стеллажи полные научной литературы в перемешку с расставленной необычной техникой, состоящей по большей части из труб и часовых механизмов. Высокие и широкие окна, почти во всю стену, были завешаны необычными растениями, ветвящимися по рейкам и навесным полкам. Старинная мебель, и книги... очень много книг и рукописей...

Вся квартира напоминала один сплошной кабинет некоего ученого, который выявляет тайны нового мира.

В центре этой самой комнаты был рабочий продолговатый массивный стол, за которым сидел самый настоящий профессор Марк Рунольф. Его можно было не сразу заметить, из-за громоздкого прибора, стоящего на столе и издающего те самые сипло-скрипучие звуки плохого сигнала радио. И самого профессора можно было бы не узнать из-за сложносочиненных очков с несколькими прикрепленными линзами, которые он менял, как меняют обычно увеличение на микроскопе.

Профессор Рунольф вытащил из кармашка костюмного жилета часы на цепочке:

— Вы вовремя, Марк, — добро отметил профессор, улыбаясь морщинками в уголках серых глаз, — рад знакомству, Анна, Джон и... Нина!

Глава 16. Вне времени

Профессор отложил свою работу, снял очки и вышел из-за стола.

— Присядем ненадолго, — пожилой Рунольф указал гостям на кресла у небольшого столика, на котором уже «дымился» ягодно-травяной отвар, — а после я проведу экскурсию по своему жилью... и поверьте... его можно считать музеем.

Четверка, несомненно, друзей, присела на старомодные кресла. Переглядываясь в неловкой паузе, Нина и Анна. И Джон, на чьем лице сейчас не считывались эмоции и мысли, потому что сыщик умело скрывал свое недоумение и интерес к происходящему.

— Вы, наверное, весьма озадачены нашим с моим дорогим внуком приглашением, — добро проговорил профессор, усаживаясь в кресло напротив своих гостей... — позвольте мне все объяснить... Но прежде, хочу сказать, что я очень рад знакомству с вами. Меня зовут Марк Рунольф, я являюсь профессором факультета Потоків Магии Института Артефакторики, — ученый прервался и разлил чай для заинтригованных гостей, которые терпеливо ждали продолжение рассказа.

— Наш факультет специализируется на создании и усовершенствовании аппаратов, двигающих прогресс, но в том числе, что сейчас таить, и на создании приборов, которые улавливают межмировые волны... Не беспокойтесь, Джон, — профессор обратил на себя внимания насторожившегося сыщика, — все в рамках дозволенного законом... Сконструированная мною техника, — Рунольф перевел взгляд на стол, — как раз-таки воспринимает частоты мира... "Изнанки" или, фигурально выражаясь, мира "Полутонов", как принято называть в очень узком научном кругу...

— Но разве он существует? — восторжено-удивленно спросила Анна.

— Мир «Полутонов» неуловим... Он ускользает от исследователя... На столько... Что кажется, будто его почти нет, — Рунольф глубоко задумался, потирая подбородок, — поэтому, Анна, к сожалению, это дискуссионный вопрос, даже среди докторов наук...

— Профессор... — прозвучал робкий голос Нины, — ваш дом... он такой... такой... опережающий время... выглядит... будто, мы попали в... будущее...

— Верно подмечено, Нина... мы на пороге научной революции... Да и Вы, как никто из присутствующих, можете сравнивать временные пределы нашего мира... Вам есть с чем сравнить... — слова профессора прозвучали весьма загадочно для остальных присутствующих в комнате. Эти слова поразили Джона... Что еще он не знает?

— Но позвольте! Мы немного засиделись, — Рунольф не стал объяснять свои столь многозначные, но совершенно непонятные, слова на счет Нины — еще не время. Поднялся с кресла и указал рукой в направлении коридора из стеллажей с литературой...

— Ой, это же вы! — Анна указала на старинное фото в раме, с запечатленным молодым профессором.

— Да, Анна, это счастливое время научных конференций в отдаленных странах. Время, когда мы были молоды, наивны и воодушевлены наукой. Мечтали вершить грани познания...

— Профессор Рунольф, вы говорили о мире «Полутонов», вам удалось поймать сигнал? — Джону не терпелось узнать суть, и что таить, он был озадачен словами Рунольфа о Нине.

— Те сигналы, исходящие из динамиков прибора, что вы слышали, — это и есть сигналы Межмирья, — как само собой разумеющееся и совершенно обыденно изрѣк учёный.

Профессор остановился перед большой стариной фотографией, на которой было запечатлено с десяток человек в лабораторных халатах.

— Это было очень давно. Времена моей аспирантуры. Вот, кстати, я, — профессор указал на совсем юного себя.

— К своему стыду, я был в середничках... А вот этот аспирант, — Рунольф указал на высокого сдержанного юношу в круглых очках, стоящего скраю, на некотором удалении от остальных, — это Александр Аспен. Он был лучшим на курсе. Многообещающее будущее его ждало... Весьма скрытный и малословный, его можно было бы назвать фанатичным... Но на заре своей карьеры он пропал со всех радаров. Он поселился в некоем маленьком городе, и, вроде бы, бросил науку, как говорили в наших кругах... Но я считал, что это не было правдой...

— Чем так примечателен Аспен? Ему удалось уловить сигналы Межмирья, или доказать явно его существование? — Джон вглядывался в фото, в лицо загадочного аспиранта.

— И да, и нет... — неопределенно обозначил Рунольф, — «Нет» — для всех, кому хотел преподнести такую действительность сам Аспен... Но мы-то знали, что он не прост... Что кое-что ему удастся и... удалось...

— Почему вы так считаете, ведь Аспен «бросил» науку? — продолжил спрашивать Джон.

— Как я уже говорил... На заре своей карьеры, Аспен неожиданно исчез... Он и до этого был очень скрытным человеком... Никто не знал, где и чем он живет, о его жизни не было информации... При всем при этом он был незаметен... Будто тень... И ни у кого не возникало желания копаться в его тайнах... Но после того, как он исчез, ползли слухи... Что причина, почему Александр Аспен бросил науку возникла из-за трагедии, случившейся в его семье... Хотя ни о какой семье не шло и речи... Но это же Аспен... Он мог скрыть все, даже свою семью. Потом, он жил в небольшом городе и работал в отделе тестирования лабораторного оборудования, по слухам... Скучно... Неприглядно... и весьма странно... до некоторых пор...

— Что вы имеете в виду? — хмурился сыщик...

— То, что до недавнего времени, я наивно верил во всю эту нелепицу, связанную с научной отставкой Аспена... Я понял, будто молния среди ясного дня, что ему удалось то, что не удалось всему научному сообществу в отношении мира «Полутонов», — профессор обратился к гостям, — весь мой рассказ звучит очень непонятно, но я уже приближаюсь к сути.

Пожилый Рунольф обратился к Анне, что стояла, немного держась за руку Марка, к слову, последний вовсе не возражал...

— Анна, после вашего знакомства с Марком (что меня весьма радует, потому что все стало на свои места)... Меня искал и нашел... один человек. Он интересовался необычным артефактом, — профессор вытащил из ящика листок с изображением небольшого часового механизма на цепочке, — но это не весь артефакт, это половина от целого...

Профессор смотрел на свой рисунок этого таинственного предмета.

— Данный предмет предъявил мне... Виктор Гистли... — среди гостей повисла немая пауза... волнение, удивление... — конечно же, я верю, что мне удалось не показать своего удивления и, ни в коем случае, не выдать своих знаний... Я разъяснил Виктору, что ничем не могу помочь ему... но думаю... Он уже в нескольких шагах от правды...

— Что вы имеете в виду? — Джон вмиг стал напряженным, будто готовился к

прыжку...

— То, что вам, Джон, нужно остановить Гистли, пока он не погубил многие судьбы...
Себя же... Он уже почти погубил...

Глава 17. Мир "Полутонов"

— Откуда этот предмет у Гистли? Чем опасен этот артефакт? — Не унимался Джон, — и... много ли у нас времени, чтобы все исправить?

— Время... — Рунольф мечтательно вздохнул, присаживаясь за стол, — время — очень уловимая и послушная субстанция, если его приручить... — профессор приподнял одну бровь, смотря в глаза Джону.

— Увидев этот предмет, который, случайно или нет, достался Гистли, я понял, что мой товарищ и соратник по научной проблеме, Александр Аспен, смог изобрести... «ворота в мир Полутонов». Этот предмет, — профессор поднял рисунок с изображением артефакта, — всего лишь, ключ, часть ключа... Но весьма опасная и действенная, открывающая мир «Полутонов».

Профессор Рунольф нахмурился, под глазами пролегли тени...

— Отвечая на ваш вопрос, Джон, хочу признаться, что это и есть случай запрещенной магии, совмещенной с технологиями... — профессор выдохнул и грустно продолжил, — чтобы использовать этот ключ, после объединения с недостающей частью, нужна... душа... которая будет заключена в артефакт, она и позволит открыть Межмирье...

Все в комнате напряглись... Это были поистине жуткие и страшные слова профессора.

— Вы думаете, что Гистли собирается совершить некий обряд жертвоприношения, позволяющий открыть ворота в Межмирье? — сыщик обеспокоено, но все же, не теряя самообладания, пытался разобраться в цепочке событий...

— Боюсь, что да, — констатировал Рунольф, — только для открытия мира «Полутонов» нужна душа самого открывающего...

— Вы хотите сказать... что Виктор должен убить себя? Чтобы попасть в этот мир... но зачем ему это нужно? — Джон не думал, что будет переживать за участь Гистли, но все это выглядит очень сюрреалистично. Неужели, Виктор сошел с ума, если все так, и артефакт действительно открывает межмирье.

— К сожалению, это нужно ему на столько, что оказалась не важна собственная жизнь... Виктор одержим... это нечто сугубо личное. Поверьте, я прожил много, и как ученый, все же, тоже одержим наукой... и могу увидеть этот «блеск в глазах». Но, остается только догадываться, что произойдет, если человек попадет в мир Полутонов, сможет ли он менять реальность или прошлое... И для чего это нужно Виктору, это уже...

— ... этот вопрос... уже моя компетенция, — ухмыльнулся Джон, правильно понимая Рунольфа.

— Да, Джон! — утвердительно кивнул ученый, — к сожалению, не могу сказать ничего конкретного о планах Гистли... Могу только предположить, — Рунольф задумался, — что Виктор хочет что-то исправить... или... вернуть...

В комнате опять повисло молчание, нарушаемое тиканьем часовых механизмов...

— Верю, что это звучит очень фантастично. И меня пугает неопределенность... Это все от неизвестности... Что нас ждет за гранью? — ученый перевел взгляд на Нину, — «Мир Полутонов» — это альтернативная реальность нашего мира, существующая одновременно с нашей, без времени и пространства. Это своеобразный мост, по которому вы, Нина, прибыли к нам из своего мира...

Анна, Марк и Джон, перевели взгляд на Нину... В прочем, на ее лице не было

удивления, что и отметил Джон, девушка лишь опустила глаза... Она из другого мира?

— Нина, ты... Что это значит? — Джон обеспокоено обратился к растерявшейся Нине, — ты не из нашего мира?

В ответ на это Нина просто утвердительно кивнула, переводя взгляд на профессора.

— Нина, тот ... ученый, если его можно так назвать, перенес вас из вашего мира, в наш, через мир «Полутонов», — Рунольф продолжал говорить, не обращая внимания на удивленные лица слушателей. Ведь для него это было совершенно не удивительно, а обыденно...

— Он был весьма умен, хоть и спился в конце, но и вы, Нина, сильны, раз выбрались из Межмирья и сейчас перед нами... — Рунольф свел брови, немного подавшись вперед, — Как вам удалось выбраться? Шанс был минимальным!

— Там... в том месте, теперь я понимаю, что это был мир «Полутонов», я помню его смутно, будто туман и краски мира были тусклыми, выцветшими... Там было ощущение пустоты и одиночества, — Нина обняла себя руками, тихо проговаривая тяжелые воспоминания, — я пробыла там очень мало времени... это был будто сон... А потом, я услышала голос, он звал меня по имени... Я сейчас не вспомню, что за голос это был, мужской или женский... Но он был мне знаком, он был... родным... и я будто очнулась, — Нина нахмурилась, продолжив, — а потом, будто туман рассеялся, и я оказалась на полу в темной комнате, среди артефактов... а передо мной стоял директор Слаг и этот ученый...

— Это так страшно, Нина, — Ана взяла Нину за руку, — почему ты никому ничего не сказала?

— Директор Слаг запретил, — Нина вздохнула, опустив голову, — он сказал, что если кто-то узнает — меня заберут на опыты... И что... — но тут Нина осеклась, испугано глянув на Джона...

— Нина, это связано с тем, что Слаг хотел продать тебя ревизору, как диковинку? Ой... — Анна не поняла, как эти слова вырвались. Она спросила это из-за сильного волнения. И теперь сожалела, что присутствующие в курсе того, что было тайной ее дорогой подруги...

Нина заметила, как Джон сжал кулаки, а его взгляд потемнел. И снова появился тот опасный Джон.

— Вот, что значит, когда магия и технологии в руках у неразумных, — профессор глубоко вздохнул, — Ну что ж, я рассказал вам то, что знаю, и то, что я могу рассказать... — вставая, продолжил ученый.

— Благодарю вас, Рунольф, — Джон крепко пожал руку профессору.

Девушки и Марк-младший направились к выходу.

Не разрывая рукопожатия, профессор Рунольф пристально посмотрел в глаза Джону и сказал так, чтобы было слышно только сыщику:

— Если вы постараетесь, Джон, и найдете артефакт, то непременно уничтожьте его... не дайте Виктору совершить то, что он собирается сделать...

Глава 18. По дороге

— Мисс Эверинд, разрешите мне проводить вас с Анной до гимназии, — обратился скромно Марк к Нине.

— Мы будем очень рады, Марк, — добро ответила Нина, украдкой поглядывая на смущенную и радостную Анну.

— Я тоже провожу... вас... — Джон обратился к Нине, переставшей было дышать, предлагая ей взяться за его руку. В ответ она просто кивнула сыщику, положив ладонь на его предплечье.

На просторной лесной тропинке, в направлении гимназии Глемт, впереди, быстро и весело, шли Анна и Марк. Анна задорно смеялась, а Марк, периодически держась за ноющую от боли грудь, улыбался молодой девушке в ответ, рассказывая истории из студенческой научной жизни.

К слову, Джон и Нина, любовались этой юной парой, радуясь их беззаботности и непосредственности...

Подождав, пока Анна и Марк удалятся немного вперед, Джон обратился к Нине:

— Нина, почему ты не рассказала мне, что из другого мира... И как это вообще возможно? — сыщик не отпускал руку девушки.

— Я не знаю... Наверное, это было... не нужно... — пожала плечами Нина, — Как поняла, вернуться домой я уже никогда не смогла бы... Пришлось учиться жить в этом мире, — не поднимая взгляда, немного хмуря брови ответила Нина, — это случилось так быстро — мой перенос в новый мир... Минута или несколько... Будто потеряла сознание, но и очнулась во сне... Я помню это все смутно, видимо... было страшно, и мой мозг стер эту часть воспоминаний, — грустно улыбнулась девушка... Потом ее взгляд переместился на их, сцепленные с Джоном, руки. В прочем, сыщик тоже перевел взгляд, осознав, что он уже немного согревает холодные руки девушки, потирая дрожащие пальцы.

— Нина, я хотел тебе сказать... Мы так и не обсудили... Тот поцелуй... я... — осторожно начал разговор Джон, вспоминая события предыдущего дня...

— Я все понимаю, Джон, — немного отвернувшись в сторону, перебила Нина, поджимая губы, — тогда нужно было подыграть, чтобы сбить с толку Гистли... Тебе пришлось действовать так... и я ни в коем случае не...

— Нет, Нина, — не дал договорить сыщик, сжимая крепче ладони девушки, придвигаясь ближе, — Я тогда поцеловал тебя... потому что хотел этого поцелуя... — Джон тепло улыбался, всматриваясь в лицо уже растерянной девушки...

Нина подняла на Джона удивленные глаза, не веря тому, что сейчас услышала... Ей казалось, что это было невозможным. Что это был некий профессиональный подход... Перформанс... Вынужденное, ничего не значащее для него, обстоятельство.

— И еще... — Джон огляделся по сторонам, заметив, что Анна и Марк завернули к повороту тропинки и скрылись за деревьями, увлеченные разговором, — я и сейчас... хочу тебя поцеловать...

Джон обнял переставшую дышать Нину, немного подаваясь вперед... На что девушка обняла своего сыщика в ответ. Он осторожно заправил ее локон за ухо, и оставляя руку там же, притянул к себе свою иномирянку и нежно поцеловал.

Легкий свежий ветер играл в волосах девушки, поднимая локоны, сплетая их в

самодельные косички. Желтая листва кружила вокруг двух людей, чьи сердца сейчас находились очень близко. А на безлюдной лесной тропинке, в окружении деревьев-великанов, время замерло... Время, действительно, можно приручить, но только если оно выберет достойные сердца...

— Нина, когда я разберусь со всей этой ситуацией, ты... — Джон, немного отстранился, поглаживая руки Нины. Он стоял так близко, что можно было слышать его бешено бьющееся сердце. Молодой человек заглянул в глаза прекрасной девушке напротив проникновенным взглядом и спросил:

— Ты останешься... со мной? — пауза, и Джон совершает мысленную операцию, чтобы не дожидаясь ответа, самому подвести итог, — ...вернее, я и сам никуда не отпущу тебя, — улыбаясь, Джон притянул к себе Нину, чтобы крепко прижать к груди...

Ответ Нины был понятен и так. Слова были лишними, когда сердце говорило все за нее. Молодые Люди дошли до приюта и остановились возле высоких старых железных ворот.

— Нина, Марк хочет прийти к нам на сборку осеннего урожая для ярмарки Праздника Осени. Можно? — Анна припрыгнула ближе к Нине, отметив, что ее дорогая подруга и сыщик немного... загадочные. И, о радость, счастливые?

— Эмм... Конечно, если Марк будет себя хорошо чувствовать, то мы будем ему очень рады... — улыбнулась Нина.

— Я обещаю хорошо себя чувствовать, — отчеканил Марк, как солдатик, и вернулся к Анне попрощаться.

— Спасибо, что проводил, Джон... Нам... нужно идти, готовится к празднику... Нужно собрать урожай на ярмарку, — Нина смущенно посмотрела в сторону приютского огорода с тыквами и фруктовыми деревьями, — Если наш урожай понравится, то, возможно, мы найдем хорошего спонсора для приюта...

— Нина, пообещай мне, что ты не будешь ничего предпринимать снова... А я обещаю, что помогу найти Эмили... И разберусь со Слагом... — Джон взял Нину за руку.

— Обещаю быть осторожной, — на этих слова девушки Джон ухмыльнулся... Ведь прекрасно осознавал, что это бунтарка неисправима... И снова ему волноваться за нее... Значит нужно быстрее разобраться в ситуации.

— До встречи, Марк и Джон! — крикнула Анна, утягивая за собой Нину...

— До встречи, — почти хором сказали молодые люди, переглянувшись. А после поспешили обратно... У каждого было много неразрешенных вопросов...

— Джон, я хотел бы кое-что рассказать. И надеюсь, что это останется между нами... — обратился Марк к Джону, когда они немного удалились от ворот приюта.

— Я хотел бы разъяснить, что... связь с миром «Полутонов», хотя, — Марк ухмыльнулся, потирая затылок, — я больше склонен называть его «Призрачным миром». Это название больше подходит... Так вот, я когда-то подслушал деда, вернее его разговор с другим ученым. Это вышло случайно. И узнал, что исследования в изучении «Призрачного мира» продвинулись далеко за пределы улавливания неопределенных сигналов...

Молодые люди остановились напротив друг друга. Джон удивленно приподнял бровь, скрестив руки на груди.

— С этим миром можно... связаться... то есть, наладить контакт... в обе стороны... — Марк рассказывал воровато, с юношеским озорством...

— И как это можно сделать? И... главное, для чего? — пытался понять сыщик, — не

лучше ли, оставить этот мир в покое... во избежание опасности...

— Но ведь это интересно... и требует, чтобы это изучали. И... есть один интересный прибор... — Марк огляделся по сторонам и заговорщицки прошептал, — Джон, мы не только на пороге технической революции. Представь себе, скоро ты сможешь раскрывать преступления в несколько раз быстрее и эффективнее с использованием новых технологий... Это пока они не вышли в массы, но уже доказали свою эффективность. Но помимо всего этого, проводятся некоторые исследования, не совсем официально... — юноша понизил голос, — С Призрачным миром можно общаться. То есть, с помощью специальных двусторонних приемников, работающих на магических артефактах, можно фиксировать «волнения» Призрачного мира. И самому, удаленно, воздействовать на него... Будто звонишь по телефону...

Джон по-хорошему удивлялся воодушевленному юноше, который с таким восторгом рассказывал о современных научных открытиях.

— Марк, ведь твой дед рассказал нам не все, что знает... К слову, он точно знает, что этот мир — Призрачный мир — существует. У него ведь есть доказательства? Раз так обыденно рассказал о Нине, — склонил голову сыщик.

— Он не рассказал и десятой части истины, — озорно улыбнулся Марк, — все эти разговоры засекречены. Джон, он мог бы поведать нам больше того, что слышали сегодня, но не может... Отсюда, все эти ребусы и намеки для нас. Загадки и двусмысленность... Дед не расскажет истину даже мне, пока запрет не снимут... если снимут... Но поверь, сегодня мы узнали более чем достаточно. И Призрачный мир реальнее реального. И я склонен думать, что этот мир безопасен сам по себе... Опасны только путешественники в него...

Глава 20. Яркое светила Луна...

Что приносит с собой Луна, когда выплывает из-за горизонта?

Она светится неестественно ярко, создавая вокруг себя золотистый туман, подсвечивая тягучие ночные облака. Она приносит бессонницу одиноким, на данный момент, мечтателям.

Ночное светило заставляет их желать в эти моменты быть рядом с кем-то очень дорогим. Создает мучительное ожидание утра и новой встречи.

Всматриваясь в ночное небо, в открытое настежь окно, Оно ощущал, что, в одночасье, Она стала ему жизненно необходима. Будто он упустил много времени, потратив его не на то, что завещала ему вечность...

А что, если еще тогда, он забрал бы ее к себе? Не вернул бы в то опасное место, где она, будучи совсем юной, наверняка, изо дня в день, жила и боялась решения на счет своей участи... ожидая, что в любой момент будет продана.

Воспоминания...

Их первый поцелуй, который он украл. И второй, который расставил все на свои места. Но почему-то сейчас кажется, что он хотел ее поцеловать еще тогда, когда в первый раз увидел... Необычно красивая, нежная, испуганная, но сдержанная. И ее глаза, отражающие что-то глубокое, серьезное, истинное... эти глаза, как зеркало, показывающие ее чистую душу... Если и когда Он мечтал, о той единственной, девушке из грез, своей мечте... То она выглядела так, как выглядела она... Она была именно той...

Неужели она оказалась у него в сердце уже тогда? И сердце сказало: «Вот она!». Не молодость и амбиции перебили желания сердца. И он тогда, возвратив ее обратно, не понимал, что отдавал в руки возможным губителям... А сейчас, стало страшно, от того, что могло бы случиться с ней... с его «сердцем».

Зажмурился от боли, которая могла бы произойти, и которую он так явно только что представил и физически ощутил

— Нина... — прозвучало в ночной тиши.

Что-то новое... несомненно, теплое и такое дорогое рождается у Неев груди, глядя на эту золотистую Луну, таинственно подглядывающую из облаков...

Ведь Она думает о Нем.

Почему-то хочется верить, что и у него, в ночных грезах, хотя бы немного, мелькает она. Почти осязаемое тепло окутывает, обнимая... Будто кто-то дорогой сердцу сейчас, действительно, солидарен с ней в мечтах. Но эта грусть... которая сейчас окутывает, усиливает это ночное одиночество...

Быть любимой... Быть кому-то дорогой сердцу... От этого, одновременно, хочется ликовать... Но в то же время испытывать боль даже от недолгой разлуки

— Джон... — прозвучало под Луной...

Глава 21. Многозадачность

Нина Эверинд

Хочешь ты того или нет, но утром ты погружаешься в хлопоты. Они уносят тебя, как стая гусей уносила лягушку-путешественницу. Утро погружает тебя в быт, вырывая у ночей, где были теплые грезы...

Через несколько дней Ярмарка Урожая — осенний праздник, заканчивающийся красивым вечером в Большом Городском Парке с аттракционами, яркими огоньками и шатрами с «гадалками», «комнатой-смеха, или — страха», жонглёрами на высоких ходулях, тележками с мороженым и печеной кукурузой. Есть нечто прекрасное и в этом городе. Праздник необходим... Чтобы у обремененных была возможность переключиться ненадолго от работы, позволив себе немного ярких красок...

Праздник Осени будет проходить целый день. Утром мы будем участвовать в выставке урожая и конкурсе рукоделия. Мы хотим выиграть главный приз. Не больше, не меньше. Возможно, это будут деньги или годовой запас муки, или еще что-то, что хоть как-то поможет приюту. Мы еще ни разу не выигрывали, к сожалению, но в этом году постарались на славу. Трудились с девочками на огороде с весны, и даже придумали, выращивать яблоки, надевая еще на маленькие плоды фигурные стаканчики, чтобы, в последствии, получать яблочные плоды — «квадратики», — «трапеции», и — «ребристые шарики». Будет занятно. Ведь в этом мире еще никто не додумался до такого, а вот в моем прежнем... Получается, я ворую идеи, которые успела «подглядеть» дома?! Ну что ж, это будет неким обменом опытом от представителя с планеты Земля и идеями от ее креативных селекционеров-садоводов.

Сегодня на уроке шитья, мы отбирали с воспитанницами лучшие работы, которые представим на конкурсе. Красиво оформив все под рамки. Эти работы выполнены с душой... Кропотливый труд обитательниц Глемта. Девочки радуются, скоро они выберутся ненадолго на праздник, выгуляют свои нарядные, на сколько это реально для сироток, платья, которые сами же и шили. Хочешь ты того или нет, но в приюте ты становишься мастером на все руки...

А пока, нам нужно собрать часть урожая, и красиво разложить по самодельным плетеным корзинам. И это тоже будет очень душевное и доброе занятие, тем более, его ничто не омрачит... ведь директор Слаг так и не появился...

— Нина, все готово, посмотри, — Анна протянула мне свою красивую кружевную салфетку с вплетенными в нее бусинками, — как тебе?

— Выглядит просто восхитительно, Аня! Первый приз точно получит Глемт! — ну до чего же рукодельница Аня. Я рада, что несмотря ни на что, воспитанницы очень старательны, послушны и талантливы.

— Нина... эмм... я хотела у тебя спросить... — Анна смущенно опустила взгляд, — Как тебе... Марк?

— Марк... Он очень хороший парень. Добрый и умный, — Анна хватала каждое мое слово... А мне так приятно, что ей важно мое мнение, — и еще он очень красивый, — я подмигнула счастливой воспитаннице.

— Да, я тоже так считаю... — и тут же, погрустнела, вздыхая, — как думаешь... у такой сиротки, как я... может ли быть счастливая любовь? — и тут же посмотрела голубыми

глазами, блестящими от слез.

— Конечно, милая, — я притянула Анну и обняла, — ты у меня такая красавица, словно принцесса, — Анна всхлипнула, — а еще очень умная, сообразительная, старательная. Настоящая леди... Никогда в себе не сомневайся. Ты достойна счастья и самой прекрасной любви...

— Спасибо, Нина, — продолжила всхлипывать Анна.

— А еще я думаю, что не будет проблем с твоим поступлением на факультет артефакторики, ты ведь у меня умница... и будете там вместе с Марком.

Джон Вик

Знакомый сыщик снова в движении. Нужно действовать сейчас быстро, слажено и эффективно. Поэтому, ускоряясь по вестибюлю управления, для начала нужно успеть сделать...

— ДЖОН! — резко выросла полноватая, но статная, с выправкой, фигура перед быстрым сыщиком, — Джон, какого...кхм... — инспектор осек себя, поправляя рукавом подкрученные густые усы на раскрасневшемся лице, огляделся по сторонам, — почему ко мне... — уже нервным громким шепотом, — почему ко мне заявляется мадам Люсинда среди бела дня, в своем кричаще красном платье, привлекая внимание всего отдела к моей... кхм... персоне, — поправляет верхние пуговицы на кителе, — и рассказывает о том, что некие «беспризорники», воруют ее девиц, прямо в разгар вечера. Да еще и обнесли ее кабинет! — Инспектор негодовал и дышал от возмущения, как паровоз.

— Эмм... Ну значит... она любит красный цвет... — спокойно, сдерживая ухмылку, ответил Джон Вик начальнику, привыкший за столько лет к его взрывному характеру, который на самом деле являлся визуальной искрой в его добродушной и строгой натуре.

— Перестань паясничать, Вик! — сдержано-громко пробубнил инспектор сквозь усы, — я ведь знаю, что это твои «крысята» играют в детективные игры, — Инспектор потер переносицу, жмуря глаза, и выдохнул, успокаивая себя, — ... они теряют сноровку, Джон... и стали заметными, как оранжевые хорьки в курятнике с белыми курами.

— Кого потеряла мадам? — Джон спокойно, даже как-то, меланхолично, обратился к начальнику.

— На самом деле, — инспектор устало выдохнул, — мадам интересуется только ее швея... Приметы — шрамы на лице. А еще маска, скрывающая добрую половину лица. Волосы, шея и руки закрыты... Просит ее срочно вернуть, так как она ей «дорога», — начальник поднял взгляд на Джона, — Прости Джон, что сорвался на тебе, я знаю, что работаешь безупречно... Да еще этот, бездна его раздери, Гистли, пропал куда-то... Так и думал, что роет под меня. Не спроста он тут так неожиданно появился. «Дело особой важности», — передразнил инспектор Виктора Гистли, — В общем, найди мне всех этих... пропащих.

Ну вот... где же эта бездна, засасывающая все значимые фигуры...

Глава 22. Все связано?

Джон Вик

Спустя несколько часов поисков, написания отчетов, и прочей бюрократии, которая отнимала у любого сыщика драгоценное время, но была необходима начальству, Джон сидел за столом всматриваясь в доску с визуализацией улик, подозреваемых и логических схем...

Пазл не складывался... Связь... ведь она была очевидна... Много полученной информации, но вся она из разных крайностей.

Исчезновение Эмили и таинственная незнакомка со шрамами, похожая на Эмили, но это не точно. Похищение Нины из ее мира... Призрачный мир... Мир Полутонов... И возможность путешествий в него и манипуляций с помощью него... Загадочный Александр Аспен, о котором информации почти нет, кроме его студенческих исследований, и скучной работы на производстве... Как предполагал Джон Вик — кто-то хорошенько подчистил его биографию и всю информацию об ученом... Кража Анны, вернее ее продажа в дом терпимости Коллекционером и в последствии его гибель... Тайные делишки директора приюта Слага, который снова мутит воду... и ведь ничего на него нет... Имеет где-то крышу... И сам по себе Слаг представляется неким недалеким обедневшим владельцем приюта...

Теперь пора Джону действовать, используя все методы...

Направляясь к нужному месту, Джон заметил мелькающего в толпе на рыночной площади знакомого паренька с надвинутым картузом на глаза. Проследовал за ним.

— Макс, почему не в школе? — сыщик поймал мальчугана за край куртки.

— Джон, ты мне мешаешь, — сквозь зубы прошипел Макс, — у меня слезка.

Джон отпустил Клыка Макса, скрестив руки на груди. И строго смотря сверху вниз на недовольного паренька.

— Господин Сквит сказал, что вы с парнями не посещали занятия уже несколько дней. Хотя у нас был договор, что вы учитесь, иначе не о каком «помощнике детектива» не будет и речи, — Сыщик негодовал, вспоминая, как долго он упрашивал учителя в отставке Сквита создать класс для беспризорников и, что таить, платил ему зарплату из собственного кармана за помощь в образовании его подопечных... — И тем более, буду вынужден сбавить ваш пыл и отстранить. Мадам Люсинда уже сообщила инспектору о...

— Да это все ее амбалы, — злился Клык, — я не виноват, что ее имбецилен тоже начали нас пасти. Вот и сейчас, я пытаюсь запудрить мозги одному из ее людей, направить по ложному следу, — сказал Макс выглядывая из-за укрытия.

Джон выдохнул, потирая лицо.

— Макс, все опаснее, чем мы думаем, поэтому, больше никакой самодеятельности. Вы с парнями строго выполняете указания. А пока ограничиваемся только слезкой, без импровизаций.

— Да, — сник Клык, — я знаю Джон, прости... Я все понял, опять слежу за твоей учительницей. Парням скажу, чтобы не высывались. А на счет Слага... он будто сквозь землю провалился... Мы все обшарили... Будто в городе его совсем нет. И Гистли тоже...

— Разберемся, Макс, — дружески похлопал по плечу паренька сыщик, — только будь осторожнее.

Осенью сумерки наступают быстро, помогая скрывать крадущуюся фигуру.

В единственном окне второго этажа старого приюта немного брезжил свет от лампы. Почему-то в душе у сыщика это отозвалось приятным теплом, а еще, поглотил азарт.

Сыщик ухмыльнулся себе, ловко запрыгивая по выступающим кирпичикам в направлении теплого света окна...

Глава 23. Джон и Нина

Нина Эверинд

Почти полная Луна, осталось небольшая часть до полнолуния...

И вот, опять к ночи подкрадывается чувство безысходной тоски... Еще и Джона сегодня не видела, видимо у него много дел... Интересно, все ли у него хорошо... Скоро ли увидимся...

Надо же! Теперь меня это тревожит. Дожили. Да причем, тревожит так, что стало жизненно необходимо знать, что у него все хорошо...

Денечек сегодня был плодотворный и суматошный, учеба, работа в саду, рукоделие, уборка, готовка. А теперь я заканчиваю свой рисунок для конкурса. Еще немного позанимаюсь рисованием, доведу себя до крайней точки усталости, чтобы забыться сном и, не вспоминая об одном важном человеке, скорее уснуть, не мучаясь бессонницей из-за...

Вздрагиваю от стука в окно. Минутное замешательство... Но я ведь в своей комнате на втором этаже! Напротив нет деревьев, которые будут стучать ветвями о стекло...

Легкий стук повторяется... И я уже несусь к окну, подтягивая вверх рамку. Не верю своим глазам, ведь вижу его...

— Джон, ты сошел с ума? — не передать словами мое удивление, когда вижу, этого «скалолаза». Джон так озорно, по-мальчишески, улыбается... такой родной улыбкой...

— А если бы ты упал? Зачем ты полез в окно, это же опасно, я бы открыла тебе дверь! — я немного помогаю Джону перелезть через подоконник, будто моя помощь нужна... Но я инстинктивно это делала... Боясь за него.

— Хотел проверить свою сноровку, могу ли я еще взбираться по отвесным стенам... И очень нужна твоя помощь, Нина, нужно осмотреть кабинет Слага... — Джон спрыгнул с подоконника, отряхнул куртку и поправил взъерошенные волосы, — Привет, Нина, — и вот, Джон так близко... Стоит рядом, такой красивый и родной, смотрит так... так... Улыбается мне... и мы опять наедине... Ой.

— Кабинет Слага... Конечно. Его нет, и вряд ли он скоро появиться, так что..., - пытаюсь убежать к двери, от чего-то, но чувствую, что меня осторожно останавливают за руку.

Медленно поворачиваюсь. Смотрю в глаза моему сыщику.

— Подожди, Нина, я хотел... — недоговаривает. Джон быстро притягивает меня и целует. Осторожно, в ответ, обнимаю его за шею, отвечая на нежный поцелуй... Надо же... Я оказывается так по нему соскуч...

— Я соскучился по тебе, — перебивает мои мысли Джон, прижимаясь лбом к моему

— Эмм... Я проведу тебя к кабинету... — ну вот опять... я возвращаю себя в реальность. Жалко... но пока на романтику времени не остается... Работа, расследование. Эхх...

Джон не отвечает, смотрит на меня изучающе, все еще обнимая.

— Пойдем? — разрываю наши объятия... Нечего тут терять голову, у Джона опять работа ведь, так? Это я опять романтизирую поступки этого "Ромео"... Хватаю Джона за руку и веду в коридор, — только нужно идти тише, девочки еще не спят...

Выбегаем в коридор и, держась за руки, быстро крадемся вдоль стены. Ну подростки, честное слово. А мне еще хихикать хочется... В прочем, улыбается и Джон. Держится за

мою руку, такой ведомый мной и послушный...

Скоро завернем за поворот и минуем комнаты девочек, а там и до кабинета директора останется немного...

Крадемся тихо, мне бы не хотелось, чтобы воспитанницы видели, что я в ночное время... с мужчиной...

Не успеваем дойти до поворота, как дверь комнаты самых старших четырех воспитанниц, где проживает и Анна, открывается.

Джон притягивает меня к себе, и мы так и стоим возле двери, держась друг за друга, стараясь слиться со стеной в темном коридоре.

— Ну вон, смотри вылетел? — раздается голос Валери.

— Да нет же, вон там, метается, — кто-то из девочек.

— А зачем мы выпускаем мотылька в коридор, лучше выпустите его в окно, на улицу, — просит Анна.

— Нет, там холодно, он может погибнуть!

— А в коридоре? Его там быстро пауки съедят.

— Нет, решено, в коридор.

— Ну тогда постой, пока вылетит, я боюсь его, вдруг ночью на меня сядет.

— Мотыльки не кусаются.

— Ну и что... Как представляю, что его ножки и крылышки касаются меня. Брррр...

Мы с Джоном так стоим, прижавшись друг к другу. И я чувствую, что он улыбается, я сама улыбаюсь, подслушивая разговоры девочек. Осталось подождать, пока они закроют дверь, и мы пробежим.

— Ну на чем мы остановились, ах да! — сказала Валери, — Анна, а этот Марк красивый? Вы уже с ним... ну... Целовались?

Ой... Не хотелось подслушивать разговоры молодежи, но, видимо, выбора нет. Я обернулась на Джона, а он виновато пожал плечами. Но, однозначно, это ситуация была весьма прозаична.

— Эмм... Нет... — тихо ответила Анна, — мы же так мало знакомы... и не пара вовсе... Так что... И вообще, я считаю, что с поцелуем нельзя спешить, нужно подождать какое-то время и...

— Как наша Нина и Джон? — спросила одна из девочек... Я не поняла кто, но в этот момент сердце замерло, а мое лицо запылало от смущения, хорошо, что в коридоре темно, и я стою в полоборота к Джону...

— Да точно! Интересно, а они уже целовались? — о, Боже... Я зажмурилась.

— А, интересно, Джон хорошо целуется?

— Он же взрослый, возможно, и хорошо...

Я прикрыла глаза ладонью... Как неловко... Девочки, пожалуйста... перестаньте... Или завтра у вас не будет преподавательницы, потому что ночью она сгорела со стыда...

— Я думаю, что они уже целовались, ведь Нина такая красавица, и Джон вряд ли устоял, — девочки захихикали. А я, на на этих слова Валери, быстро повернулась к Джону, со словами "прости", закрыла ему уши... Но он, вредина такой, немного отодвинул мои руки, сдерживал улыбку хулигана.

— ...ведь он так нравится нашей Нине, — о, нет! — И причем уже давно, и это так заметно, — "ой-ой-ой... хватит", я мысленно кричу девочкам, но похоже, они не имеют ментального слуха...

Джон улыбается, бегая взглядом по моему лицу, он по-доброму улыбается, видя мою реакцию. «Девочки, я прошу вас, хватит!»

— Ну если мы заметили, значит и Джон... Он ведь не дурак!

— Ой, смотрите вылетел! — на этих словах дверь закрылась. И подсвеченный Луной белый мотылек присел на стекло.

Я потянула Джона вперед, пытаюсь поскорее убежать от комнаты девочек...

— Если они поженятся, то у них будут очень красивые дети и... — из закрытой двери еще доносились сдающие меня с потрохами разговоры, которые я и Джон успешно слышали, убегая...

— Джон, прости. Девочки просто такие мечтательницы, они такие юные и... — я спешу вслед за Джоном по лестнице, перебирая туфельками. Я совершенно не знала, какие слова подобрать. Была сильно смущена ситуацией... Хоть теперь понимаю, что выглядело все забавным, но....

— Я только не согласен с ними в одном! — кажется, стеснительно улыбнулся Джон, оборачиваясь ко мне.

— В чем? — а вот тут удивление...

— Они сказали... что я «не дурак», — уже улыбался своей родной улыбкой Джон, сжимая мои ладони в своих. Приблизился и поцеловал мои замёрзшие руки.

И столько тепла в этом моменте. Мне так хорошо. И все выглядит таким правильным, будто иначе быть не могло...

— И еще, мне не нравится, что вы в приюте одни... — Джон нахмурился.

— Ну-у... утром к нам приходит миссис Кап, и еще наша кухарка Марта... Так что... — пыталась успокоить сыщика, но сама понимала, что одиноким беззащитным нам (одной преподавательнице и двенадцати воспитанницам), живущим на «отшибе», в окружении леса, без охраны... жутко опасно... В свете последних событий...

— Завтра я пришлю сюда несколько своих «человек» ... тех, кому доверяю. Они будут незаметны и не доставят хлопот, — Джон выглядел таким серьезным, — вы не должны быть одни, пока мы не разберемся со Слагом и всей этой ... историей.

— Мы пришли, Джон. Это его кабинет, — остановились напротив массивной серо-коричневой двери с резьбой, — к сожалению, у меня нет ключа, — говорила я, а в это время Джон уже крутил в замочной скважине двумя какими-то металлическими штуками, похожими на шпильки, — Слаг всегда уносил ключ с соб..., - не успела я договорить, как щёлкнул замок, и дверь открылась... Джон, как ни в чем ни бывало, сложил отмычки в карман...

— Вот это да! — ведь действительно, так четко сработал... И, плюс сто... к обаянию Джона...

— Всех детективов учат так взламывать замки? — я подняла вопросительно бровь, и зачем-то откинула волосы назад рукой... Что это было за движение?!

— Эмм, — сделал невинный взгляд сыщик, — детективов не знаю... а вот уличную шпану — точно учат, — ох, да! А это уже передо мной «плохиш Джон»!

— А ты у нас значит... «Король беспризорников»? — вот ведь, не могла не сострить. Да еще и тон такой, игривый... Не знаю, почему я так себя веду сейчас...

— Король? — Джон театрально потер подбородок и взглянул к потолку, — скорее, «Князь», — и потянул меня в открытую дверь кабинета.

Глава 24. Кабинет Слага

Нина Эверинд

Говорят, что рабочее место может многое рассказать о своем хозяине. О Слаге, так точно. Не зная бы его и увидев этот кабинет, я бы представила именно такого, как наш директор.

Место показывало натуру хозяина сполна. Мелочность и алчность на каждом шагу. Коробочки, папочки по алфавиту, и куча листовок для объяснительных. Все сортировано. И это, отнюдь не перфекционизм, не стремление навести порядок, уменьшив энтропию... Нет! Это, его стремление все сортировать, необходимо по одной причине — уменьшить расходы на приют и воспитанниц. Все эти списки, где было полно наших «отработок положенных часов», например каждая девочка должна в месяц отработать двенадцать часов... на кухне, в огороде, а также, уборка территории вместо того, чтобы нанять положенного нам садовника. Причем, Слаг все фиксировал по минутам. Я помню, что у него на каждом вопросе, не обязательно важном, был свой список. Положенное воспитанницам тоже было тщательно замерено Слагом. Отрезы тканей, лекарь, лекарства, предметы гигиены и быта, все было урезано. Он вел специальный блокнот, где записывал каждую копейку, потраченную на приют, на каждую воспитанницу, на каждый вопрос.

Взгляд зацепился за его расческу, лежащую на комод, которой он, видимо, расчесывал свои редкие волосы. И ведь считал себя привлекательным.

Джон осматривал помещение и, скорее всего, у него уже сложилась более точная характеристика Слага, солидарная моему мнению о директоре.

— Слаг очень редко пускал кого-либо к себе в кабинет... Почти никогда, — нарушила я молчание, — с нами общался в классе, если что-то было нужно. Да ни у кого не возникало желания оставаться с ним наедине... Так что...

— Раньше здесь работали «благочестивые сестры»... Почему их нет теперь? — спросил Джон, просматривая бумаги Слага у него на столе.

— Он сократил им жалование... После того, как Эмили пропала... Слаг стал более скрытным. Видимо сестры его раздражали. Они хотели управлять не только нами, но и директором, — я немного рассмеялась, вспоминая, как сестры боролись за возможность все контролировать. Как упивались властью, когда нас наказывали.

— Они были жестоки... — Джон смотрел на меня, а я в этот момент вспомнила тот день, когда он вернул меня в Глемт...

Отвернулась к окну, обнимая себя руками... Пока не почувствовала, что чьи-то руки легли по верх моих, и я вздрогнула от неожиданности.

— Прости меня, Нина... — Джон обнял меня со спины, утыкаясь в макушку, — я тогда был очень глуп... и не знал реальности... Если отмотать время назад, я бы тебя ни за что не вернул...

Он говорил, а я понимала, что давно не злюсь на него... Да и тогда не злилась вовсе... там было что-то другое... Но точно не обида и злость.

— Я приходил в Глемт на следующий день, чтобы поговорить с тобой, но одна из сестер, сказала, что ты в «комнате осмысления» и наказана... — Джон выдохнул и крепче меня обнял, — а потом, когда увидел твои отрезанные волосы, прикрепленные к стенду в вестибюле... мне стало совсем жутко.

— Ты приходил?! Но я не знала... — я была немного в замешательстве, мне никто не сказал... Если бы тогда я знала...

— Да, и на следующий день тоже, но уже... негласно. Пытался тебя найти. Но узнал, что ты все еще взаперти, — Джон развернул меня к себе лицом, — мое детство, проведенное среди беспризорников, которым я и сам являлся, было намного спокойнее и безопаснее, чем у девочек из этого приюта...

Я улыбалась, отвечая на улыбку Джона... Иногда, поддержка, доброе слово и эмпатия творят чудеса... А еще осознание, что ты не один...

— Слаг так много читает научной литературы? — Джон перевел взгляд на стеллаж Слага с книгами.

— Видимо, раз был заинтересован в иномирянках! — пожала плечами.

— Здесь все о садоводстве, брюхоногих вредителях и методике воспитания молодых леди... — сыщик скептически смотрел на корешки книг, — выглядят так, будто их никогда не открывали...

Джон отошел немного в сторону, оглядывая помещение и книги. Я делала так же, будто что-то понимаю и смогу помочь. Сыщик подошел к стеллажу и вытащил одну книгу, неприметную на вид... Открыл ее и, о, чудо!

Внутри лежит ключ.

— У Слага очень интересная книжная полка с замочной скважиной на боковине... — Джон покрутил ключом вокруг пальца, улыбаясь.

— Как ты определил книгу, с ключом? — вот ведь, профессионал.

— Не поверишь! Наугад, — ухмыльнулся Джон, — она располагается на уровне роста Слага, чтобы далеко не тянуть руку... И единственная, где было мало пыли.

Повернув ключ в замочной скважине, еле заметной, к слову, стеллаж немного отъехал в сторону. Вот это да! Очень таинственный Слаг. Мне сейчас и смешно от этого и жутко.

Джон немного еще отодвинул шкаф, и перед нами открылась лестница, спускающаяся вниз, куда-то в темноту.

— Я с тобой, Джон! — последовала скорее за ним. Очень хочется узнать, что за тайны там спрятаны... Хочу вывести директора на чистую воду... И с Джоном мне совершенно ничего не страшно.

Освещая путь фонариком, Джон отправился вниз по лестнице, я осторожно шла следом.

— А вот и второй кабинет Слага, — Джон пробежался лучем света от фонаря по тесному полуподвальному помещению...

А у меня все внутри оборвалось...

Этот письменный стол, эти лампы, это место... где я впервые очнулась, попав в новый мир...

— Нина, все хорошо? — мой чуткий сыщик опять заметил перемену моего настроения, — ты узнаешь это место?

— Да... Джон, это здесь я впервые увидела Слага и того ученого... — воспоминания давались с трудом, — я была напугана, и не сильно запоминала все вокруг, но это, определенно, то место. Я помню, что после того, как Слаг и тот странный ученый, не обращая на меня внимания, радовались своему эксперименту, я потеряла сознание... А потом очнулась в кабинете у Слага... — я выдохнула, — он давал свои «инструкции», что я должна делать, чтобы остаться в живых. Вернее, что я не должна делать и что не говорить...

Джон хотел было подойти ко мне, но у него в ногах что-то звякнуло и покатилося. Мы

проследовали взглядом за светом фонаря и увидели поблескивающую зеленый цветом маленькую стеклянную бутылочку. Джон поднял ее, пытался уловить запах, исходящий от нее.

— Едва уловимый запах Ликрании, — Джон продолжал осматривать бутылку, — вытяжку из этой травы используют как снотворное...

Мы продолжили осматривать помещение. Все что видели, мне очень не нравилось... Бутылки из-под алкоголя. Много. Но Слаг ведь не пьет.

Джон взял две бутылки из темного стекла с длинным горлышком.

— Все имеют белый налет на дне, — сыщик светил фонариком на дно бутылки, где отчетливо виднелся белый засохший осадок, — в этих бутылках, по-видимому, был наркотик...

— Ты хочешь сказать, что Слаг, смешивал алкоголь с наркотиками... Но зачем? — спрашиваю, но не удивляюсь.

— Видимо, спаивал своего ученого... — Джон поставил бутылки, — спаивал и, одновременно, контролировал его.

— Держал на коротком поводку... Ясно, — надо же, мерзкий Слаг... Действительно, никто на здоровую голову не согласился бы ему помогать.

Джон обошел письменный стол Слага, на котором царил беспорядок, отодвинул ящик под столешницей. Вот ведь, удивительно. Кажется, мы попали в чертоги душонки директора.

— Что это? — я прищурилась в слабо освещенном помещении, чтобы разглядеть светлую атласную ленту, которую Джон только что достал из письменного стола.

— Джон это, — я подошла ближе, чтобы дотронуться до боли знакомой ленты... Я не верила своим глазам, — это же лента Эмили! — я не могла ошибаться, проводя пальцами по тонкой вышивке, — только у нее на ленте были такие цветы... Она подвязывала ею волосы... — в глазах скопились слезы...

Джон тяжело вздохнул. Видимо, в данной ситуации, он тоже не может действовать без эмоций.

— Что это значит, Джон? — я спрашиваю его, а сама, кажется, знаю ответ... Мерзкий, мерзкий Слаг...

— Наверное то же, что и это, — Джон опустился вниз, и вытащил из коробки, стоящей недалеко от стола... платье...

— Платье Эмили!? — я подошла и взяла в дрожащие руки ткань, — это платье Эмили. То в котором она была в последнюю нашу встречу ... когда мы общались, я видела через щели в досках двери, — я продолжаю осматривать платье, — оно разорвано на груди, Джон!

— Платье разорвано, но это ничего не значит, — Джон сухо произносил эти слова, возможно он просто не хочет говорить мне... — других следов нет. Я уверен, что Эмили удалось сбежать.

— Зачем он держит здесь ее вещи? — я взялась за голову, — Неужели он...

— Видимо... он испытывает некое удовольствие, храня ее вещи... в потаенном месте... И, возможно, не знает, где она... — констатировал Джон.

— Значит, ей удалось сбежать? — пожалуйста... — и он ей ничего не сделал?

— Я думаю, что удалось, — Джон продолжил осматривать помещение, — и, кажется, он все еще ее ищет.

Я обняла платье Эмили... Мне было так больно... А еще мерзко от противного Слага... Он столько лет хранил ее вещи. И, возможно, когда надолго запирался в своем кабинете... то

приходил сюда и прикасался к ее ленте, платью... Как он смел!? У нас в приюте столько лет была эта жуткая комната, где Слаг творил свои грязные делишки.

Я положила платье обратно в коробку, не известно, когда придет Слаг, он не должен заметить нашего присутствия... Хотя, ему это и не удастся, он сразу отправится в тюрьму... Я надеюсь, что его хваленые связи ему не помогут.

Взгляд зацепился за краешек какого-то пергамента, торчащего из-под ножки стола...

— Джон, посмотри, что это? — я протянула клочок листа Джону, и он отложил некий блокнот, который, видимо нашел здесь у Слага.

— Похоже на записку...

«...значит ты понял, что у меня есть то, что тебе нужно. Любишь ли ты хорошо провести время, попивая глинтвейн? В полнолуние, он имеет особый вкус», — прочитал Джон.

— Но это, не почерк Слага! — я всматривалась в письмо. Крупный, красивый и растянутый почерк с вензелями... — Слаг пишет мелко, еле разборчиво, и буквы стоят на разном расстоянии друг от друга.

— Хмм, — сыщик ухмыльнулся и прошел по комнате, захватив блокнот, — мы возвращаемся, Нина. В этой комнате больше ничего нет.

— Ты узнал почерк? — я уже была утянута за руку по лестнице вверх Джоном, бежала за ним.

— Да... Письмо директору приюта написал... Виктор Гистли.

Не верится, что у Гистли и Слага есть общее дело. Как и где они пересеклись?

Я переступала осторожно через порожек, опираясь на руку Джона. Сыщик быстро задвинул потайной стеллаж до щелчка замка.

— А что это за блокнот, — выйдя из кабинета Слага, я все не отводила взгляда от интересующего объекта в руках Джона. Но он быстро спрятал блокнот во внутренний карман плаща.

— Какие-то расчеты Слага? — отмахнулся Джон... Но я все-таки склонна думать, что сыщик пока не настроен рассказывать все своему «напарнику». Ну ладно.

— Нина, а какая фамилия у Эмили? — неожиданно спросил Джон.

— Вивьэн. Эмили Вивьэн, — странно все это... — Джон, я поняла, что очень малю знала о жизни Эмили. Она лишь говорила, что любит медицину, что ее отец был ученым и ... умер... после неудачного опыта... — все мысли просто роем кружатся в голове, — Джон, у ее отца на работе произошел несчастный случай... Погибла его ассистентка.

Лицо Джона меняется в один момент. Но он тут же себя осекает. Подходит ближе ко мне, обнимая руками за плечи.

— Нина, обещай быть осторожнее. Завтра вы будете не одни. А мне... нужно еще кое-что проверить, — я видела волнение в глазах Джона. И было грустно осознавать, что мы уже прощаемся...

— Хорошо Джон. Я буду осторожнее. Не беспокойся, — грусть в моих словах, взгляде, осанке... И я знаю, что мой эмпатичный сыщик чувствует мое состояние.

— Ну что ж... Тебе пора... — я осторожно касаюсь губами щеки Джона. Глажу его волосы. И вижу, что ему тоже не очень хочется меня покидать.

— Послезавтра, — смотрю на настенные часы в коридоре, показывающие первый час ночи, — ...то есть, уже завтра осенний праздник...

— Я приду. Обязательно, — короткий поцелуй... — Нина, я хотел сказать, что...

— Нина, это ты, — раздался тоненький голосок самой маленькой шестилетней воспитанницы Эллан.

— Элла, почему ты не спишь? — я подбежала к малышке и взяла ее на руки.

— Мне приснился страшный сон, — уже уткнулась ко мне в плечо, — я будила девочек в комнате, но они отнекивались от меня во сне... и я хотела пойти в соседнюю... — Элла, уже сонно зевая, начала засыпать, устраиваясь поудобнее у меня на руках.

Я перевела взгляд на Джона. Он улыбался, видя всю эту ночную картину.

— Ну, нам кажется пора, — попрощалась с Джоном, унося Эллу в ее комнату.

Глава 25. Цепочка складывается...

Джон Вик

Сыщик покинул Глемт, оставив там Нину и ее воспитанниц одних, и кто бы знал, как беспокойно было на душе у Джона.

Только то, что развязка уже близка, давало Джону надежду, что скоро все изменится. Сыщик совсем не удивился, когда увидел в записке почерк Гистли. Читая это послание, адресованное Слагу, в голове у сыщика отчетливо звучал голос Виктора.

Они связаны. И их встреча произойдет вечером в осенний праздник. Это было очевидно. Только в осенний праздник готовили глинтвейн, а полнолуние придется как раз на праздник Осени. Их встреча произойдет на ярмарке и, скорее всего, вечером, когда главный парк будет забит людьми, а пестрые наряды акробатов, жонглирующие огненными шарами циркачи, салют и музыка, позволят состояться любому событию незамеченным.

В голове у Джона отчетливо мигал вопрос: «что Гистли намерен передать Слагу?» Неужели он уже собрал ключ, открывающий мир Полутонов, о котором говорил профессор Рунольф... И намерен ли он отдать его Слагу? Если все так, и Виктор одержим, то остается ужаснуться мысли о том, что может натворить Слаг через призрачный мир... Но сыщику ужасаться не было времени и дела, он завернул в Управление, покрытое ночным туманом.

По пути наш сыщик вспоминал о своей находке, которую скрыл от Нины... А именно, блокнот с записями неудачных экспериментов Слага и его ручного ученого. До Нины, у них было несколько попыток, невенчанные успехом. В нем подробно описывались свойства применяемых артефактов и неких механизмов, через которые они могли шарить в «Чужом» мире и воровать людей. Эти механизмы работали на энергии артефактов, запрещенных, они действовали как лассо, ловящие «колебания души», как написано в этом блокноте. Несколько экспериментов, все шаги каждый раз были одинаковыми. Но почему выбралась только Нина... А как же остальные?

Джон не стал говорить своей Учительнице об этом... Для нее итак, было много потрясений, связанных с вещами Эмили.

Эмили... Эмили Вивьён... Сыщик никогда не слышал такой фамилии. Эмили тоже фигурирует во всей этой истории и нужно только подтвердить свою догадку...

Осторожной поступью перемещался наш знакомый сыщик по темному кабинету, принадлежащий такой же «темной» личности.

Второй кабинет за вечер. Джон ухмыльнулся себе, что перевыполнил норму по обыскам и взламыванию дверей за столько короткий срок.

Кабинет Виктора Гистли был в идеальном порядке. Рабочий стол не нес никакой информации о его хозяине, кроме того, что он был жутким перфекционистом. Минимализм во всем. Отсутствие личных вещей, которые хоть немного пролили бы свет на внутреннее составляющее Виктора. Комната выглядела бутафорской... Будто ее хозяин, намеренно, не обживал ее.

Осмотрев его стол, стеллажи с «делами», ящики стола... Ничего... Это похоже на Виктора. Он заметал следы с самого своего появления?

Но что это?

Ведро для бумажного мусора... Сыщикам не престоало воротит нос от таких предметов. Хотя, и оно, было в идеальном состоянии... Но что это?

Джон приблизился. На дне корзины лежала газета. Выглядела целой и свежей, словно ее выкинули, не читая, как только курьер принес свежую прессу...

Джон осторожно достал вещь. На свернутой в два раза, скорее, «газетенке», которая обычно славилась небывальными нелепицами, будоражащими общественность, и носящие больше несерьезный и развлекательный характер, красовался заголовок крупными буквами:

«Загадочная смерть профессора сразу после гибели его ассистентки».

«Проклятье» — раздалось в сумраке кабинета, подсвеченным лучом фонаря. Джон напрочь забыл, что видел уже этот заголовок мельком, и не удосужился прочесть статью.

На первой странице сразу же давалась небольшая статья:

«История, покрытая таинственностью. Скандальный случай. Невиданное происшествие! Ученый проводил неофициально опасные опыты. Правда или Ложь? Действительность или выдумка? Попробуем разобраться в загадочных событиях. Долгое время в научном обществе обвиняли ученого Александра Аспена в проведении опасных опытов, которые он осуществлял неофициально, и во время которых пострадала его коллега. Но об этом чуть ниже. Являлось ли это обвинение истиной? Свет на события восьмилетней давности нам пролил таинственный информатор, подбросивший загадочное письмо в нашу редакцию. Как сообщает таинственный свидетель: Александр Аспен никогда не подвергал опасности своих коллег. Был истинным ученым, который, если и проводил тайные исследования, не причинил бы никому вреда. А также, наш таинственный информатор сообщает, что смерть Александра Аспена была вовсе неслучайна! Так что же произошло во время тех событий? Какие исследования проводил загадочный ученый? И является ли его смерть случайной, после трагической гибели его ассистентки, имя которой теперь известно только благодаря нашему инкогнито. Впервые эту информацию дает наша газета. Ассистентки Лорены Гистли...»

— Гистли?! Лорены Гистли? — прозвучало в тишине кабинета...

Глава 26. Что сильнее меняющих реальность?

Нина Эверинд

На удивление, раннее утро я встретила бодро. На улице было так тепло, свежо, так красиво и таинственно от легкого утреннего тумана. Я бродила недалеко от приюта. Пыталась осмыслить все, что мне известно, все что я чувствую и все, что я смогу сделать...

Пожухлая трава слегка хрустела под ногами, и даже, не смотря на разгар осени, изредка были слышны голоса птиц. Я верила, что скоро все изменится, что для воспитанниц настанут лучшие времена. Да, было волнительно... но не страшно. Смотря на наше «жилище», обнимая себя за плечи, я выдохнула... Я чувствовала сердцем, что у нас все получится, что жизнь налаживается... А еще меня поглотило такое сильное чувство защищенности, впервые за долгое время...

Даже, когда рядом нет моего сыщика, я чувствую его крепкие надежные объятия...

Девочки просыпались, собирались и, как обычно, хлопотали, помогая более маленьким воспитанницам. И вскоре, наш небольшой огород постепенно наполнился насельницами Глемта, и каждый был занят при деле. Нужно было досушить одежду, собрать фрукты, а потом заниматься подготовкой своих нарядов к завтрашней ярмарке. На празднике нас будет сопровождать миссис Кап, которая поможет присмотреть за совсем юными воспитанницами, пока я и самые взрослые девочки будем участвовать в конкурсе на ярмарке урожая.

— Анна, вот держи, повесь немного с краю... — Элла протянула Анне еще пару вещей.

— Спасибо, моя помощница, — Анна всегда хвалила нашу маленькую «сестренку».

— Ой, Анна, там твой жених пришел, — весьма громко проговорила Элла, немного картавя.

А Аня тут же покраснела, увидев своего Марка, стала судорожно поправлять волосы, с которых сняла косынку.

— Здравствуйте, мисс Эверинд, разрешите мне помочь вам?! — Марк обворожительно улыбнулся, стоя рядом с моей воспитанницей, а я перевела взгляд на смущенную Аню.

— Конечно, Марк, здравствуй. Нам как раз нужна помощь, — и я поспешила увести Эллу, направляясь к другой яблоне собирать плоды, оставляя юные сердца вдвоем. К слову, Элла вовсе не возражала, будто все уже понимала.

Я смотрела на воспитанниц, которые по-доброму хихикали, посматривая в сторону Анны и Марка. И для меня не было удивлением, что девочки рады за свою подругу. Просто иногда вздыхали и о себе, о том, что сердца уже готовы любить...

— Нина, — подбежала ко мне Валери, на ее лице было возмущение и ... покрасневшие щеки просто пылали, — я только что видела... — и уже шепотом, — как на меня через забор, у кустов с жимолостью, которую я сейчас собирала, смотрел какой-то... парень... да еще таким нахальным взглядом, — негодовала Валери.

— И вовсе не нахальным, — мы, вздрогнув, обернулись и увидели рядом с собой высокого, но немного худощавого юношу, ровесник Валери, видимо. В светло-бежевой рубашке и темных брюках с подтяжками, и в картузе... Погодите-ка... И как он так незаметно подкрался?

Только я хотела строго спросить с парня, что он тут забыл, но увидела, как Валери показала ему язык. О, нет! А парень хулиганисто улыбнулся, скрестив руки на груди. Валери

и этот парень сверлят друг друга взглядом, а я ...

— Леон! — послышался знакомый голос, — ну я же просил не высовываться! — а вот и Клык Макс материализовался, возмущенно ругался, хлопнув себя по лбу, — мы должны были быть незаметны тут, а ты нас выдал только что! — Клык продолжал раздосадовано сокрушаться, рыча сквозь зубы и держась за голову.

— Макс! Так-так! — я скрестила руки на груди, прищурила хитрый взгляд, осматривая наших незваных гостей, — так значит это вы те самые «люди» Джона, которых он должен был направить присматривать за приютом?

— Да, мисс Учительница, все так... И не за приютом, а за всеми вами! — пробубнил Макс, поглядывая неодобрительно на Леона, который в это время открыто (минуточку!) рассматривал Валери, вообще никого не стесняясь. А Валери стояла с гордым видом, вообще игнорируя парня. Ну и дела...

— И сколько вас здесь? — я осматривала территорию, особенно уделяя внимание забору, кустарникам и деревьям, но никого и ничего не увидела.

— Достаточно, — строго, как взрослый начальник ответил Макс, — и я сразу объясню, что мы надежнее констеблей из Управления. Просто доверьтесь, мисс Учительница, и поверьте.

— Ну хорошо, Макс, — я, конечно, замаялась, хотя, понимала, что этим ребятам Джон доверяет... А, в свете последних событий, теперь опасно полагаться на кого-то ненадежного.

— Обещаем, мы будем незаметны, кроме нас вот... С Леоном... — Макс поправил картуз, — а еще... мы завтра будем сопровождать вас всех на ярмарку и обратно, — отчеканил Макс, а Валери на этих словах Макса фыркнула.

Я еле сдержалась, подавив улыбку. Надо же, Валери, я никогда не замечала за тобой такого... поведения.

— Ну раз вы вдвоем разоблачены, — лись, — я обратилась к Максиму и Леону, который все еще смотрел на Валери, — то можете помочь.

Валери хмыкнула, взяв свою корзинку, эмоционально встряхнула темно-каштановыми волосами и отправилось собирать жимолость с гордо поднятой головой. Леон немного посмотрел ей вслед, затем неспешно, засунув руки в брюки, отправился за ней.

Ну вот что мне с ними, со всеми, делать?! Чувствую себя старшей сестрой, которая не справляется с младшими в их подростковый период.

— Не переживайте, — Макс проследил за моим взглядом, — Леон надежный парень, он отлично дерется... Джон всегда доверяет ему самые опас... кхм... сложные задания... Просто перед красоткой не устоял. Это у меня, наверное, все в порядке с головой, и я делаю дело, а не ведушь на красивые глазки! — хмыкнул Макс, а я засмеялась, немного.

— Ох, Макс, посмотрю я на тебя через несколько лет! — я похлопала по его плечу, — ну что, поможешь собрать яблоки?

Ну вот, нас охраняют «люди» Джона, и, не смотря на то, что возраст наших защитников совпадает с возрастом моих воспитанниц, мне, с одной стороны, спокойно, потому что я чувствую надежность от этих охранников, но, с другой стороны, мне теперь приходится самой следить за всеми ними, за каждой из сторон.

Мы с Максимумом и Эллой собираем яблоки, где-то в стороне большая часть воспитанниц гладит белье на широких столах, и, все-таки, далековато собирают жимолость Валери и Леон. Замечаю, что он не сводит глаз с Валери, улыбаясь, что-то говорит, а она, как «холодная королева, что-то ему отвечает, даже не взглянув. Но, когда Леон отворачивается,

чтобы набрать ягод — Валери уже не сдерживает довольную улыбку... Ох и лиса.

Недалеко от нас развешивают занавески Анна и Марк... Они стоят недалеко так, что я слышу их разговор.

— А вдруг... этому Гистли удастся проникнуть в мир Полутонов... и он изменит прошлое... и настоящее... — осторожно проговаривает Анна, опустив глаза, продолжая развешивать белье, — вдруг те, кто повстречали друг друга... больше никогда не встретятся? — смотрит с надеждой на Марка.

Марк молчал, обдумывая вопрос Анны... Мне и самой было не спокойно... Неужели такое возможно? Поменять историю событий, разлучив при этом родные сердца.

— Анна, знаешь... Дед говорил, что... невозможно разлучить во времени и пространстве тех, кто дарован друг другу Свыше... Что они обязательно встретятся, даже если кто-то и изменил реальность... — Марк лучезарно улыбался, в его лице светилось какое-то нежное чувство. А я заметила, как Анна выдохнула, пряча улыбку.

«Они все равно встретятся», «...дарованы друг другу Свыше», «невозможно разлучить» — я повторяла услышанные фразы.

Я хочу верить, что никто и ничто не разлучит любящие сердца, предназначенные друг другу...

Глава 27. Вечер перед праздником

Джон Вик

Информации о Лорене Гистли не было... Будто такой женщины и вовсе не существовало... Или информацию о ней подчистили так же, как и в случае с Александром Аспеном. Но все же, Джону удалось раздобыть одно "звено" цепи... Но для подтверждения его истинности, нужен сам Виктор Гистли.

Виктора нет в городе, в этом сыщик был полностью уверен. А вот на счет господина Слага было все весьма прозаично. Этот «персонаж» снял квартиру в районе трущоб, под иной фамилией. И как бы не чесались руки схватить Слага, и вытрясти из него всю информацию и, возможно, душу... Джон не мог. Нельзя было спугнуть хитрого директора приюта.

А теперь сыщик наблюдал, как в темных переулках перемещается невысокая круглая фигура Слага в плаще с капюшоном, выглядящая весьма карикатурно... Ожидаемо, Слаг спешил на встречу, ни с кем иным, как с одним из людей мадам, которого в прошлый раз пас Макс.

Чтобы ушлый директор не заметил интереса со стороны законников, Джон приказал Максу и команде Клыка прекратить слежку за Слагом. Пусть расслабится, почувствовав вседозволенность, и потеряет бдительность.

К тому же, большая часть дня ушла на дорогу туда и обратно, далеко за город, до одного весьма интересного дома... принадлежащего, как выяснилось, Слагу. Этот дом он приобрел на днях, когда отсутствовал в приюте. И, разумеется, зарегистрирован он на другого человека, а именно, на престарелого и больного родственника Слага, находящегося в лечебнице для душевнобольных...

Джон не смог не проверить и этот дом... Высокий забор, с мощной дверью, далеко в лесу, среди деревьев, вызывал огромный интерес у сыщика. И чутье не подвело. Снаружи дом был весьма мил и непримечателен. А внутри уже более мрачно... И самое неожиданное, что вызывало неоднозначное отношение, — это подвальное помещение, под тяжелой дверью с замком, который было тяжело вскрыть сыщику, но, увы для хозяина сего дома, это была не первая массивная дверь со сложным замком, которую Джон вскрывал.

Потратив на пресловутый замок 27 минут, сыщик открыл дверь. И внутри помещения перед глазами предстал вызывающий диссонанс антураж... Комната, оформленная в розовых тонах, с ажурным орнаментом кровать и ванная, трельяж с предметами женского быта и гигиены...

Первое желание у Джона было запереть Слага в этой комнате и навсегда забыть о его существовании. Почувствовав хруст от своих сильно сжатых кулаков, Джон нашел в себе силы, все-таки, вернуться к прежнему плану...

На обратном пути, гнев стих. "Для кого предназначена эта комната?" Стоило представить, что Слаг готовит этот «подарок» Нине, ярость вскипала вновь в груди у сыщика...

Нина Эверинд

Местное Солнце клонилось к закату, а это значит, нам пора прощаться с гостями и уходить в дом завершить подготовку.

— Спасибо вам, ребята, вы нам очень помогли, — я оглядела своих воспитанниц и

наших троих гостей, Марка, Макса и Леона, — скоро будет смеркаться, а нам пора готовиться к завтрашнему дню.

— Не беспокойтесь, мисс Учительница, мы будем патрулировать территорию. Сегодня прибудет ночная смена, — заверил меня Макс, с очень вальяжным видом, — мы будем незаметны... правда, Леон? — Клык покосился на своего «коллегу», а тот хмыкнул, отворачиваясь.

Что не скрылось от моего внимание, так это то, что Леон значительно погрузтел под вечер и уже серьезно и тоскливо смотрел на Валери. Видимо думает, что получил от ворот поворот. Ох... Молодежь...

— Вы будете следить за приютом всю ночь? — растеряно спросил Марк Клыка с нотками... ревности?

— Да, а что? Какие-то проблемы? — резко ответил Макс, — можешь не беспокоиться, твоя Анна в надежных руках, — Макс оскалился. Вот же, дерзость не по годам.

Марк и Макс сверлили друг друга взглядами, а Анна растерянно смотрела то на одного, то на другого.

Вот только мне этого не хватало для полного счастья — драк за воспитанниц. Джон у меня еще получит... за все эти нервы. Помощничек...

— Так-так, ребята, если вы действительно охраняете приют, то пожалуйста делайте это так, чтобы правила приюта не нарушались. А еще выполняем все моральные нормы...

— Нина, я провожу Марка до ворот, — Анна потянула своего интеллигентного Марка. А тот нарочито крепко взял ее ладонь.

— Прощаюсь до завтра, мисс Эверинд, — Марк кивнул и, уводя от наших охранников Анну, не забыл напоследок зрительно их осадить...

Мне бы выдержать этот день...

— Нина, нам пора в дом, — Валери выдернула меня из моих новых переживаний.

Я кивнула ей и направилась к остальным воспитанницам, ждущих нас в холле.

— До завтра, Валери, — тихо и кротко произнес Леон, — спокойной ночи... я обещаю, что так и будет...

Валери посмотрела на Леона, и кажется собиралась что-то сострить, но, резко переменив настроение на тоскливо-загадочное, уже уходя, произнесла:

— И тебе спокойной ночи, Леон... Будь осторожнее...

Видя озадаченное лицо Леона, на котором постепенно расцветала улыбка, Макс закатил глаза.

Уже перед сном, выйдя из душа и просушивая волосы полотенцем, Валери осматривала себя в зеркало. Видя в отражении, отчего-то, грустную девушку. Девочки еще не вернулись в комнату, да и она хотела побыть немного одна.

На душе поднималась обида на себя. Теперь, вспоминая свое поведение днем в саду, Валери сокрушалась, что предстала перед всеми и, особенно, еще перед кое-кем, в нехорошем свете. И теперь он будет думать, что она невоспитанная девушка с повадками сноба. И ведь, откуда это все?! Валери еще ни разу так себя не вела... Глаза наполнились слезами от обиды на саму себя.

Подойдя к кровати, Валери хотела выключить лампу, но взгляд скользнул к подушке, на которой лежал... небольшой букет осенних ромашек...

«Но как?» — подумала Валери, подойдя к окну, посмотрела вниз — второй этаж... «Как он узнал?», «Как забрался?», «где раздобыл цветы? Ведь в округе все уже отцвело...»

Валери вернулась к своему букетику и осторожно его погладила, улыбаясь. Поднесла цветочки к губам и невесомо поцеловала...

Глава 28. Сборы

Нина Эверинд

Просыпаюсь от задорных голосов и веселого смеха девочек, доносящихся из коридора.

«О, Боже! Я проспала!» — первая мысль, которая набатом бьет по голове. Смотрю на часы и облегченно выдыхаю. Все хорошо, просто воспитанницы встали раньше меня. Но все же, надо поспешить.

Молнией сбегая в душ. Потом на ходу надеваю свой самый праздничный наряд, светлая блузка с рукавами фонариками и светлую юбку, не забывая про жилетку с вышивкой. Закрепляю локоны, которые еще не совсем высохли, подвязав лентой. Через несколько часов получу пушистые волны.

Выбегаю в коридор и снова выдыхаю — девочки уже собраны, в красивых отглаженных платьях, носят корзинки с фруктами и свои работы, веселые, самостоятельные и дружные. От вида этой картины у меня в груди тепло стучит сердце и наполняется гордостью за девочек.

Из комнаты выбегает маленькая Элла, а Анна на ходу завязывает ей оставшийся бантик. За ними выходит наша «Несмеяна» Валери, с вплетенными в волосы осенними ромашками, очень красиво, и удивительно, что Валери удалось их отыскать.

Выбегаю в наш сад, и вижу у ворот две повозки... Неожиданно, получается, пешком идти не придется?

"Нина"

Понимаю, что высматриваю Джона, но, к сожалению, его нигде нет. Хочется заволноваться, но я верю, что с ним все хорошо. И еще то, что Джон обещал прийти на ярмарку, успокаивает.

Погода сегодня радует. Тепло и мягкий ветерок. Голубое небо, пробивается сквозь золотистые пушистые облака, которые подсвечиваются солнцем как-то невообразимо, вызывая ощущение нереальности картинки. Увядаящая природа красиво переливается в лучах солнца цвета сепия. Краски осени всегда такие насыщено ярко-оранжево-золотистые.

Вижу Макса, который спешит ко мне.

— Доброе утро, мисс Учительница, — снимает картуз Макс, — вы выглядите просто превосходно... Разрешите мы поможем вам и довезем до ярмарки, — указывает взглядом на средство передвижения.

— Спасибо тебе, Макс... — я пристально смотрю на повозки, — надеюсь в этот раз хозяева транспорта в курсе, что вы его «одолжили» у них?

— Не беспокойтесь. В это раз все по закону, — успокоил меня Макс.

У ворот приюта показалась наша долгожданная миссис Кап. Девочки ее поприветствовали и окружили, показывая добродушно улыбающейся женщине свои рисунки и вышивку.

За полчаса мы разместили наши корзинки с осенним урожаем и творческие работы для конкурса в местах для багажа.

Воспитанницы слажено работали, да и Макс помогал. Краем глаза заметила за забором некое движение. Вроде, два силуэта мелькнули среди зарослей шиповника.

— Макс, а это... — я озадачено пыталась всмотреться в фигуры людей.

— Это наши, мисс Учительница, не переживайте, — Макс даже не повел взглядом,

запрыгивая на сидение кучера, — просто нам не надо лишний раз светиться. Нас тут восемь, считая меня.

— Вот это да! — удивилась, занимая место рядом с Максом, — вы действительно незаметны... если захотите.

Девочки разместились в двух повозках. Анна села позади меня, взяв Эллу на колени.

— Анна, а где твой жених Марк? — интересовалась малышка, немного картавя имя Марка.

— Марк уже ждет нас на ярмарке, — Анна немного зарделась на словах Эллы о «женихе», — он будет там со своим дедушкой. Они и еще некоторые ученые сегодня будут демонстрировать для жителей города удивительные механизмы.

Элла захлопала в ладоши. Да и я была весьма заинтригована.

— Макс, — к нам ближе подошла Валери, спрыгнув из другой повозки.

Водителем второго транспорта был новый «человек Джона», на которого подозрительно щурилась сидящая позади миссис Кап.

— А где... — Валери замялась, обеспокоенно оглядываясь по сторонам, — где ... Леон? — уже тихо.

— Где-то задерживается, — сухо ответил Макс, — наверное Джон на задание отправил, или на ярмарке уже... ждет нас...

— А-а, — сникла Валери, — ясно... — теребя ромашку в руках.

Валери поспешила к повозке и села на оставшееся место возле кучера, совсем сникнув.

Мы бодро ехали, девочки о чем-то щебетали, в предвкушении ярмарки. Для них это целое событие. Ловлю себя на мысли, что тоже очень переживаю...

Повозка с Максом едет впереди. Я то и дело оборачиваюсь, на едущих позади нас остальных воспитанниц с миссис Кап. Валери все такая же грустная. Надо будет с ней поговорить, чтобы не накручивала себя, и успокоить. Потому что у миссис Кап вряд ли это получится, ведь она, убаюканная движение повозки, задремала.

Слышу, как Анна учит Эллу выговаривать букву «Р», а та очень умиленно все еще «лэкает», невольно улыбаюсь. И, все-таки, день должен быть хорошим... Но некое щемящее чувство крадется внутри и отзывается чем-то острым... Будто ловлю дежавю...

До Ярмарки остается полпути. А ромашка в руках у Валери потеряла свои лепестки один за другим. Миссис Кап уснула, и теперь девочки позади тихо хихикают и перешептываются, стараясь не разбудить спящую камеристку (как сама неофициально определяя свою должность миссис Кап). Валери тоже смеялась и шутила бы, как и всегда. Но отчего-то в этот раз не хотелось. А хотелось сидеть, немного сутулясь, скрестив руки на груди, и даже не смотреть на дорогу.

Повозка слегка качнулась, будто кто-то запрыгнул на ходу? И рядом с Валери кто-то присел, весьма близко. Валери перевела взгляд на чью-то руку, с закатанным рукавом рубашки, в который были три маленькие осенние ромашки... Не поднимая взгляда, потому что нельзя было, ведь тогда она смутится и покраснеет, и на лице будет «глупенькая улыбка», Валери приняла, уже ставшие любимыми, цветы. Но рука юноши в этот момент не отпустила пальцы Валери, держащие ромашки, а, наоборот, осторожно сжала. И тогда взгляды молодых людей встретились.

Улыбающийся Валери и восхищенный Леона.

— Молодой человек, я все вижу! — не открывая глаз немного строго произнесла миссис Кап.

— Непозволительно так откровенно разглядывать молодую девушку, и бесцеремонно хватать за руку, — с ролью камеристки миссис Кап справлялась весьма ответственно.

Молодые люди незаметно засмеялись. Они опустили сцепленные руки так, чтобы ни одна строгая надзирательница этого не заметила.

Валери теперь могла украдкой поглядывать на молодого человека, и отметить для себя, что вчера не разглядела его голубых глаз. И что его светлые волосы прямой челкой очень привлекательно падают на лоб, делая Леона загадочным... И что у него очень красивая улыбка...

Глава 29. Осенняя ярмарка талантов и технологий

Нина Эверинд

По мере того, как мы приближаемся к Главному Парку, улыбки девочек усиливаются, а в глазах блестит восторг, как те огоньки, ... которые еще старательно развешивают организаторы праздника. Вечером, когда стемнеет, здесь будет очень уютно от их света.

Большое колесо обозрения, комнаты с всякого рода мини-театрами и аттракционами, качели, украшенные лентами, зона для соревнований в быстроте, силе и ловкости. Повсюду тележки с мороженым, печеной кукурузой и сладкой ватой. А вечером рядом с ними появятся громоздкие чаны, где будут варить глинтвейн. Цирковые артисты расставляют свои полосатые шатры недалеко от старой башни с часами. Пусть это высокое полуразрушившееся строение с побледневшим циферблатом уже сгодится под снос, но оно придает некий антураж всему парку.

Питфол — один из немногих городов, где проходят такие яркие события, привлекающие гостей из других мест, и дающие возможность найти инвесторов, заключать сделки, а нашему мэру блеснуть перед королем «широтой души» ...

Я прекрасно представляю, во сколько обошлось все это зрелище, но пусть лучше так, чем кому-то в карман. Для моих воспитанниц — это было одно из самых ожидаемых событий.

Сегодня я не буду терроризировать мэра, мы насладимся праздником и привлечем внимание общественности к приюту-гимназии Глемт, и постараемся выиграть главный приз.

Я оглядела корзинки с нашими фигурными яблоками и творческими работами и выдохнула. Буду держать за нас кулачки.

Пересчитала девочек уже на автомате. На соседней повозке миссис Кап во всю радуется оформлению ярмарки вместе с воспитанницами. А возле кучера, рядом со счастливой Валери, уже сидит Леон (когда только успел там оказаться?), и о чем-то мило болтают. Замечаю у Валери букетик с ромашками... так вот, кто подарил эти цветочки.

Мы въезжаем в главные ворота парка, немного притормаживая из-за обилия всякого рода транспорта с горожанами и дарами осени. Ну вот, и наши конкуренты тоже тут.

Добираемся до презентационных столов с желто-красными флажками. И начинаем выставлять корзинки с овощами и фруктами и, конечно же, творческие работы.

Пестрое зрелище просто поражает в хорошем смысле, и, кажется, тут собрались все горожане.

— Анна, здравствуй! — к нам подбегает Марк, — я так рад тебя видеть.

Марк сегодня одет очень необычно. Поверх классической рубашки, брюк и костюмной жилетки, на одной его руке закреплено несколько браслетов с шестеренками и ключами, механические необычные часы или компас с разноцветными камнями. На другой руке на запястье некий экзоскелет, закрепленный на всех пальцах. На поясе сумка, из которой торчат сложносочиненные инструменты. А на голове небольшой цилиндр с очками-биноклями, похожие на те, что мы видели у его дедушки.

— Привет, Марк, — Анна поражено смотрит на это необычайное снаряжение некоего фантастического механика-инженера, — как ты необычно выглядишь! — восхищается.

Марк берет ее за руку, улыбается, надевая себе на глаза свои причудливые очки.

— Мисс Эверинд, Анна, позвольте вам показать нашу передвижную лабораторию, —

обращается он к нам, а сам уже тащит Анну куда-то вперед, — профессор Рунольф будет счастлив, — кричит, уже убегая с Анной вперед.

Думаю, что будет не страшно, если я ненадолго оставляю девочек с миссис Кап, которые продолжают украшать нашу выставку, чтобы отлучиться поздороваться с нашим знакомым профессором. И увидеть воочию их невероятную лабораторию.

Сразу замечаю сюрреалистичный островок среди множества презентационных столов.

Высокая тележка-передвижная-электрическая-станция (?), не могу подобрать определение этому сооружению. Вверх от нее, высоко, на тонком проводе взлетел ввысь небольшой аэростат с маячком. Возле сооружения широкий стол с разного рода приборами, напоминающие радио, печатные машинки и видеокамеры, но, все же, нечто другое. Лежат также массивные телескопы и, неужели, настоящий фотоаппарат!

Понимаю это, потому что вижу, как взлетает дымок после вспышки из такого же приспособления, направленного на Марка и Анну. Похоже профессор Рунольф только что сделал снимок своего внука и моей воспитанницы на память. Рунольф открывает коробку своего фотоаппарата, достает оттуда небольшую темную пластину и передает ее напарнику, который скрывается в темной палатке. Неужели фотографию сейчас сразу же проявят?!

— Доброе утро, Нина! — застаёт врасплох меня профессор, а я с трудом отрываю взгляд от их чудных изобретений.

— Доброе, профессор Рунольф! Я в восторге от вашей... передвижной лаборатории! Что это за приборы? — я широко улыбаюсь, не могу сдержать эмоций.

— Благодарю вас Нина. Это все демонстрационные модели сконструированной нами техники, которая в скором будущем войдет в обиход всех жителей государства, — Рунольф-старший захлопывает крышку на фотоаппарате, и указывает на него взглядом, — я думаю вы уже узнали, что это за предмет. В вашем мире ведь было нечто подобное?

— Да, вы правы! — я даже не удивляюсь, что профессор знает о таких вещах, — у нас это называлось фотоаппарат.

— Ну надо же! Как лаконично! — Рунольф озадаченно смотрит на технику в своих руках, — Боюсь, мы поспешили оформить его как Световой Моментальный Запечатлитель. Но создатель прибора хотел отличиться еще и как изобретатель красивых и сложных названий.

— Зато... звучит очень эффектно! А что это за... станция? — указываю на их самый громоздкий прибор с аэростатом.

— Не поверите, Нина! Это обычная метеостанция, — улыбается Рунольф, — ее достоверность 89,9 %.

— Получается, Питфол скоро можно назвать исторической родиной технической революции? — я рассматриваю на столе разные приборы, и мне это все так нравится.

— Определенно. Этот город, может, сам того и не предполагая, откроет «портал» в новую историю и изменит настоящее... — загадочно говорит профессор, а я пытаюсь уловить некий посыл, намек... но никак не...

— Вот, например, я сам не мог предположить, что буду показывать иномирянке, в мире которой технический прогресс ушел на сотни лет вперед, свои изобретения, — Марк-старший сменил тему и увел меня от диссонанса, возникшего в моих мыслях.

— Нина, ты посмотри! — ко мне бежит Анна и несет что-то в руках, — Это просто невероятно!

Анна протягивает мне... фотографию... или, получается, свето-моментально-

запечатлительную карточку... На ней запечатлены смеющиеся Анна и Марк в окружении большого количества людей в парке на заднем плане.

— Очень красивое фото. Вы такие счастливые, — я отдаю карточку Анне, — было приятно повидаться, — обращаюсь к Рунольфам, — но мне уже нужно спешить к началу конкурса.

До конкурса остается пятнадцать минут, нужно торопиться к девочкам. Бегу между палаток с продающимися вкусняшками и украшениями, стараюсь не сбить снующих туда-суда посетителей праздника и участников конкурса, уворачиваюсь от облаков сладкой ваты, придерживая юбку. Немного цепляю гирлянды из бумажных цветов...

Как чувствую, что кто-то хватает меня за руку и утаскивает в пространство между гроздей воздушных шаров... И...

Целует. Обнимая. И прижимает к себе...

От неожиданности хочу вырваться, но...

Вижу довольного улыбающегося Джона.

— Джон, ты меня напугал! — стараюсь придать голосу грозности, но на самом деле невероятно рада его видеть.

— Привет, — целует, беря в кольцо рук, — прости... Не мог удержаться, — размыкает объятия и берет меня за руки, — ты прекрасно выглядишь, Нина... — и смотрит, так ... с восхищением?

Ну вот, я смущаюсь, будто мне не двадцать четыре, а четырнадцать.

— Я так рада, что ты пришел, — говорю так тихо... поправляю его отросшую челку за ухо, вижу, что он очень уставший, — будет ли у сыщика время отдохнуть на празднике?

— Я думаю, что ... что-нибудь придумаю... Спешим. Выиграем ваш приз...

Напрягаемся к нашему столу. Джон держит крепко за руку, ведет за собой сквозь гирлянды из листы и бумажных цветов... оборачивается и улыбается мне... такой родной и дорогой сердцу...

Я смотрю в глаза Джону, и словно на миг время останавливается... а я опять ловлю дежавю с тем щемящим чувством в груди...

Глава 30. Соревнование. Соперники. Друзья

Нина Эверинд

Минутная готовность, и мы стоим по стойке смирно и дожидаемся, когда непредвзятое жюри подойдет к нам и оценит наши старания. Они уже рядом, придирчиво оглядывают цветы и овощи в горшках наших конкурентов и, поджав губы, что-то чиркают в своих блокнотах.

Оценка организаторов конкурса — это половина от очков к победе, еще нам нужно набрать баллы с продажи наших чудо-фруктов и овощей. У кого выручка будет больше — тот забирает высший балл. А также, баллы можно выиграть в конкурсах на ловкость, силу и быстроту. Вернее, можно получить приз — некий подарок, либо отказаться от него и получить вместо него соответствующие по значимости баллы к общей сумме.

Сердце начинает гулко биться, когда высокая, строгая и излишне худая женщина озадаченно смотрит на наши фигурные яблоки. Мы переглядываемся с девочками. И, кажется, вовсе не дышим. Я жду, когда нас спросят, откуда такое диво. Но вопросов не следует, как и комментариев. И они проходят мимо, что-то отметив в своих записях.

Воспитанницы немного поникли. А маленькая Элла тяжело вздохнула.

— Не вешаем нос, девочки, — я стараюсь взбодрить их, но мне все это не очень нравится, — просто жюри не может вести диалог, чтобы не поддаться очарованию конкурсантов... и не приписать лишние баллы.

— Мисс Учительница, — прибежал запыхавшийся Макс, — у нас все... — и шепотом, — схвачено.

— Что ты имеешь в виду? — ну вот, мне кажется, или кто-то собирается мошенничать.

— Мы будем выигрывать в конкурсах для вас баллы, — радостно сообщает Макс, а у меня от сердца отлегло. Ведь я уже представила тяжелую участь наших конкурентов и членов жюри, которую обеспечила бы команда Клыка.

— Смотрите, мисс Учительница, — Клык стал загибать пальцы, — я отлично прохожу препятствия, Риан стреляет лучше всех, Леон дерется и лазает лучше всех...

— Я тоже хорошо лазаю, — рядом неожиданно возник Марк, перебирая пальцами в перчатках.

— Ну давай тогда проверим, кто лучше, — а это уже Леон, стоит рядом разминает плечи.

На секунду Анна и Валери, которые общались с гостями ярмарки, собиравшимися купить наши вышитые картины, переглянулись с недоумением. А я хочу сказать ребятам «брейк», но потом вспоминаю, что в их возрасте (девятнадцать Леону и двадцать Марку) — это нормально.

— Тогда пошли... Леон, Макс, ты с нами? — Марк с лукавой улыбкой отправился в сторону площадки для конкурсов.

— Мисс Эверинд... Нина... — ко мне подбежала Валери с умоляющими глазами, а за ней и Анна.

— Конечно идите, — молча поняла я их просьбу, и, улыбаясь и немного переживая, отпустила своих юных Джульетт.

Зашла за прилавок, и уже смотрела вслед своим убегающим воспитанницам.

Конкурсы

— Интересные перчатки, Марк, — Леон, закатывая рукава рубашки, немного скосил взгляд на предмет одежды Марка.

— В этом и вся соль, — хитро улыбаясь ответил Марк.

Оба юноши подошли к высоким столбам, на вершине которых были прикреплены флажки.

— Задание весьма простое, — объявил руководитель конкурса, — достать флажки с цилиндрических мачт. И вы получите ценный приз, или можете вместо него забрать карточки с балами, соответствующие первому или второму месту. Если же флажки не достанутся конкурсантам, ни первого ни второго варианта приза не достанется никому. Начинаем!

— Еще никому не удалось достать флажки, — шепнул Макс, — это наш шанс, не подкачайте.

— Могу поделиться перчатками, — предложил Марк Леону, подходя к столбу и поправляя очки.

— Обойдусь, — бросил Леон, хватаясь за мачту, — смотри не облажайся в них, да еще и перед Анной.

Марк хмыкнул, оборачиваясь и завидя Анну и Валери, весело отметил:

— Тогда начинай придумывать оправдания для Валери, почему ты не выиграл баллы.

Юноши переглянулись и полезли вверх, под громкий клич толпы и веселую музыку, которая сопровождала конкурс.

Леон и Марк лезли ловко, цепляясь за скользкий столб. Что не скрылось от Леона, так это то, что Марк весьма быстро начал его обходить и уже определил на целый метр. Озадаченно проводив Марка взглядом, Леон, окутанный яростью, пытался обойти ловкого соперника. Мачта казалась бесконечной. Считанные метры оставались до конца, как Марк сорвал флажок и под радостные крики толпы, скатился вниз. Леон же, переборов боль в мышцах и ладонях, сделал последние рывок, но нога предательски соскользнула. И юноша, под вздох толпы, повис на руках. И если бы не мысль о том, что там, где-то внизу, волнуется и смотрит на него прекрасная девушка, то парень уже бы сорвался вниз. Он должен был это сделать. Баллы за второе место весьма неплохие. Он отдаст их Валери.

Мышцы давно закаменели, а ладони жгло от скользкого столба. Но все это не будет важно потом, когда он увидит радостную улыбку девушки, прекраснее которой он еще не встречал и вряд ли встретит, он знал это наверняка.

Леон, почти раскусывая губы в кровь, сделал последние рывки. Дотянулся до флажка, сорвал его и скатился вниз, совершенно не чувствуя ладоней.

Увидел, как к нему подбежала Валери, и вся боль, что была, отступила, как он и предполагал.

— Леон! Как ты? Все хорошо? — в ответ на эти слова он улыбался. «Она за меня переживала» — подумал парень.

— О, Боже! У тебя кровь! — Валери взяла за руки юношу и повернула его ладони с стертой до крови кожей. Вытащила свой платок и приложила к рукам Леона.

— Это просто невероятно! Впервые флажки достали конкурсанты! — восторженный голос ведущего, — Участник, выигравший первое место только что обменял свой приз на баллы.

— Я тоже! — крикнул Леон, — Меняю приз на баллы.

— Это просто невероятно! Второй участник получает баллы, вместо приза, — ведущий

уже нес коробок с карточками.

Марк и Леон отдали карточки с баллами Анне и Валери.

— Вот! Мы только что выиграли конкурс по стрельбе в мишени, — Макс и еще один «человек Джона» Риан, передали девушкам еще несколько карточек, — скоро подойдут остальные, если выиграют конкурс в метании диска.

— Спасибо, ребята, вы нам очень помогли! — радостно поблагодарила Анна их новых друзей.

Валери подошла к Леону, немного дальше стоявшему от остальных парней.

— Еще раз спасибо, что вместо приза, ты выбрал баллы для нашего приюта.

— Ну, — потер затылок Леон, — вообще-то я выиграл главный приз, — тепло улыбаясь, глядя в глаза Валери прошептал юноша.

— К-какой? — Валери немного растерялась, но что-то светлое и такое желанное рождалось в груди.

Леон только улыбнулся, глядя в каре-зеленые глаза девушки.

— Леон, стой! — остановил Марк уходящего своего недавнего соперника, — ты отлично лазаешь...

— Да, но ты обошел меня, — с долей горечи ответил побежденный.

— Иногда, нужно использовать все... варианты... для надежного и быстрого эффекта, — Марк протянул Леону перчатки, — держи, это еще одна пара.

Леон скептически осматривал вещь в своих руках, подмечая, что ткань перчаток изнутри пронизана металлическими путами на небольших рычагах, словно наружный скелет для кистей рук.

— Это мое изобретение, — с долей гордости сообщил Марк, — увеличивают силу хвата, помогают лучше закрепиться к поверхностям. Так что, можно сказать, что я смухлевал... и ты бы выиграл конкурс. Просто... дополнительных условий для игроков не было. Вот я и не удержался, чтобы проверить в деле свое изобретение.

Леон ухмыльнулся, надевая перчатки и чувствуя, как крепко сжимаются кулаки. Подметил так же, что сила удара будет куда мощнее, чем без них.

— Спасибо... Но думаю, ты победил честно... — Леон пожал руку Марка в такой же перчатке, — тебя вперед продвинули твои мозги.

Глава 31. Один миг

Нина Эверинд

— Джон, это просто поразительно! — мы считаем выигранные баллы за конкурсы, которые нам щедро даровали его подопечные, — они за несколько часов выиграли почти все конкурсы.

— Я могу ими гордиться, — тепло улыбнулся Джон, помогая складывать карточки с баллами.

Это, по истине, чудесный день. Никогда еще мне не было так хорошо, легко и уютно. Джон, кажется, спокоен и... немного задумчив. Я вижу, что ему хорошо. Но также вижу некую тоску в его глазах. А еще напряжение, когда он осматривает людей и окружающее пространство. Сыщик все так же работает. Но, почему-то, скрывает некое волнение от меня. Поразительно, но мне кажется, что я тоже чувствую его внутреннее состояние. И если довериться себе, то я могу сказать, что чувствую его волнение, тоску и витающее в воздухе ощущение надвигающейся опасности. Но, может быть, я излишне переживаю?

— Нина, мы вторые по набранным балам, — констатировала Анна радостно, но еще волнительно, — нас все еще обходят владельцы теплиц. Их гортензии разошлись на ура.

— Если бы не ... ребята, я даже не знаю, как бы мы вообще дотянули до второго места, — вздохнула Валери, поправляя наши картины. Которые продаются очень медленно.

Другие девочки также участвовали в конкурсах, выигрывая призы. Миссис Кап чаще всего общается с Эллой, помогая ей плести венки из злаковых.

— А сейчас объявляется конкурс на лучший танец. Победитель получит сразу 80 баллов! — раздаётся голос организатора конкурса, усиленный с помощью мегафона.

Я смотрю на часы и понимаю, что скоро конкурс Праздника Осени подойдет к концу. Однако, если нам не удастся победить — я и воспитанницы вряд ли сильно расстроимся. Сегодня мы обрели верных и надежных друзей. Мы теперь не одни. Это дороже даже самого лучшего приза Осеннего Праздника.

— Нина, последний конкурс, что нам делать? — подбежали ко мне девочки, и вокруг меня образовался вихрь из взволнованных воспитанниц.

— Я... мне... я, — я не знаю, что придумать. Но не успеваю, что-либо ответить, как чувство, что меня тянут за руку.

— Нина, подаришь мне танец? — Джон. Это Джон спрашивает меня... Я просто иду за ним и положительно киваю, улыбаясь. Слышу, как вслед радуются и бегут за мной девочки. Подопечные Джона так же спешат к танцевальной зоне.

Мой сыщик приводит меня на площадку для конкурса танцев. Я вижу, что от других конкурсантов также собираются пары и становятся друг на против друга.

Я смотрю на Джона, такого красивого, родного, моего. И вижу его в глазах взаимность...

Но, секундой, опять чувствую то щемящее чувство... Дежавю... На миг некая острая игла пронзает сердце...

— Ты готова? — Джон отпускает мои руки. И звучит музыка, легкая, но, отнюдь, не медленная, красивая, плавная, с быстрыми переходами. Виолончель, скрипка, духовые...

Джон, с такой теплой улыбкой, положив руку на сердце кланяется мне, а я, отражая его приветствие, делаю нечто подобное реверансу. Смотрю своему сыщику в глаза и улыбаюсь,

кажется, даже сердцем.

Мы подходим друг к другу в один шаг, Джон стоит боком ко мне, кладет одну руку мне на талию, а я на его плечо. Красивый плавный поворот, и мы меняем положение рук, скрепляя их. А теперь, я оборачиваюсь вокруг себя, держась за ладонь Джона. И снова мы вместе, почти обнимая своего партнёра, делаем танцевальные шаги, меняя положение рук. Миг, и Джон поднимает меня вверх, кружась вокруг своей оси. Ставит, и опять боковой поворот. А дальше, наши движения так выверены и отточены. И будто этот танец мы уже танцевали сотню раз. Мы не смотрим по сторонам, не видим никого, сейчас, в этот миг — мы только вдвоем. Я чувствую, как мы касаемся друг друга в танце, мы смотрим то ласково, то с тоской, то с радостью и грустью, то с желанием. Я кружусь, Джон ведет и меняет наши руки. Мы смотрим друг на друга прямо в глаза, или в пол-оборота, когда танец предполагает положение партнеров спиной к спине.

Я отвлекаюсь ненадолго, и вижу, что на площадке больше никто не танцует. Все смотрят на нас. Даже те, кто участвовал в конкурсе с нами — больше не танцуют, они тоже стоят и смотрят на наш с Джоном танец.

Последние шаги, последнее движение рук, поворот и скоро танец закончится. А я не хочу, чтобы он заканчивался, будто знаю, что после него будет что-то неизбежное...

Не успеваю додумать. Ведь на последних быстрых, но, все-таки, лирических оттенках музыки, Джон подхватывает меня на руки и кружит, кружит. Платье оплетает мои ноги и красиво развивается при движении. Я не могу сдержать счастливой улыбки, как и сам Джон. Мы приблизились и соприкоснулись лбами, я рукой касаюсь щеки Джона.

Яркая вспышка откуда-то со стороны. Кажется, Рунольф сделал снимок на память?! Музыка закончилась. Танец завершен. А Джон еще держит меня на руках, и я смотрю ему в глаза.

Толпа взрывается аплодисментами, радостные счастливые крики. Поздравления...

А Джон так близко, «еще рядом» — тихо говорит внутренний голос... И я целую своего сыщика. А он отвечает, крепче меня обнимая.

— Я прекраснее ничего не видела! — плачет миссис Кап, вытирая слезы платочком. Ее утешает Элла.

— Нина, Джон! Вы выиграли!

— Это было поразительно!

— Вы молодцы!

Раздаются голоса наших подопечных.

— И после проведения последнего конкурса и подсчета баллов, первое место присуждается... Приюту «Глемт»- голос организатора.

И больше ничего не слышу. Только восторженные крики радости своих девочек.

Мы обнимаемся, это невообразимая радость для моих воспитанниц. Вижу, как рады мальчишки, скромно и серьезно пожимают друг другу руки. Но, все же, довольные лица не скрывают.

Оборачиваюсь на Джона... Мой сыщик напряженно смотрит вдаль, в толпу людей, и на выставленные палатки, которые уже погружаются в тень. Что-то произошло?

— Джон?! — пробираюсь к нему сквозь радостных подопечных, и вырываю его из задумчивости, — все хорошо?

— Все будет хорошо, Нина, — тихо отвечает, заправляет мне локон за ухо, — мне пора...

«Я не хочу тебя отпускать!» — вот, что я думаю.

— Ты вернешься? — в ответ на мой вопрос Джон кивает.

— Отправляйтесь в Глемт. Клык и команда вам помогут. Я вернусь... скоро, — и Джон уходит... В направлении старой башни... Скрываясь в толпе. Оставляя меня с моим сердцем, которое очень хочет разбиться.

— Мисс Эверинд, я поздравляю вас и ваших воспитанниц с победой, — радостный Марк вырывает меня из моих грустных мыслей.

— Спасибо, Марк. Если бы не вы все, у нас бы ничего не получилось, — я осматриваю подошедших ко мне воспитанниц и ребят, — видимо, для полной победы нам всегда не хватало добрых друзей.

— Мисс Эверинд, — Марк отводит меня немного в сторону, — можно просить у вас разрешение, Анне ненадолго остаться на празднике со мной? Мы вместе с дедушкой сопроводим ее через час в Глемт.

— А-а-а, я даже... — вот так вопрос. Как же я должна поступить. Особенно, когда смотрю на смущенную Анну, у которой в глазах немая просьба. Чтож такое! Скоро стемнеет и надо вернуться в Глемт.

— Хорошо, Марк! — я все-таки иду на поводу у молодежи! — под твою ответственность... и потому что я тебе доверяю — я оставляю Анну, — вижу свою воспитанницу сияющей от счастья. Корю себя за слабохарактерность. Но, почему-то не могу отказать. Эх...

— Обещаю вернуть Анну в целостности и сохранности! — отчеканил не скрывающий радости Марк.

— Нина, можешь довести наше фото, тоже в целостности и сохранности, боюсь его потерять! — Анна протягивает мне их фотографию с Марком, которую сделал Рунольф-старший.

И, взяв за руку Марка, они убегают в сторону аттракционов. Мне остается только проводить их взглядом, вздыхая.

Красивое все же фото. Я рассматриваю четкость снимка. Счастливые Марк и Анна, много людей на заднем фоне... Но... Я вижу... Четко на фото... В толпе людей, знакомое платье... платок и маску... Недалеко от палатки с зеркальным лабиринтом...

Девушку со шрамами...

Эмили!

— ...да, но все же, самое смешное, это когда ты лезешь на башню с распределительными элементами, и на верху вспоминаешь, что сумку с инструментами оставил внизу, — еще одна история житейских будней изобретателя-артефактолога звучит для Анны.

Марк понял, что может еще долго рассказывать истории, слушать Анну, рассуждать с ней на философские темы... Но лишь бы она подольше была рядом, в этот вечер... и, кажется, что еще бы дольше.

Молодые люди остановились возле палатки "Комнаты Страх". Сумерки настигали, и вечерний свет и яркие фонарики освещали лица молодых людей разноцветным теплым светом.

— Так интересно... Но это весьма опасная работа... У меня боязнь высоты, — Анна опустила глаза, заправляя волосы за ухо, — хотя, моя мама была цирковой артисткой. Она, наверное, не боялась высоты, — взгляд девушки сник.

— Анна, — Марк подошел ближе, взял ее за руку, — наверное... Но мы точно знаем, что она была очень красива.

Взгляд Анны в глаза Марка. Теплая улыбка. И вот юноша так близко, наклоняется к ее губам, чтобы...

Взрыв салюта, и громкий смех людей.

Анна и Марк, вздрогнув от резкого звука, засмеялись. Молодой человек перевел взгляд на продавца с тележкой мороженого.

— Мороженное! Анна, ты хочешь? — увидев положительный кивок, побежал к продавцу, — я мигом.

Марк быстро побежал вперед к стоящему недалеко продавцу, Анна смотрела на такого, ставшего дороги, молодого человека...

Марк почти расплатился за мороженное... Как...

Зажатый, рукой в перчатке, рот... стиснутые объятия за плечи, — то что успевает почувствовать Анна, когда кто-то утягивает ее в темноту палаточного аттракциона «Комната Страха».

Глава 32. Параллельные события

Джон Вик

Параллельное событие 1

Пробираясь сквозь толпу, сыщик шел по следу темной фигуры, в черном костюме и таком же темном цилиндре, направляющейся в сторону старой башни.

Вокруг радостные возгласы, безмятежные отдыхающие, хлопушки, воздушные шары, ленты, развивающиеся на ветру, движущиеся аттракционы... Праздник Осени плавно переходит в вечерние гуляния.

Джон шел вперед, но сердце осталось с Ниной. Невидимая связь с этой девушкой окрепла настолько, что, делая шаг вперед, он чувствовал, как эта нить натягивается, так и норовя вырвать его сердце. Он должен успеть. Он должен вернуться. Ему есть, ради чего.

— Джон, подождите... — Рунольф-старший догнал сыщика, — это вам, — профессор протянул ему карточку.

Джон принял неожиданный подарок. Запечатленный снимок его с Ниной танца. Вернее, завершения танца. Где он держит на руках свою дорогую девушку. Они оба улыбаются, прижавшись друг к другу. В светлом платье Нина, будто невеста. Ее лицо светится счастьем, как и лицо Джона. Вокруг все украшено цветами. Счастливые люди на заднем плане.

— Спасибо вам... — Джон погладил пальцем изображение Нины. Сложил неожиданный подарок во внутренний карман...

— Джон, этот снимок вам еще пригодится. Распорядитесь им, как вам подскажет сердце, — Марк-старший смотрел прямо в душу. Пытаясь донести некую мысль, открытую только ему. Профессор собирался уже уходить, но обернулся, — помните, Джон, мир Полутонов создан разумно, в нем нет ничего хаотичного. Ищите подсказки... И думаю... Аспену удалось оставить в нем «ключи» хотя бы для некоторых «дверей».

Джон запоминал эту информацию... Она будет иметь смысл?

"Мир Полутонов... Мир без времени и пространства..." — звучали у сыщика слова ученого...

Но пока задумываться над словами профессора не было времени. Джон спешил, не упуская из виду, размерено шагающую фигуру Виктора Гистли...

Нина Эверинд

Параллельное событие 2

— Валери, держи Анну, — я помогаю маленькой воспитаннице залезть в повозку, — Девочки, скорее, мы уже отправляемся. Нужно успеть вернуться в Глемт до темноты, — я пересчитываю своих воспитанниц, не забывая и про миссис Кап.

— А когда мы заберем наш приз? — спрашивает малышка Элла.

— Приз привезем завтра, — за меня ей отвечает Макс, — годовой запас разных видов муки не увезти сейчас.

Воспитанницы заняли места, Леон и Макс в роли кучеров, а еще некоторые ребята команды Джона сидят на местах багажа. А я все также рассматриваю снимок, и очень хочу сорваться с места и найти Эмили...

И вот я почти заняла свое место, как вижу девушку со шрамами... В плаще и капюшоне. И я понимаю, что это она. Наша Эмили.

— Миссис Кап, я немного задержусь на празднике, — поворачиваюсь я к нашей камеристке, — нужно кое-что проверить...

— Все хорошо, Нина? — спрашивает Валери, касаясь моего плеча.

— Да, милая... Я вернусь вместе с Анной и с... — быстро отвечаю ей.

— Спешите, мисс Эверинд! — утвердительно говорит Леон, взяв в руки поводья, — мы сопроводим воспитанниц в Глемт и дождемся вас. Мы большой гарант безопасности для них, чем хрупкая учительница. Не беспокойтесь.

— Спасибо, Леон, — и я срываюсь с места.

Я спешу за девушкой в плаще, она еще мелькает вдалеке. Я боюсь упустить ее из виду. Я чувствую, что это Эмили. Нет! Я знаю, что это она! Главное не отвлекаться на огоньки и жонглёров.

Уже порядком темнеет. И от праздничных красок рябит в глазах.

Вижу, как девушка в плаще заворачивает к выходу из парка и направляется в сторону башни. И я срываюсь на бег. Я лавирую мимо отвлеченных отдыхающих. Добегаю до края палаточных аттракционов и ... теряю Эмили...

Я просто иду, куда глядят глаза. Жуткая потерянности. Но решаю, все же, приблизиться к старинной башне и осмотреться...

Величественное готическое строение с огромным циферблатом. Раньше, по рассказам миссис Кап, это была главная башня города. Помимо огромных часов, здесь трудилось большое количество ученых. Они работали над проектом по оснащению города энергией. Предполагалось, что это будет распределительный центр. Но финансирование сократили двадцать лет назад, и ученые покинули город. Теперь, о былом величии можно только слагать легенды.

Я делаю шаг, приблизившись к дверям этого циклопического здания. Ощущая себя маленьким муравьем перед напольными часами с маятником.

— Сегодня там не безопасно, Нина... — знакомый голос, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть перед собой девушку... со шрамами.

— Эмили! — я хочу приблизиться к ней, но она отходит за железные балки внутреннего каркаса башни, — Эмили, не уходи... — я медленно вхожу внутрь башни, — что произошло? Тогда...

— Нина... — Эмили опускает свою маску... А я вижу, что на бледном лице моей дорогой подруги — шрамы... Будто трещины на фарфоровой коже все еще прекрасного лица. Будто разбитая фарфоровая кукла, которую наспех неаккуратно склеили...

— Эмили... — в моих глазах слезы, я медленно иду к ней, но все еще далеко, — что он сделал с тобой?

Эмили смотрит на меня и, видимо, решает открыться ли мне или нет.

— Нина... шесть лет назад... Когда ты была в комнате осмысления... — Эмили снимает капюшон, поправляя черные длинные волосы за ухо, — Слаг позвал меня к себе в кабинет... Я не говорила вам, но с самого моего появления в Глемт, Слаг оказывал мне лишнее внимание. Лишнее для меня... — Эмили замолкает, и я понимаю, что она не хочет многое рассказывать. Слишком болезненное и неприятное.

— В день моего исчезновения, Слаг сказал, что устал ждать ответной реакции и набросился на меня... порвал платье, тянул ко мне свои липкие губы, сминая одежду и оставляя синяки. Я оттолкнула его, закричала, сказала, что он мне противен. Что такого мерзкого слизня я еще никогда не встречала, — горькая улыбка коснулась лица Эмили, — в

ответ на это, он сказал, что сделает мою жизнь невыносимой...

Он позвал «сестер», солгал им, что я якобы его соблазняла. Они отвели меня в их учебную комнату, где обычно наказывали провинившихся. Они ругали и обзывали меня. Двое держали за руки, опустив меня на колени, а третья била по лицу... Когда они закончили меня избивать и оскорблять, я упала на пол, стирая кровь с рассеченной губы и увидела перед собой носки туфель Слага.

Он опять пришел и протянул мне какой-то флакон. И сказал, что если я хочу жить, то должна быть с ним... Быть его любовницей, — Эмили усмехнулась, — Пророчил мне жизнь богатой содержанки. А если я не захочу, то этот яд — для меня. Я, не задумываясь, выхватила яд из его рук и выпила.

Все что было потом, я почти не помню. Только жуткую боль на лице, руках, спине, — Эмили сняла перчатку, и я увидела такие же шрамы-трещины на руках.

— Я очнулась в больнице с перевязанным лицом и руками. Взглянув на себя в зеркало, увидела окровавленные бинты. Там же я и решила на побег, прихватив вещи из шкафчика уборщицы. Я бежала, не разбирая дороги. Пока не оказалась возле дома терпимости... Где снова, от истощения, потеряла сознание. Очнулась в просторной яркой комнате. За мной ухаживали девушки, те, кто там работал. Мадам выходила меня. Она надеялась, что шрамы пройдут, и я буду ей должна... Что буду работать... на нее. Но шрамы не исчезли, а остались уродливыми трещинами. И Люсинда сокрушалась, что сильно потратилась на меня, а я не смогу отработать и распугаю всех клиентов. Я была рада слышать это, с одной стороны. Но, с другой, мне нужно было убежище. Ведь Слаг нашел бы меня быстрее, чем я успела бы сбежать из города. Я упросила мадам дать мне работу, взамен на кров и скромное питание. Я сказала, что отлично шью. И она согласилась, с условием, что я не покину свой чулан.

— Эмили, теперь все будет по-другому, — мой голос дрожал. От услышанного сердце разбилось на осколки, — теперь мы есть у тебя... снова.

— Нина, милая... — Эмили вздохнула и грустно улыбнулась, — меня почти нет... — говорит так успокаивающе, обреченно... — уже нет... Я Призрак.

— Пожалуйста, Эмили, — я прошу, но понимаю, что она прощается со мной, только теперь навсегда... Я вижу, что что-то сверкает на поясе Эмили... нож! Эмили проследила за моим взглядом.

— Я должна это сделать... Он больше никого не погубит...

И Эмили убегает наверх. Очень быстро. Я в секундном ступоре и вот уже бегу за ней.

— Эмили, стой! — кричу куда-то ввысь, цепляясь за ржавые перилла.

— Я Призрак, Нина! Меня... уже нет... — последнее, что эхом раздается в пустоте башни.

Параллельное событие 3

В жутком страхе за Анну. Марк обежал всю территорию. Ему доверили Анну, и он опять облажался — так он корил себя. Но хуже всего было понимание, что Анне сейчас, возможно, очень страшно. И что она зовет его. И он опять не поможет.

Отчаявшись, Марк подбегает к цирковому артисту на высоких ходулях.

— Уважаемый, вы видели светловолосую девушку в светлом платье, как на снимке, — Марк протягивает трюкачу такое же фото, как и другое, подаренное Анне.

На это действие, циркач, подбивает крючковой палкой фотоснимок к себе, осматривает его и кричит с высоты своих ходуль, немного пошатываясь:

— О, конечно! Это же Светлый Ангел! — трюкач указывает палкой в сторону башни, —

ее вел за руку в направлении башни некий джентльмен. На мой вопрос, хочет ли он с прекрасной девушкой посмотреть наше выступление, ответил, что ему с егоневестой тут делать нечего...

— Невестой, — ужаснулся Марк. А после... рванул со всех ног в сторону старой башни.

Не заметив мелькнувшего в пути расстояния, Марк добежал до старинной башни с часами. Перчатки все еще на нем, и он решает лезть вверх, по отступам, напротив небольших окон, чтобы сразу просматривать все этажи башни.

Параллельное событие 4

— Отпустите меня, прошу вас! — Анна, ведомая жутким человеком вверх по железной лестнице, пыталась вырваться. Но хватка человека в черном, который тащит хрупкую девушку куда-то наверх старой башни, такая же железная.

— Что вам от меня нужно? — Анна кричит так громко, что человек оборачивается и снимает капюшон.

Теперь Анна в полной мере осознает весь ужас, что с ней приключился. Потому что видит перед собой того «важного клиента» из дома терпимости мадам. Она запомнила его лицо, когда они спасались с Ниной, и когда она выглядывала из-за укрытия.

— Узнаешь меня? — недобрый оскал взрослого мужчины пугает, как самый страшный кошмар.

— К-кто вы? — голос Анны дрожит. Мужчина надвигается на нее. Он недобро ухмыляется.

— А ты такая же красивая, как и твоя мать, — эти слова бьют, как молния, — такая же хрупкая и белокурая, — мужчина касается волос Анны, пропуская сквозь пальцы, не давая девушке отстраниться.

Мягкая улыбка мужчины в один миг сменяется ядовитой яростью. И он хватается испуганную Анну за плечи.

— Жаль, что я не распробовал все это в борделе, — рычитание, а затем его пугающий нервный смех, — Надо же! Удалось сбежать!.. Как и твоей неблагодарной мамаше... Ну ничего... Она сдохла. Променяла своего хозяина на мнимую свободу. Теперь ты будешь вместо нее. Со мной... На время... Пока не надоешь...

— Убери от нее руки! — позади мужчины раздался голос... Марка.

Глава 33. Параллельные события. Часть 2

Параллельное событие 5

— Осенью всегда быстро темнеет, — зевая, проговорила уставшая миссис Кап, — Но, когда зимой выпадет первый снег, то в темные часы будет светло от этого белого покрывала.

Маленькая Элла почти заснула, слушая убаюкивающие рассказы миссис Кап, тепло ее обнимая. Под размерено движущуюся повозку...

— Так вот, милая, когда птицы улетят на юг... — бодрость резко торкнула миссис Кап, — Элла... а что это за премилая вещица у тебя в руках?

— Это подарок, — картавя, ответила малышка Элла, крутя в руках кулон с механическим устройством.

— А-а... То есть, этот подарок тебе подарили, а ты сама ни у кого его не... — миссис Кап издали хотела поинтересоваться, не открылся ли у юной сиротки какой-нибудь особый талант.

— Нет, миссис Кап, — вздохнула Элла, — это не ворованный подарок. Мне его подарил проф... прсеф... профессор...

— Профессор? — уточнила миссис Кап, весьма удивляясь.

— Да, точно, просефор! — обрадовалась Элла, — он поговорил с Ниной, а потом посмотрел на меня и вытащил из сумки этот механический кулон... Сказал, что он поможет, когда мне будет... когда нужно будет. Что в добрых руках, кулон — добрый... — Элла не договорила, спрятав кулон.

— Как твои, Ладони? — тихо поинтересовалась Валери, глядя в голубые глаза Леона.

— Все хорошо... — Леон улыбнулся одним уголком рта, сжал немного ладони в перчатках. «Все просто прекрасно» — подумал парень. Ведь рядом с ним сейчас прекрасная девушка. И еще, он не облажался на конкурсе, поэтому был спокоен и счастлив. План по завоеванию юной леди работает...

— Леон, Макс! — к повозке подбежал парень. Друг и напарник из их команды. Вид его был весьма взволнованный, но, отнюдь, не потерянный. Можно сказать, взбудораженный.

— Арчи!? — Леон нахмурился, осматриваясь по сторонам, — Что ты здесь делаешь? Ты должен быть у территории приюта! — строго спросил парень.

— Можно тебя... на пару слов? — Арчи поманил Леона в сторону, Макс тоже подбежал, — в общем, кратко... Дело — дрянь! В приют нельзя, сворачивайте назад, едем к нам.

— Что ты несешь? — Леон сжал кулаки, сверля взглядом Арчи.

— К приюту едут амбалы мадам Люсинды, — шокировал Арчи своих друзей, — мы с ребятами отступили к вам, их много. Скорее спешил сюда, предупредить. Другие попробуют задержать их по дороге, чтобы поломали все колеса.

— Ясно, — констатировал серьезно Леон, и они с Максом быстро вернулись на свои места.

— Что-то произошло? — Валери негромко спросила, видя, что настроение парней поменялось. Липкий страх уже глубоко проник в кости.

— Мы едем в наше убежище, в приют нельзя. Там... — Леон сжал губы, глядя на испуганную Валери. Не мог подобрать слов, — В общем... доверься мне, Валери, — в ответ на это, девушка кивнула. И ни секунды не сомневалась в этом юноше.

— Молодые люди! — миссис Кап с озадаченным видом стала осматриваться по сторонам, — мне казалось, или наш приют в другой стороне?!

— Мы не едем в приют, — быстро проговорил Макс, скрывая волнение, — мы везем вас в убежище...

— Но как же... — миссис Кап отрешенно уставилась перед собой.

— Арчи найдет Джона и Нину и скажет им, где мы, — подытожил Макс, крепче стиснув поводья.

Лошади бежали быстрее. Две повозки с подопечными Джона и Нины и растерянной миссис Кап выехала на узкую дорогу, окруженную коридором из высоких деревьев. Сумерки уже сгустились, и в этой вечерней синеве продолжали движения те, кто хотел поскорее укрыться в надежном месте. Лошади двигались по неосвещенному пути. Леон и Макс намеренно выключили все фонари. Риан и еще два парня сидели на противоположной стороне повозки, просматривая дорогу по бокам.

— Леон! Справа! — успел крикнуть Макс, прежде чем произошло бы непоправимое. Леон отвел лошадей под уздцы, избежав столкновение с упавшим деревом.

Некоторые воспитанницы вскрикнули от неожиданности, оборачиваясь на поваленное дерево позади, которое стремительно удалялось. Ведь теперь Леон и Мак пустили лошадей в галоп. Это означало, что кто-то подстроил некую ловушку.

Деревья мелькали, а на небольших поворотах повозку заносило.

— Крепче держитесь! Быстрее, Макс! — крикнул Леон, — мы должны успеть до моста!

Но в следующий момент на дорогу из леса выбежали два высоких человека. У одного из них в руках уже вертелось лассо.

Рывок и веревка стремительно полетела вперед, опутывая шею Леона, срывая его с места на землю. Успев ухватить край веревки, Леон избежал участи быть задушенным. Потеряв кучера, лошадь повело в сторону. И повозка встала поперек дороги. Повозка с Максом следом вынужденно затормозила.

— Леон! — Валери прыгнула с места и хотела кинуться к Леону, который откашливался лежа на земле, пытаясь ослабить веревку, но второй человек с дороги перехватил девушку. И, удерживая Валери, закрывая ей рот, нарочито вежливо стал вести диалог:

— Добрый вечер, уважаемые дамы, мы ненадолго, — на этих словах, из-за деревьев с другой стороны, вышло еще несколько человек, — мы только заберем парочку «Вещей», которые мадам приобрела у Слага, и опустим всех остальных с миром.

— Что... что вы несете!/? — дрожащим голосом произнесла миссис Кап, — какие еще вещи! Нет у нас никаких дел с этой женщиной!

— Мамаша, помолчите! Или заберем больше, чем нужно, — человек держащий Валери прорычал эти слова, — а теперь... живо всем слезть, освобождаем места!

Один из людей мадам схватил за шиворот Макса и скинул его с повозки:

— Как знал, что «крысята» Джона сообразят и свернут от Глемта, — произнес он с пренебрежением, придавливая хрипящего Макса ногой к земле.

Другие бандиты окружили оставшихся троих ребят из команды Джона.

Напуганные воспитанницы спускались из повозок. Миссис Кап крепко держала Эллу.

— Не дрожите так, красавицы, мы заберем только больших девочек, а маленькие пусть еще растут, — человек, держащий Валери, погладил девушку по волосам, — вот эту заберем. Слаг много за нее получил от мадам.

Услышав эти слова, Леон зарычал сильнее, пытаясь ослабить веревку на шее.

— А вот этого, белобрысого, кончайте, — отдал приказ главарь шайки, указывая на Леона, — долго он будет меня раздражать, калеча моих людей. Я бы себе забрал в банду, честное слово, но Джон уже промыл ему мозги доблестью...

В ответ на отданный приказ, один из четырех бандитов, направился к Леону:

— Ну вот и встретились, — он склонился над Леоном, поправляя у себя на одном глазу повязку, — теперь сверну тебе шею, гаденыш, за мой потерянный глаз... — схватил юношу за горло, — не долго ты радовался! Я за свой глаз, давно хочу стереть тебя в порошок.

— У вас ничего не получится! Джон нас спасет! — раздался голос маленькой Эллы.

— Элла... тише... — прошептала в страхе миссис Кап, прижимая девочку ближе к себе..

— А чей это тоненький голос? — мнимый лидер бандитов отступил от Валери и приблизился к Элле, — кто-то верит в святошу Джона! И где ваш хваленый Джон?

Бандит хотел было еще что-то сказать, но увидел на шее Эллы кулон:

— Что это у тебя? — сорвав с девочки украшение, бросил его своему человеку, — посмотрите, сколько стоит вещица.

Двое других бандитов стали рассматривать необычный механический медальон.

— Что ты с ним там играешься? — обратился главарь шайки к человеку без глаза, — решай там с ним быстрее, — и направился к Валери, хватая ее за плечи, — нас тут, девушка заждалась.

Услышав крик Валери, Леон подорвался с места, пихнув в бок человека без глаза. Тот оказался весьма крепок, и устоял на ногах, хватаясь за веревку, висящую на шее Леона.

Заматав ее, дернул, но Леон оттолкнул его ногой в живот, скатываясь на землю, перевернулся через себя, побежал, но был схвачен врагом со спины. И теперь уже крупная рука бандита, согнутая в локте, душила Леона.

В этот миг, в руках двух других бандитов вспыхнул медальон. О, если бы кто из них знал его механическое действие, в ответ на поворот шестеренки! Бандиты в одночасье были поражены неким разрядом молнии, сверкнувшим из серебрённых камней механической вещицы, и упали, если не замятво, то совершенно близко к этому состоянию...

Словно, очнувшись, Леон, обхватил руками в перчатках, душащую его руку врага. Он сжимал ее, пока не почувствовал хруст костей и дикий вопль бандита за спиной. Рука уже отпустила горло Леона, и он обернулся, чтобы отключить от реальности человека без глаза, нокаутирующим ударом в хребет.

Одновременно, сориентировавшиеся ребята уже помогали воспитанницам и миссис Кап скрыться в лесу и уводили их в направлении убежища.

А Леон, порвав веревку на шее, кинулся на человека, держащего Валери. К слову, тот был поражен и дезориентирован опасным действием кулона, метавшего молнии, и тем, что молодой парень, поломал руку одному из сильнейших бандитов его шайки, просто смыкая ладони на предплечье.

Неожиданный удар рукой в перчатке, и бандит падает, без сознания, отпуская Валери.

Объятья... Валери хочет поскорее обнять своего дорогого сердцу юношу, за которого ей было так страшно...

Но... Вместо того, чтобы ее обнять...

Леон... неожиданно... и очень порывисто...

Целует Валери. Обнимая ее так крепко, но все же осторожно. И такого рода стиснутые объятья не приносят страха и безысходности девушке. В ответ, она целует его, обнимая,

чтобы никогда больше не отпустить.

— Достаточно! — возвращающий Леона и Валери в реальность голос Макса.
"Занудный" голос, как отметил Леон, — съедите сейчас друг друга.

Макс подошел к лежащему без сознания главарю шайки, толкнув его ногой.

— Мне одному что ли их связывать?

Глава 34. Анна. Марк. Тот человек

Марк и Анна. Продолжение параллели.

— Убери от нее руки! — прозвучал голос Марка.

— Марк! — вскрикнула Анна. Невероятно обрадовавшись, видя своего, ставшего таким дорогим, человека. Но, одновременно, испугавшись теперь уже и за его жизнь...

Похититель обернулся на голос парня, все также держа Анну, болезненной хваткой.

— А не то что? — зловеще оскалился ненавистный для Марка человек.

— Ну, например, я могу осложнить твою жизнь, — Марк говорил, надев улыбку на лицо, но кто-бы знал, что ему это стоит — казаться сейчас неунывающим героем. В ответ на это заявление, похититель удивленно приподнял бровь, скользя оценивающим взглядом по перчаткам и сумке Марка.

Марк так и стоял на тонкой балке, помогая себе держать баланс руками.

— А ты купи ее у меня? — прорычал похититель, сверля парня тяжелым взглядом.

— Анна не продается! — твердо заявил Марк, немного качнувшись в сторону, делая шаг вперед на узкой балке.

— Ну, это смотря за что продавать... Вот, например, за твою жалкую жизнь, — с этими злыми словами человек со всей силы откинул Анну на железную площадку с периллами и трубами, и стремительно направился в сторону Марка.

Железная балка скрипнула и стала раскачиваться вдоль вертикали, так и норовя скинуть Марка. Похититель же ступал уверенно, держа баланс, будто вовсе не боялся высоты.

Марк несколько секунд был в замешательстве, видя, как упала Анна на трубы и вскрикнула от боли. Но затем, придя в себя, наклонился к балке, зацепившись руками в перчатках, повис под ней, прямо под ногами злодея.

Ловкости Марка обычно хватало для высотных работ распределительного центра, но никак не для сохранения своей жизни от пытающегося затоптать его руки человека, вися над пропастью.

В какой-то момент врагу удалось наступить на руку Марка, прижав его к месту.

Похититель схватил юношу за жилетку, приподнимая над балкой.

— Думаешь, ты один такой навороченный!? — он достал из кармана механический прибор, напоминающий жука скарабея, — счет пошел, — с этими словами, он пустил механического жука на голову Марка.

Скарабей побежал, перебирая механическими ножками по телу Марка и остановился на его шее, кусая до капли крови, железными хелицерами.

— Отойди от него! — неожиданно раздался женский голос... Не Анны.

Похититель обернулся, и увидел... Нину.

Девушка стояла возле начала балки, держа в руках часть железной металлической трубы, в полной боевой готовности. Позади нее стояла Анна, немного склонившись от полученного удара о трубы.

— Куртизанка из борделя Люсинды? — ухмыляясь, произнес «несостоявшийся клиент», рассматривая Нину, — это ты тогда украла мою «Вещь».

— Повторяю! Отойди от него! — более грозно произнесла Нина, поднимая палку сбоку над головой в ожидании, готовая в любой момент опустить металлическую трубу на голову злодея.

Но он не отошел...

— Сначала... я прикончу его, потом тебя, а потом, заберу свою «Игрушку» и... — враг не успел договорить, Марк потянул ненавистного человека через себя, утаскивая в пропасть...

— Марк! — закричали девушки и, на сколько возможно, стремительно подбежали к месту падения...

Не видя ничего в сумраке башни. Только слыша глухой удар в самом низу. Ужас окутал девушек и еще боль заняла в сердце..

— Анна, Нина! — послышался хриплый голос Марка.

Нина наклонилась немного вперед. Увидела Марка. Он висел на канате, который был прикреплен к балке крюком.

— Марк, держись! — дрожащим голосом просила Анна.

— Марк, ты цел? — крикнула Нина, пытаясь вытянуть Марка наверх.

— Сейчас, я взберусь, вернитесь к площадке, балка раскачивается.

Марк стал подтягиваться, помогая себе механическими перчатками. Взобравшись наверх и осторожно переступая по балке, он спустился на площадку к Анне и Нине.

Девушки подхватили его под руки и усадили, прислоняя Марка спиной к стене.

— Анна, как ты? — спросил Марк, держась за ребра.

— Со мной все в порядке... Марк, спасибо тебе... как ты? — Анна прикоснулось ладонью ко лбу Марка, отмечая, что он весьма горячий. Их руки соединились. Анна забыла, что была напугана тем человеком. Теперь она переживала за состояние Марка.

— Марк, тебя нужно скорее доставить в больницу, — обеспокоено сказала Нина, — тот человек уже получил свое, — Нина посмотрела вниз, куда минуту назад сорвался "тот человек".

— Мисс Эверинд, немного позже в больницу, все в порядке, — Марк встал на ноги, — когда я полз... в смысле, лез сюда, увидел, как на самый верх поднимается... Джон, — Марк поднял голову, показывая взглядом на верхние этажи башни, где располагались огромные часы.

— Джон? Он здесь? — Нина испугалась... за своего сыщика. Перевела взгляд в высоту готического здания... Сквозь винтовую железную лестницу, были видны очертания огромного циферблата, освещенного полнолунием...

Глава 35. Противостояние. Часть 2

Противостояние. Часть 2.

Джон Вик

Переступая через порог главной комнаты бывшего распределительно центра, расположенной в самой высокой части старой башни, Джон увидел в полуразрушенной комнате человека возле окна.

Человека, за которым он негласно следил более полугода, но все же, оставшимся для него загадкой... Виктор Гистли. Кто он на самом деле?

Мужчина сидел в оконном проеме, поставив одну ногу на подоконник, вторую поставив на пол. Виктор безмятежно курил, сбрасывая пепел в открытое окно. Его пиджак лежал неподалеку. Черные волосы были в беспорядке, и весь внешний вид отдавал небрежностью сумасшествия.

На вошедшего в тусклое помещение, Виктор не среагировал, он был спокоен. Было ли это спокойствие врожденной особенностью натренированного характера и выдержки. Или это то спокойствие, которое присуще психопату, бесчувственному человеку, которому не свойственна эмпатия и понимание чувств других, и собственных...

Виктор ухмыльнулся, глядя в окно, слыша приближающиеся шаги Джона и скрип досок полуразрушенного пола, в дырах которого зияла пропасть башни.

Сыщик остановился в трех метрах от своего недавнего коллеги, чтобы наконец расставить все точки над «i».

— Прекрасный вид, не находишь? — спросил Виктор Гистли, все так же глядя в окно на погрязший в сумраке Питфол, залитый светом ночного светила.

— Виктор, — начал осторожно Джон, — я пришел поговорить. И ты знаешь, о чем...

Гистли улыбнулся кривоватой улыбкой, растирая в пальцах тлеющую сигарету, рассматривая пепел в своих руках. Джон пытался понять настроение Виктора. Опасен он или нет. Но все что видел Джон, так это обреченное принятие неизбежного в глазах у Виктора.

Гистли уже сделал выбор...

— Кто она была для тебя? Носящая имя Лорена... — прозвучал вопрос сыщика.

Взглянув в глаза Виктору, Джон на миг уловил в них печать неизгладимой тоски, которая тут же была стерта суровостью и хладнокровностью...

— Джон... а ты действительно... хорош, — Гистли встал, облокотившись руками на подоконник, смотря в темное небо... — Она — моя жена... — быстрый ответ, безэмоциональный. Виктор не стал таить правду. Он все для себя решил. Подписал себе приговор... Отсюда такая откровенность...

Джон догадывался об этом, но все же... Еще в начале его знакомства с Гистли, Джон наводил справки о Викторе. Все, что удалось выяснить, так это то, что у Виктора была, если так можно сказать, любимая женщина, но исчезла примерно семь лет назад. Джон не доверял слухам. Но все же их учитывал. Тем более, в отношении Виктора не было никакой информации... только слухи. И эти слухи говорили о том, что он был властным человеком, с долей безжалостности...

— Что произошло тогда? Она была ассистенткой Аспена... — Джон продолжил выдавать факты, надеясь, что Виктор все же прольет свет на дело былых времен.

— Мой совет тебе, Джон, во-первых, не произноси в моем присутствии его имя, — зло произнес Виктор. Он резко обернулся, и теперь, освещенный со спины, он предстал темным силуэтом, — а, во-вторых, забирай Нину, увози ее из этой дыры. Не теряй время... Цени то, что тебя любит.

Слова Виктора отозвались острой болью в груди у сыщика. "Любит... Она его любит..." А он ведь даже не успел ей сказать...

— Ты из-за нее, своей жены, хочешь себя убить? — уже грозно произнес Джон, почти рыча, понимая, что вскоре, если его не остановить, Виктор принесет себя в жертву для открытия дверей в Межмирье.

— Убить? — Виктор рассмеялся, накрывая ладонью лоб, и ведя рукой по волосам, — разве это важно, Джон?! Ты же не поплакаться сюда пришел, жалея мою жизнь?! — остановив свой смех, Виктор, снова достал сигарету и закурил, выпуская дым в окно, — Поверь, Джон, моя жизнь ничего не стоит... — и обреченно, глядя в окно, добавил:

— Я должен все исправить... Вернуть...

— Ты и понятия не имеешь, что тебя там ждет... в мире Полутонов! — Джон говорил на повышенных тонах, хотя и стоял, напряженный, сжав кулаки, — ты можешь разрушить судьбы других!

Виктор перевел на Джона яростный взгляд, губы его были сжаты, а черты лица заострились. Он встал с места и направился к Джону. И теперь уже стоял напротив него, глядя в глаза сыщику.

— А ты понятия не имеешь, что можно любить так сильно, что не важна жизнь ни своя, ни чья-либо еще, — прорычал сквозь зубы Виктор, продолжая сверлить взглядом Джона, — ты не ценил столько лет любовь девушки, глупец... Я бы все отдал, чтобы испытать на себе такую же любовь от той, что... исчезла...

— Что ты хочешь исправить? — Джон выдерживал взгляд Виктора, не прекращая попыток докопаться до истины.

— Я хочу вернуть. Свою. Жену. — Виктор, будто успокаивая и сдерживая себя, отошел в сторону окна подальше от сыщика, — тебе лучше убраться отсюда, Джон, — не оборачиваясь произнес Гистли, — я знаю, что ты в курсе всего. Но не испытывай больше мое терпение, — бросил в пол-оборота.

— Что ты собрался передать Слаггу? — Джон не собирался уходить, и тем более прекращать этот разговор, как и попытку остановить Виктора.

— Не я... — Виктор обернулся, доставая механический кулон, смотря на мерцающую вещь безэмоциональным взглядом.

В свете ночного светила, Джон увидел в руках у Гистли артефакт — часовой механизм на цепочке, рисунок которого ему не так давно показывал профессор Рунольф.

— Ключ! — Джон вспомнил слова профессора о том, что артефакт нужно уничтожить.

— Не думаешь же, что я его так легко отдам тебе, Джон, — будто прочел его мысли Виктор, — он существует благодаря потраченной жизни моей жены... — зловещая улыбка, полная боли, появилась на лице Виктора. Его глаза блестели.

— Тебе удалось найти вторую часть от него? — Джон склонил голову, хмуро рассматривая кулон.

— Сегодня я получу ее, — ухмыльнулся Виктор, — и даже ты не помешаешь мне.

Глава 35. Пути объединились

— Виктор, опомнись! — Джон сделал шаг в направлении Гистли, — это не любовь, это одержимость! Ты теряешь рассудок!

— Уж в чем, а в мозгоправстве я не нуждаюсь, Джон, — Виктор сложил артефакт в боковой карман рубашки, — я шел к этому много лет.

— Что произошло тогда? — настаивал на ответе Джон.

Виктор втянул воздух носом, сдерживая гнев, которым был наполнен.

— Тот ученый ублюдок забрал жизнь моей жены, — Виктор процедил зло, — она была... помешана на исследованиях... Жила этой работой. Восхищалась... им... — Виктор прикрыл глаза, облакачиваясь головой о стену.

— Он забрал ее раньше, — Гистли ухмыльнулся, — завладел ее мозгом... Я видел, что она стала жить не только работой, но еще... она стала жить им... А он... он забрал ее жизнь, создавая свой проклятый аппарат, — Виктор отвернулся к окну.

— Ты уверен? Уверен, что он убил ее? — Джон, вспомнил статью из газеты, которую недавно читал.

— Несчастный случай... — Виктор выдохнул, — добрый ученый просто не доглядел... — Виктор повернулся к Джону, засунув руки в карманы, — тот ублюдок хорошо зачистил после себя. Тела мой жены так и не нашли. Как и его чудо-аппарата, над которым они трудились... А ты представляешь, какого это... Знать, что жена мертва, но не иметь возможности убедиться в этом... Каждый день спрашивать себя, так ли это на самом деле? Сходить с ума, искать ее... или ее тело. То убеждая себя, что она жива, но просто сбежала... добивать себя этой мыслью... То понимать, что она мертва... И что она выбрала такую участь специально, лишь бы не быть... — Виктор не договорил, стиснув челюсть.

— Ученый умер... И ты ведь знаешь... от чего... — тихо спросил Джон, догадываясь.

— Ну нет, Джон! — Виктор оскалился, — я тут ни при чем, — Виктор поднял руки в сдающим жесте, — он сдох сам. Просто пришлось... дожать эту тварь, что забрала мою жену... — ревностно проговорил Виктор. Последнее не утаилось от Джона.

— А твоя жена... любила тебя? — на этих словах Джона, Виктор не выдержал, вмиг подбежал к сыщику, рывком на себя хватая его за края плаща.

— Я любил ее! — прорычал сквозь зубы Гистли, сверля убийственным взглядом Джона, — и этого было достаточно!

Джон оторвал от себя руки Гистли.

— Отпусти свою жену... И живи дальше, — Джон видел безумие, что плескалось на дне глаз Виктора. Ревность, злость, ненависть... Но только не любовь. Виктор путает любовь с чем-то другим.

— Чтобы отпустить кого-то... Надо что бы этот кто-то ему принадлежал... — безэмоционально проговорил Виктор, отступая от Джона.

— Джон, — раздалось позади.

— Нина?! — удивленно. Сыщик увидел, как в дверь вошли Нина и Анна с Марком, — что вы тут делаете?

— Опять спасали меня, — виновато пролепетала Анна, держа Марка.

Джон направился к вошедшим друзьям, которые не должны были быть сейчас тут.

— А я говорил, Джон нужно было убираться из этой дыры, — Гистли присел на

подоконник, осматривая вошедших хмурым взглядом.

— Это не самое безопасное место сегодня, Нина, — Джон обхватил плечи Нины руками. В его взгляде было сильное волнение.

— Прости, Джон... — Нина коснулась руками груди своего сыщика, — что-то подсказывает мне, что мы должны быть сейчас здесь...

— Ну вот так встреча! — раздался скрипучий холеный голос.

Через сбитую часть стены медленно в комнату вошел директор Слаг... Не один.

В сумраке помещения прошелестела ткань платья. Ступая вперед, с приставленным пистолетом к горлу... вошла Эмили.

Слаг окинул присутствующих хитрым взглядом, прижимая к себе девушку со шрамами, оттягивая ее голову за волосы. Крепче прижал дуло пистолета к сонной артерии девушки.

Слаг обошел крупную дыру в полу, в просвете которой виднелось глубокое дно башни. Он обошел ее, и стал впереди, удерживая Эмили перед собой.

Присутствующие напряглись. Джон инстинктивно загородил собой Нину и Марка с Анной, расставляя руки в обе стороны. Виктор подался вперед, озадаченно рассматривая девушку-заложницу Слага, лицо которой скрывала маска.

— Теперь всем молчать! — командным тоном прокрипел Слаг, — говорить и показывать буду только я...

Глава 37. "Перед началом"

— Извиняюсь, что задержался, Виктор, — захихикал Слаг, — просто по пути встретил кое-кого, — Слаг отпустил волосы Эмили, и вместо жесткой хватки, погладил ее по голове. От этого движения девушка дернула головой в сторону, с отвращением, — Виктор, а тебе будет интересно, что это за птичка в моих руках... трепыхается, — Слаг сильнее вдавил дуло пистолета в шею Эмили.

Нина прижала ладонь ко рту в испуге, едва поборов желание закричать на Слага. Марк задвинул Анну себе за спину...

— Отпусти ее! — Проговорил Джон, немного подаваясь вперед, — давай все обсудим... На кону многие жизни, — выставив одну ладонь вперед, просил сыщик.

— Не рыпаться, ищейка! — надменно приказал Слаг, — я конечно «рад», мисс Эверинд, что вы опять таскаете всюду своего законника, но это ведь перебор... — обратился он уже к Нине.

Виктор молчал. Он смотрел на девушку, которую удерживал Слаг. И его внимательный взгляд не скрылся от последнего.

— А тебе интересно, Гистли, кто она?! — на этих словах Слаг сорвал с Эмили маску.

И теперь все присутствующие увидели лицо необычной девушки. Будто разбитая фарфоровая кукла, склеенная наспех... что подтверждали шрамы-швы. Черные волнистые локоны упали с плеч, обрамляя бледное, юное, но все еще красивое лицо, которое не портили даже уродливые шрамы-трещины.

— Милая, а ты посмотри на человека перед собой, — Слаг нарочито нежно говорил Эмили на ухо, — это тот самый человек, который отправил тебя в Глемт, прямиком ко мне...

Эмили подняла взгляд на Виктора. Она поняла, кто он.

— Ты хочешь сказать... — обескураженно начал Виктор, делая шаг вперед.

— Да, Виктор! — Слаг звонко захихикал, — Это дочь твоего любимого ученого... Александра Аспена.

Все присутствующие перевели взгляд на Эмили. Нина, Анна видели свою подругу, и кто бы знал, как им хотелось вырвать ее из лап ненавистного директора.

Виктор понял все... Он вспомнил... но все равно был обескуражен, глядя на разбитый фарфор лица Эмили. А девушка только прикрыла глаза, не выдержав этой эмоциональной пытки.

— Слаг, — Джон пытался переключить внимание директора приюта, хотел завладеть его вниманием, дезориентировать.

— Заткнись, Джон! — истерично крикнул Слаг, — еще одно слово и я отправлю на тот свет тебя первым!

Джон сделал шаг назад. Понял, что Слаг хочет выговорится. Это его некий «звездный час», и пока он будет вести свой монолог, он не выстрелит.

— Посмотри на ее лицо, Виктор, — Слаг ухмылялся, — она прожила в борделе швеей в кладовке шесть лет, — Слаг потянул голову Эмили за волосы, — посмотри на ее шрамы! Тебе, наверное, нравится?! Когда она сбегала от меня, то они были кровавым месивом.

Слаг посмотрел на Виктора, видя, что тот в замешательстве и еще кучу мелькающих эмоций на его лице, которые Слагу были не ведомы.

— Ты можешь считать себя отмытым, Виктор, — оскалился Слаг кривыми зубами, — твоя женушка отмыта! Это я помог тебе отомстить Аспену! Я!

Виктор молчал, глядя исподлобья уже на Слага, сжимая кулаки.

«Сожаление? Рассказание?» — успел подумать Джон, глядя на Виктора.

— Эмили, знаешь, кто этот мужчина еще?! — Слаг наклонил к себе Эмили, говоря, дотягиваясь до ее уха, — это он, Виктор Гистли, искал тебя долгое время... Чтобы отомстить твоему папашке, убившему его драгоценную женушку. А я тебя, считай, спас. Он бы не церемонился с тобой. Ты должна быть мне благодарной.

Слаг вмиг поменялся в лице, оглядывая всех присутствующих, как коршун.

— А теперь, отдавай сюда кулон, Гистли! — Слаг вытянул ладонь, — я знаю, что ты забрал его у Коллекционера... Я его спрашивал... разговорил, так сказать, — Слаг зловеще улыбнулся.

Виктор посмотрел на вытянутую руку Слага, не показывая эмоций и не двигаясь.

— Помнись, договор был о том, что ты сам принесешь мне вторую часть... в обмен на твою жалкую жизнь, — Виктор мельком посмотрел на Джона, улавливая его сосредоточенность и напряжение, готовясь отразить действия Джона в заплучении второй части кулона.

— Ты сейчас не в той ситуации, Гистли, чтобы указывать мне! — на этих словах Слаг показал, что на руке, которой он удерживал Эмили, прикреплен зеленый пузырек.

Сыщики вмиг напряглись, переглянувшись.

— О да, мои «друзья», вы узнали вещество! — Слаг оскалился, — еще шаг и пузырек с силиром будет разбит в этой комнате. И вы знаете, господа, что все сдохнет моментально от такого количества.

«Блефует... или нет» — мысли, которые витали среди присутствующих, но никто больше не пытался вставить слово в монолог Слага.

— Кулон, Виктор! — Слаг тряс рукой от нетерпения.

Виктор посмотрел на Джона, потом достал кулон из кармана. И под пристальным взглядом своего бывшего коллеги положил артефакт в руку Слага. Еще будет время... вернуть...

— Да-да! А теперь три шага назад Гистли! — раздраженно приказал Слаг, защелкивая кулон со второй частью трясущимися руками, — и ты, ищайка, не рыпайся, если хочешь дослушать! — уже обратился к Джону.

— Вы все глупцы! Ха-ха! — Слаг нервно хохотал, — вы не знали, что кулон состоит не из двух частей, а из трех! Третья — это душа, в моем случае это будет дочь Аспена. Ее душа может открыть Межмирье, а я проскользну следом. Она откроет этот мир для меня...

— Ты не посмеешь! — сквозь боль, произнесла Нина.

— О-о-о! Ты подала голосок, Нина! — Слаг с ненавистью посмотрел на девушку, — знаешь, что первым делом я сделаю, когда вернусь в прошлое?! — Слаг выжидающе смотрел на Нину, видя, как Джон закрывает ее за своей спиной, — я сразу же продам тебя самому жестокому покупателю, который первым предложит за тебя деньги.

На этих словах Слага, Джон в ярости сжал кулаки, готовый в любую минуту скинуть Слага в дыру в полу, что была позади него.

— А мы с Эмили... — Слаг погладил девушку рукой, на которой звенел пузырек с силиром, — будем жить долго и счастливо..., - посмотрел на Эмили, — Только ты, моя милая будешь жить в подвале, красивом, благоустроенном, подвале. Будешь послушной

девочкой... до конца своих дней, и больше не сбежишь от меня.

Слаг перевел взгляд на Виктора, видя, что на его лице появились пренебрежение и злость, направленные на него.

— Виктор, ты будешь отомщен дважды, — Слаг улыбался, — та, которую ты ненавидишь, повторно будет наказана мной.

Слаг пятился назад к дыре в полу, держа Эмили.

Джон и Виктор, хмуро глядя за его поступью, напряглись сильнее. Каждый решил действовать по-своему.

— И, кстати, Нина, — говорил Слаг, все так же предвигаясь к краю пропасти, — твоя драгоценная Валери сейчас вступает в новую должность... девочки мадам Люсинды...

Нина вздрогнула. Они с Джоном переглянулись в ужасе...

— Да, Джон! — Слаг ухмылялся, стоя уже на краю провала, — ты сегодня не досчитаешься пары-тройки своих «крысят». Одного из них, точно зовут Леон.

Острая боль пронзила сердце Джона. А еще удар вины, за свой промах... за Валери... за своих подопечных...

И эта боль секундно дезориентировала Джона.

Когда в один миг Виктор, видя движение Слага к обрыву, не мог больше просто стоять, движимый новыми чувствами и эмоциями. И яростно кинулся вперед к Слагу с Эмили.

— Виктор! Стой! — Джон преодолел разделяющее их расстояние и оказался рядом с ними, одновременно с Виктором. Пытаясь оттолкнуть его и удержать Эмили и Слага от обрыва.

В этом порыве Джона смешалось все. Спасение жизни Эмили, а еще Виктора, и даже Слага. Учитывая пузырек с силиром, чтобы присутствующие в комнате не отравились. Шоковое состояние... Одновременно, видя ужас в глазах Нины, где была боль, и за Валери, за Леона, и Эмили... и страх во взгляде Нины за него, страх за его жизнь. Потому что она его...

Выстрел...

Все случилось очень быстро...

Миг, когда никто не понимает, что произошло...

Когда этот миг растягивается в бесконечное ожидание итога непоправимого обстоятельства.

Слаг ошалело смотрел по сторонам, держа в руках оружие с выдуваемым дымом после выстрела... Эмили в тихом ужасе смотрит на Нину. Виктор дезориентирован, он оглянулся...

И...

Джон падает...

— Джон! — звучит протяжное Нины, на разрыв сердца. Крик... как немая просьба...

Она бежит, так быстро, но ей кажется, будто вечность. Подбегает, чтобы успеть подхватить голову от удара упавшего на спину сыщика. Видеть, как он хмуро пытается понять, что произошло. Ее взгляд опускается на его руку, которой он зажимает... пулевое ранение... Кровь стекает из-под руки ее сыщика, окропляя светлую рубашку алым.

Нина зажимает ладонью его рану, слезы катятся из глаз, а воздуха не хватает...

Виктор в ужасе смотрит на рану Джона. Анна сползает вниз, ее придерживает Марк накрывая собой.

В этот момент Слаг теряется, накрывается к обрыву, и пытается удержаться за Эмили,

тянет ее за собой в пропасть, что есть сил спасает свою жизнь.

Виктор, видя это, не задумываясь, хватает Эмили за руку, вжимая в себя. Одновременно, срывет кулон с шеи Слага. И отталкивает его ногой, со всей силы, в обрыв... к которому не так давно стремился сам директор приюта...

Пропасть башни напоследок оглашает удаляющийся вопль.

— Джон, Джон! — Нина прижимает ладонь к щеке Джона, — не закрывай глаза пожалуйста, останься со мной! — просит Нина, смотрит в эти родные глаза своего любимого... Да! Ее любимого..

Прижимая рукой его рану, видя, как быстро вытекает кровь, гонимая сердцем, которое было роднее всех на свете. Всмотриваясь в такое родное лицо... Испугаться, видя спокойствие и сожаление в его взгляде...

— Нина... я не сказал, — тихо-тихо произнес Джон. Он коснулся щеки Нины, — ведь я... люблю тебя, — Джон закрыл глаза...

— Не-е-ет, нет, — не веря в произошедшее тихо и горько говорила Нина, слезы катились по щекам на лицо любимого. Прижавшись ко лбу Джона, она сказала, что уже давно знала и чувствовала:

— Джон, и я... так сильно люблю тебя...

Руки Эмили опустились на плечи Нины... Она присела рядом, обнимая свою дорогую подругу, понимая ее боль...

Виктор перевел взгляд от кулона к Джону, хмурясь... видя, как кровь стекает тонкой струйкой из уголка губ его некогда напарника. Он теперь сторонний наблюдатель... Со стороны видеть... тоже... нелегко. Он посмотрел на кулон снова. Сжал его в руке... Решая для себя многое...

Виктор присел на колени возле Нины и Джона, касаясь ее плеча:

— Нина, дай мне его руку...

Девушка перевела взгляд наполненный болью на Виктора... а затем на кулон в его руках, смутившись. Но все же, убрала свою руку от руки Джона, что прижимала рану, допуская Виктора.

Чтобы...

Тот протянул кулон, раскрывая окровавленную ладонь Джона, чтобы соединить артефакт с его носителем...

Крепко сжав артефакт в руке Джона, Гистли неспешно отступал назад, сосредоточенно наблюдая за рукой бывшего напарника с артефактом...

...

Едва уловимое тиканье часовых механизмов оживило безмолвное...пространство и время...

Глава 38. Новое начало

— Как выглядит мир без времени и пространства?

— Ты будешь одновременно везде в каждый момент своей жизни, осознавая происходящее.

— Как выглядел мир до своего начала?

— Щелки пальцами!

"Щелчек..."

— Я вижу только... серебристый светлый туман... Будто молоко с серебром и северным сиянием... смешалось... клубится вокруг меня. Подо мной нет опоры... Я в невесомости... Мне легко...

— Что ты чувствуешь?

— Что хочу вернуться...

Глава 39. Сквозь время и пространство

Ты погляди без отчаянья,
Вспыхнет ли, примет ли облик безвестного образа,
Будто случайного.
Это не сон, это вся правда моя, это истина.
Смерть побеждающий, вечный закон — это любовь моя.
Рабиндранат Тагор

Пробуждение. Ощущения такие смутные. Я не помню того, как сон поглотил меня, и что предшествовало этой моей усталости. Взгляд плохо фокусируется, когда я пытаюсь присесть и осмотреться. Иногда я отгоняю «мушек» возникающих перед глазами, рассекая рукой клубящийся воздух пространства и видя, как за моим движением возникают очертания новых предметов.

Яркий коричнево-бежевый свет льется из небольших окон. Освещая помещение в такие же тусклые тона. Воздух... Я не чувствую его, но дышу.

Время... Какое сейчас время суток? По ощущениям сейчас — вечный рассвет. И времени будто нет вовсе.

Оглядываюсь, чтобы понять — в помещении только я.

Где я?

Лаборатория?

Полуразрушенная комната с огромными часами... И я, кажется начинаю вспоминать...

Вспоминаю...

Хватаюсь за грудь, и там, где прежде была дыра, вижу, что рубашка цела и крови нет...

Но как же?! Я помню обжигающий выстрел, моя кровь...

Моя Нина!

Она была рядом тогда! Так, где же я? Что это за место? Я умер?

Оглядываюсь и не вижу никого, я здесь один... И по ощущениям, будто бы вовсе один...

Поднимаюсь быстро и осознаю — это старая башня с часами. А я в бывшем распределительном центре... Только вот... Помещение выглядит иначе: как старая лаборатория с картинок...

Все выглядит по-иному, а не так, когда все произошло.

Где был я, Нина... я помню ее прохладные руки на своих... Она видела мой последний миг... Она была рядом... она сказала мне...

Но как же?

Виктор... Он не воспользовался артефактом?

Я оглядываюсь и вижу многочисленные приборы, состоящие из резиновых труб и стеклянных колб. В центре — где располагаются часы — распределительный механизм. Все работает. Механизмы движутся. Мир осязаем.

Я в мире Полутонов...

Делаю шаг вперед, но словно плыву в пространстве, картинка меняется, будто кто-то перелистывает кадр. Такое бывает в осознанном сне, и я пока не научился им управлять.

Я понимаю, что не мертв... Но и не в своем мире. Возможно, это предсмертная агония... Но мир очень осязаем, он реален. И я должен действовать.

Вспоминаю слова профессора Рунольфа, сказанные мне перед выходом с ярмарки.

Слова о том, что мир Полутонов создан разумно, в нем нет ничего хаотичного. Что нужно искать подсказки... И, что Аспену удалось оставить в нем «ключи» хотя бы для некоторых «дверей».

Я смогу выбраться?

Оглядываю помещение и вижу перед собой дверь. Ее точно никогда не было в башне. В моем мире, вернее, в той башне из моего мира, вместо этой двери была стена...

Получается, это одна из так называемых «дверей». В буквальном смысле «дверей», о которых намекал Рунольф. Он все знал?

Я дергаю ручку. Заперто. Что там говорил Рунольф? Искать ключи? Как они выглядят?

Я осматриваю помещение, залитое светло-бежевым светом. Главный механизм распределительного центра — огромные часы, идут хаотично, стрелки движутся друг к другу и расходятся... Оглядываю механизм... Здесь, определенно, нужен Марк, любой... И старший и младший, нужны оба...

Подхожу к рубильникам. Наугад дергаю один. Часовая стрелка начинает идти в нужную сторону. Дергаю второй — она останавливается. Третий рычаг — двигается минутная, четвертый — она останавливается.

Наша встреча произошла в полночь. Поэтому решаю выставить нужное время, дергая рычаги.

Часы бьют полночь. И я поворачиваю голову в сторону щелчка двери. Неужели!

Медленно иду к ней. Картинка при движении рассекается, расплываясь по боковым полям зрения, так, что я вижу только ручку двери, которую поворачиваю.

Темнота резко сменяется серым зимним пейзажем. Я оглядываюсь и понимаю... что стою на поле?

Белый снег. Он освещен, но источника света нет, я вижу белое покрывало и очертание темного леса вдали.

А еще я вижу заледеневшее озеро. Вижу...

Девушку. Она идет по льду, в одном светлом платье. Черные волосы рассыпаны по плечам, это... Эмили?

— Эмили! — кричу ей и бегу к ней.

Но она не слышит и не видит меня. Она продолжает идти. А я не могу до нее добежать, я будто топчусь на месте, едва ли приблизившись. Вижу, как трещит лед под ее поступью, но Эмили этого не видит.

— Эмили! Стой! — кричу ей, но она не слышит. Я не могу добраться до нее, пространство не движется, не меняется.

Но следом, вижу человека, он бежит за ней.

— Виктор? — говорю я, спрашивая себя же.

Это, действительно, Виктор, я поностью уверен в этом. Он направляется к Эмили. Но почему они здесь?

Миг, и лед трескается, Эмили не успевает отбежать и проваливается под лед. В следующий момент, вижу, как Виктор ныряет вслед за ней.

Метель усиливается, закрывая мне обзор. Я прикрываю лицо краем плаща, ветер сильный, но холода я не чувствую. Обернувшись, вижу, среди белого плена иную картинку — островок.

Этот островок — неестественно сконструированный дом. Невозможная картинка. Дом несоразмерно выныривает из текстуры снежного поля.

Я захожу внутрь помещения, и передо мной предстает чей-то кабинет. Много рукописей. Книги. Приборы. Все выглядит заброшенным.

Не успеваю осмотреть помещение, как слышу звонок. Телефон. Я определенно понимаю и знаю, что это телефон. Поднимаю трубку, осторожно подношу к уху...

— Я не знаю услышишь ли ты мои слова, — хриплый мужской голос, — я и хочу, чтобы ты их услышала, но, одновременно, боюсь...

— Кто вы? Вы меня слышите? — говорю я в трубку, но голос на другой стороне молчит...

— Мне бы хотелось верить, что у тебя все хорошо... — тяжелый вздох, — но разбивается сердце, понимая, что я тебя никогда не увижу... и что ты никогда не узнаешь, как я любил тебя... как я пытался все исправить...

— Кто вы? — кричу громко в трубку, но кажется, тот человек на другом конце провода, меня не слышит... и даже эти слова говорит вовсе не мне... Может он не понимает?

— У меня все получилось, Эмили, я узнал это сегодня... — опять тяжелый вздох, — но цена была слишком высока... И я наказан тем, что никогда не увижу тебя и не услышу твой голос...

— Александр Аспен? — на меня снисходит понимание, — Это вы? — спрашиваю я, но знаю ответ. Как и знаю, что мне никто не ответит на мой вопрос. Этот телефонный разговор на самом деле — послание. И не мне...

— Времени мало... Я уже не могу ничего исправить... — говорит уже быстро, и голос немного удаляется от трубки, будто бы он оглядывался по сторонам, когда говорил, — Если ты слышишь меня... я надеюсь, что ты не слышишь... но если ты в мире Полутонов, незамедлительно возвращайся назад. Тебе нельзя там быть! Только не тебе! Ищи «воронки», — посторонний звук слышится на заднем плане, — Эмили, знай, твой отец любил тебя, как и твоя мать... — говорит впопыхах, судорожно сглатывая, — Берегись того человека, ты поймешь кого... — гудки, Аспен недоговорил, но перед сбросом звонка, я успеваю услышать другой голос на заднем фоне...

Воронки. Нужно искать некие «воронки». Это порталы в наш мир?

Аспен смог приручить мир Полутонов. Он оставил послание. Для Эмили. Но она здесь была... Или нет. Я видел ее издали. И, кажется, у нее не было шрамов на лице. И Виктор.. Он был другим... Моложе...

Поворачиваюсь на звук завывания ветра. Иду по коридору, слыша каждый свой шаг, усиленный эхом, и чем ближе я подхожу к новой двери, мои шаги становятся громче.

Открываю...

И все еще слышу ветер. Будто вьюга просачивается сквозь... трещину.

Воронка?

Осматриваю новое помещение. Это дом, темная кухня с белой печью. Сумерки.

Это место такое. Не могу понять... будто я чувствую, что здесь был кто-то важный для меня. Голова идет кругом, и я слышу стук своего сердца у горла. Ведь я вижу ее...

Нина...

Моя Нина...

Она...

Такая юная...

— Нина, — зову я и пытаюсь подойти к ней, но снова не могу. Я будто за невидимой стеной.

— Нина, принеси пожалуйста лампу в комнату, — слышится женский голос где-то вдалеке.

— Хорошо, мама! — Нина заворачивает на кухню и берет лампу...

— Нина! — кричу я, и чувствую... свои слезы... я и не заметил, как они успели скатиться по щекам.

Нина останавливается и медленно поворачивается, глядя в пространство сквозь меня... не видит меня.

На ее красивом лице недоумение. Она хмурится, озадаченно пытается понять что-то. Тяжело дышит.

Миг. И она роняет лампу, хватается за горло. На ее лице страх и паника.

— Нина! — кричу я, но она не слышит. Безысходность и страх за нее — вот, что я чувствую. И эти чувства поглощают меня, что я рычу сквозь зубы от жуткой боли, ощущая жгучие слезы, которые стекают к подбородку.

Я вижу над ней воронку, черную. Черные нити оплетают ее... Утягивая в небытие...

— Нет! — протяжно кричу, и все так же не могу приблизиться. Я вижу эту черную воронку. Злость. Боль. Потеря. Желание снести всех на своем пути... На пути к своей любимой...

Я сжимаю грудь, напротив сердца, там, где сейчас невыносимо болит... и ощущаю там... карточку...

Быстро, будто очнувшись, достаю фотоснимок... Наш с Ниной танец, фотокарточка которую вручил мне Рунольф.

— Нина? — слышу голос и направляю взгляд. Вижу перед собой женщину. Это мама Нины?

Она наклоняется к разбитой лампе, трогая осколки.

— Нина! Где ты? — она взволновано зовет дочь, оглядывается по сторонам.

Я слышу шелчок, и перевожу взгляд на невысокую тумбу с выдвигаемым ящиком. Подхожу и тяну ручку. Ящик открывается.

Мама Нины переводит взгляд на выдвинутый ящик, хмурится и делает шаг назад, недоумевая.

Я смотрю на фотокарточку в своих руках... Я должен сообщить...

Кладу фотоснимок в ящик и задвигаю его.

Женщина все так же стоит, держа в руке осколок. Она напугана, но все же, подходит и уверенно открывает ящик, на секунду одергивает руку... и потом достает снимок.

Несколько секунд она рассматривает фотокарточку. И на ее лице сменяется сразу несколько эмоций. Прикладывает пальцы к губам, вздрагивая. Она видит четкое изображение Нины, счастливой дочери. Видит и меня, но только на снимке. Переворачивает карточку и со смесью удивления и паники читает:

"Моим дорогим друзьям, любящим друг друга Нине и Джону, на добрую память от старого друга, Марка Рунольфа-старшего. В моем сердце всегда: похищенная иномирянка Нина и ее доблестный рыцарь Джон Вик..."

Рунольф... Спасибо тебе, дружище...

Мама Нины переворачивает фото и рассматривает изображение, опять прижимая пальцы к губам... Стекают ее слезы... Но женщина... улыбается сквозь них... Всхлипывая...

Я чувствую, что могу сделать шаг... Я прохожу мимо растерянной женщины, которая, будто чувствует мое присутствие. Я спешу в направлении черной воронки...

Оборачиваюсь, чтобы сказать... Мне это нужно, мне нужно сказать... даже, если меня не услышат:

— Я люблю вашу дочь... И я обещаю, что Нина будет счастлива... — меня уже засасывает черная воронка, но напоследок вижу, как женщина оборачивается и смотрит мне в глаза:

— Береги ее... — все, что успеваю услышать...

*** Продолжение от 15.11.23.***

Черные щупальца тьмы опутывают меня. По ощущениям, будто я ныряю в болото. Но знаю, что вскоре это состояние удушения пройдет, я жду завершения перехода.

Тьма рассеивается, как туман., стекая с меня тенью. И я оказываюсь в пустом глухом пространстве. Будто меня накрыли коробкой. Я иду по тусклому коридору. Под ногами не вижу пола, но слышу свои шаги, будто иду по плиточной кладке. Звук шагов усиливается, и я снова чувствую ветер...

Где-то здесь, совсем рядом, воронка.

Я бегу вперед, потому что вижу... Нину. Она на другом конце коридора, в нескольких метрах. Но я опять не могу добежать. Пространство не пускает меня. Я это понимаю. Нельзя? Не время?

Нина стоит, обняв себя за плечи, испуганно оглядываясь по сторонам. Дорожки от слез на ее лице.

Вижу, что рядом с ней, под ее ногами, воронка.

Нина не видит это перемещающийся портал. А позади нее уже клубится тьма, и пространство позади постепенно разрушается. Вот-вот тьма почти добралась до моей Нины...

— Нина! — что есть сил кричу своей любимой девочке, вложив в этот крик всю боль, страх, волнение за нее. А еще неистовое желание, чтобы она была спасена. Чтобы, если это возможно, она была со мной.

Джон? — тихо произносит Нина, оборачивается, она делает шаг ко мне навстречу, но будто не видит меня, просто слышит мой голос... Идет, слыша меня! Она, когда мы были у Рунольфа, говорила, что в мире Полутонов ее звал голос... Неужели! Неужели это был мой голос... Нина назвала его "родным"...

— Нина, я найду тебя! Жди меня! — кричу, но мой голос заглушает подступающая бездна, позади нее.

Еще шаг в направлении ко мне, и Нина заходит в воронку и ... исчезает. А позади нее пространство резко схлопывается. Будто черная дыра, бездна приближается и ко мне.

— Я вернусь, Нина! — говорю это в пустоту. И стремительно бегу назад, подальше, от стремящейся ко мне бездне. Я должен вернуться... Мне есть, ради кого...

Я просто бегу прямо, не знаю почему, я просто чувствую, что так надо.

Я вижу свет в конце тусклого коридора. Оглушающая тишина давит на уши, будто вакуум, я не слышу даже своего сердца и дыхания. Мои шаги, будто в густой жидкости. Тягучее пространство почти обездвиживает.

— Пожалуйста, помоги мне! — говорю это в пространство, едва шевеля губами, будто меня слышат... Нет... Я знаю, что меня Кто-то слышит...

В следующий миг — ослепляющая белизна света...

Глава 40. Второй шанс

Джон Вик

Я иду, но все так же вижу слишком яркий свет, от которого не разобрать окружающее пространство. Я сильно жмурюсь, тру глаза, пытаюсь понять, где я...

Оглушающее безмолвие постепенно сменилось густым потоком людских голосов. Я слышу шум колес повозок, шелест деревьев, пение птиц, крики детей, цоканье каблучков о каменную кладку.

Слишком много сигналов для моего восприятия. Я, кажется, схожу с ума...

Все также иду вперед, шурясь, и пытаюсь рассмотреть новый сюжет Межмирья... Или я уже...

Я чувствую, что кто-то толкает меня в плечо, разворачиваюсь и, неожиданно для себя, вижу четкую... новую реальность.

— Смотри, куда топаешь! — вижу перед собой старого и строгого... почтальона? Смотрю на него, и понимаю, что вижу мир. Я вижу улицу, она мне очень знакома, перевожу, наверное, ошалелый взгляд на человека, которого случайно толкнул.

— Я вернулся! Я вернулся назад! — слишком громко восклицаю эту ошеломляющую новость! Говорю это себе, но человек напротив, думает, что ему.

— Дааа... Тебя похоже сильно приложило, малец! — снисходительно заявляет этот человек, указывая пальцем на мою голову, и поскорее уходит от меня дальше по улице.

— Малец? — удивительно, почему меня так называли...

Перевожу взгляд на свои руки, осматриваю себя. Я в очень странной одежде... Она мне... знакома...

Не может быть!

Моя студенческая форма сыщика...

Осматриваюсь по сторонам. Вижу знакомый газетный киоск, знакомая бакалея. Заворачиваю за угол и вижу Отделение розыска! Я возле своей работы! Не может быть!

Я точно вернулся?! Щипаю себя за руку. Больно. Это хорошо.

Бью себя по щекам, со всей силы, ловя на себе взгляд испуганных дам, прогуливающих недалеко от меня. Обойдя по касательной, они обернулись, глядя на меня озадаченно.

Что-то не так. Перевожу взгляд на свою ладонь... Как так получилось?

Я вижу, что мизинец на моей левой руке... Не сломан... Ведь я точно знаю, что на первом году своей работы в Управлении сломал мизинец на руке и не заметил. Он сросся неправильно и...

И...

Какой сейчас год?

Я подбегаю к киоску, хватая газету, под возмущенные крики продавца.

Вижу дату. О нет... или... да?

День, месяц и год, который напечатан на свежей прессе — дата моего первого рабочего дня в Отделении розыска. Мой первый рабочий день, после учебы... Это день, когда я впервые встретил Нину... И вернул ее в Глемт!

Я что? В прошлом? В своем прошлом?!

Бросаю газету и бегу в управление со всех ног. Пробегая мимо витрины магазина с

женскими шляпками... на секунду останавливаясь и вижу свое отражение. О нет!

Я слишком молод... Неужели я таким был?! Чье это лицо? Неужели я был таким... Отвык от себя юного.

Мое лицо шесть лет назад... Что за...

Спешу дальше. Быстрее.

Забегаю по многочисленным порожкам, открываю массивную дверь и...

Сталкиваюсь с инспектором... точнее, с его более молодой версией...

— Отлично, Джон Вик! — громогласно проговорил инспектор, хватая меня за плечи, — первое задание — найти беглянку из приюта Глемт. Посмотрим на что горазд такой щенок, как ты! — он хлопает меня по плечу...

У него всегда была такая тяжелая рука? Тру свое плечо. Понимаю, что мне, кажется, заново наращивать мышечную массу. В 23 года я был худее в плечах...

Но, минуточку, я нахожусь в замешательстве...

— Если не найдешь, будешь пылиться в архиве, и на задания не пушу лет пять, — продолжил и ухмыльнулся сквозь густые усы инспектор, — приметы девчонки — зеленое платье, длинные волосы, смазливая внешность и... запуганный взгляд. Выполнять! — все, ни слова больше, и начальник отправился к своей повозке.

Но... Я помню свой первый рабочий день, тогда все было не так. Я познакомился с коллективом, инспектор подробно описал внешность Нины, со слов Слага... И инспектор ведь не сразу меня узнал. Пришлось некоторое время убеждать его, что я действительно тот самый Джон Вик, которого ему рекомендовали... Но в этот раз, все по-другому. Он сразу меня узнал, и направил на задание.

О, нет! Я должен спешить.

В прошлый раз я нашел Нину в три часа дня, в почтовой карете, она только-только собиралась уехать... А тут я... запрыгнул и выкрал... Радуюсь находке... Болван!

Сейчас полдень...

Вспоминая ту цепочку действий шестилетней давности, пытаюсь воспроизвести все события, косяки и правильные действия... Но, с поправкой, что в этот раз реальность немного поменялась... И я тридцатилетний Джон Вик в своем 23-летнем теле. Смешно, не это, скорее, плюс...

В этот раз я украду Нину из кареты... Но только для себя...

Гнить в архиве... Значит так тому и быть. Или я придумаю, как проявить себя, но другим способом. Но свою девочку я не верну в Глемт... И еще скоро один гнусный директор получит по заслугам.

Я направляюсь в сторону почтового транспорта. Доберусь быстро, это точно... Но...

Резко вспоминаю разговор с Анной в кафе «Северный ветер»... О ее отце...

Граф Стоун... который был проездом в Питфолле... в день, когда сбежала Нина... Все складывается очень... мозаично... Я должен решить головоломку, как все объять и что сделать первостепенно.

Я резко, разворачиваюсь в другую сторону, немного задевая прохожих, и срываюсь на бег.

— Так, что мы имеем, — говорю сам себе, заворачивая на параллельную улицу, — граф Стоун — важная персона. Если бы он был в нашем городе официально, то об этом раструбили бы все газеты...

Но информации о его визите не было... Значит он в Питфолл приехал негласно...

Для таких визитов высших персон в нашем городе только одно место...

И я уже стою напротив него.

У невысокого здания, огражденного забором...

Забираясь в окно первого этажа. Спрыгиваю и иду, как ни в чем ни бывало, прямо и уверенно.

На встречу мне идут два крупногабаритных человека... Я понимаю, что это охрана, и, возможно, Стоуна. Обычно, важные персоны не любят появляться здесь больше одного.

Прохожу мимо, но они сразу же оборачиваются. И я знаю, что будет, поэтому сразу, как слышу вопрос в свою спину, не теряя времени, заворачиваю на второй этаж.

Комнат несколько. Теперь-то я уже знаю расположение основных номеров в этом здании.

На крики охраны сбегается больше людей. Я подбегаю к комнате и уверенно стучу.

— Граф Стоун! — я действую, возможно, неразумно, но я сейчас иначе не могу, — у меня для вас важная информация.

Меня резко хватает пара охранников, утаскивая по коридору от комнаты.

— Я знаю, что вы здесь. Выслушайте меня! — кричу громко. И вижу, как дверь комнаты открывается. И на пороге появляется высокая фигура графа.

— Стойте! — отдает он приказ. И его люди останавливаются. Он подходит ко мне ближе, осматривая меня.

— Что же такого важного ты хотел бы мне сказать? — он хмуро и строго смотрит мне в глаза.

— Это касается вашей дочери... Анны... — взгляд его меняется. Он уже прожигает яростью.

Стоун подходит ко мне, хватая за края куртки.

— Откуда ты узнал? — со смесью боли, горечи и злости спрашивает граф. А его глаза начинают блестеть.

Стоун отдает приказ меня отпустить и кивает в сторону комнаты.

— Если ты солгал, парень... — Стоун очень сосредоточен и напряжен. Я понимаю его недоверие. Я сейчас выгляжу, почти как один из беспризорников команды Клыка. Но что поделать... Мне придется заново доказывать свою состоятельность.

— Я не лгу. Я знаю, где Анна, но пообещайте мне одно ... одолжение...

Граф прищурился, осматривая меня, кивнул.

Догадываюсь, что он находится в отчаяние, касательно вопроса о пропавшей дочери, поэтому согласился выслушать такого, на вид безумца, как я.

— Говори... и я решу, чего стоят твои слова.

— Если вам интересна судьба одиннадцатилетней девочки, мать которой была белухорой красавицей — цирковой гимнасткой, умершей при родах... То вы должны отправиться в приют Глемт.

Я видел, как при упоминании матери Анны, и возраста дочери, глаза Стоуна наполнились слезами... Он мне поверил... Он понял, что попал на след... Что я не лгу.

— Что вы хотите взамен этой информации? — возвращая себе самообладание, проговорил граф.

— У нас мало времени. Мы должны успеть спасти много жизней. И вот, что я прошу взамен...

Обсудив с графом некоторые моменты, он согласился мне помочь. И теперь я, в некоем

предвкушении, но, конечно, еще и с долей волнения, направляюсь к стоянке почтового транспорта...

Я должен спасти свою беглянку. Я верну ее себе. И больше никуда не отпущу.

Глава 41. "Вспомни меня!"

Джон Вик

Пропустив перед собой очередную карету, взгляд натывается на небольшую делегацию.

Дюжина человек. Они садятся в многоместную повозку, что-то активно обсуждая. Вид их весьма интеллигентный и, по внешним опознавательным признакам, могу предположить, что это, определенно, ученые.... Осматриваю людей, пока не натываюсь на седовласого господина, который несет увесистый прибор, ставит его себе на колени, занимая свое место в повозке.

— Рунольф! — кричу я и бегу к почти отправившейся повозке.

— Простите... мы знакомы? — озадачено осматривает меня Марк Рунольф-старший. А я смотрю на него...

— Да, Я Джон! Джон Вик! — говорю ему, улыбаясь. Я рад его видеть, — мне удалось... — я осматриваюсь, вижу вопросительные взгляды его компаньонов и осекаюсь.

— Мне удалось... вернуться! — уже тише и менее будоражено. Я смотрю на него и взглядом пытаюсь рассказать ему многое, но, видимо, нельзя.

Рунольф прищуривается на меня и, после, еле заметно улыбается одним уголком рта.

— Я рад... рад... — Рунольф говорит весьма обыденно, будто он психиатр и всегда встречает таких сумасшедших, как я... — рад, если, я вам чем-то помог, Джон! — добро отвечает мне профессор, всматриваясь в меня... и его повозка трогается с места...

Провожая взглядом удаляющихся ученых, где сидит мой друг, Марк Рунольф-старший, который, наверное, не в курсе, кто я такой и что нас связывало... Или все же ...

И все-таки он необычный, этот человек... На сколько много он знает, стоит только догадываться... Из него бы получился отличный разведчик... Или уже...

Марк Рунольф — разведчик мира Полутонов...

Не успеваю сделать себе отдых на мысленное лирическое отступление, как вижу худенькую фигуру, крадущуюся, опасливо смотрящую по сторонам.

Мое сердце начинает трепетать. И я улыбаюсь самой сильной улыбкой, на которую только способен.

Вижу, как мое сокровище запрыгивает в карету поправляя плащ. Обхожу транспорт с другой стороны, быстро открываю дверь и запрыгиваю на сиденье перед Ниной.

Момент... Длинною в вечность.

И, опять, время остановилось, когда я смотрю и вижу ее...

«Вспомни меня!» — проносится где-то в сознании.

Но, Нина пугается... Она просто в ужасе смотрит на вошедшего в карету человека, прижимая к себе небольшую сумку, отгораживается, защищается.

Она поправляет капюшон плаща и смотрит на меня...

А я в это момент выгляжу, наверное, как идиот. Я улыбаюсь и, кажется, свечусь от счастья. Я так сильно хочу ее обнять, прижать к сердцу.

Моя любимая. Еще юная. Но она мало поменялась с возрастом. В те свои 24 и в эти 18 она выглядит одинаково. Разве что сейчас более запуганная...

— Нина, ты помнишь меня? — спрашиваю ее, потому что вижу, некое узнавание, смущение в ее взгляде... Сдерживаюсь... не разрешаю себе ее коснуться... Но очень хочу...

— К-кто вы? — тихо спрашивает, осматривает меня, мило хмуря брови. Она смущена?

Вижу, как ее щеки заливают румянец, и ее прежняя бледность отступает. Нина закусывает губу и сильнее прижимает к себе свою сумку.

— Ты ведь узнаешь меня? — я, наверное, умоляюще смотрю ей прямо в глаза. Я так хочу, чтобы она тоже помнила. Ведь столько всего произошло с нами...

— Я не... — Нина в замешательстве, она смотрит на меня, немного наклонив голову в бок. Она будто бы знает, помнит, но... — этого не может быть... — тихо говорит она, но я слышу.

— Что не может быть? — подаюсь вперед, но осекаюсь, вижу, что Нина боится...

— ...но это невозможно! — говорит, и трясет головой немного, будто старается сбросить наваждение...

— Нина, ты знаешь... меня! — я не отступаю. До чего же я упертый. Я хочу, чтобы она сама вспомнила меня... Но если и не вспомнит, я сделаю для нас новое, лучшее будущее...

— Я... видела вас... во сне... — говорит, не смотря в глаза, она сама не верит в происходящее...

Я подаюсь немного вперед, смотрю на ее руки. Но Нина видит, что я стремлюсь нарушить ее личное пространство, и напрягается, но не отступает.

— Каждый раз... — судорожно вздыхает, — каждый раз я видела вас во сне... — говорит она, закрывая глаза, жмурится, будто этот сон, где присутствовал я, был мучителен. Она распахивает глаза и смотрит на меня, а я вижу, что в ее глазах застыли слезы...

— И каждый раз, в конце... вы умирали... — тихие слова... Нина помнит... Она помнит тот момент, когда в меня выстрелил Слаг... Она вернулась тоже! Нина тоже вернулась в прошлое, наше прошлое... только это теперь, получается, наше новое, наше будущее...

Нина вернулась назад... и последним, что она видела в том нашем варианте реальности — моя смерть.

— Ты помнишь мое имя? — спрашиваю... Почему-то это сейчас это мне так нужно.

Нина думает, немного хмурится... А я почти в маленьком личном отчаянии, как слышу...

— Джон? — неуверенно и боязливо...

И теперь я ликую внутренне и внешне, хочу обнять свою любимую девушку... Утешить, сказать, что я жив, я вернулся, я смог...

Но, Нина переводит взгляд на мою форму, напрягается. О нет!

— Сыщик! — вздрагивает она и смотри на меня с ужасом. И дергается с места.

— Нет! Нет! Подожди! — кричу ей, потому что она быстро выбегает из повозки и несется в сторону дикого парка.

— Не бойся, Нина! — выпрыгиваю из кареты за ней, спотыкаюсь немного на ступеньках. Вижу, что зеленое платье мелькает уже среди деревьев. Плащ Нины сброшен, как и ее сумка. Подхватываю сумку и несусь за ней.

— Нина, стой, не бойся меня! — кричу ей. Бегу, перепрыгивая поваленные деревья и уворачиваюсь от веток, бьющих в лицо.

Нина бежит впереди, держа платье. Ее волосы цепляют ветви, и одна из ее лент остается на дереве.

— Нина, стой! — я почти добежал да нее.

Хочу ухватить ее за плечо, но натыкаюсь на ветку и падаю на нее, сбивая Нину с ног, и мы катимся немного с холма, по сухой листве. Останавливаемся. Я нависаю над своей беглянкой.

— Отпустите! — она бьет меня кулачками по груди, пытается выбраться из-под меня — не пускаю. Сейчас я как дурак, счастлив, что она со мной и так близко.

— Отпусти! Мне нельзя обратно в Глемт! — в отчаянье просит меня моя любимая.

— Я знаю, Нина! — приближаюсь к ее лицу, а она останавливает это "избиение" меня и замороженно смотрит, и этот ее взгляд тепло отзывается у меня в душе... — я не собираюсь тебя возвращать Слагу...

Она не верит, пытается понять...

— Но... тогда... зачем вы меня преследовали? — спрашивает... но будто бы знает ответ... или догадывается...

— Потому что... я не сон, Нина, — говорю, немного съедая взглядом ее глаза, губы... Сжимая ладони на ее плечах. Хочу сказать, что люблю ее... Но, наверное, я ее сейчас напугаю этим... — в том мире, то есть, в Межмирье, куда ты попала после своего мира, когда тебя выкрал Слаг и его ученый. Там был я... — говорю и вижу, как меняются эмоции на ее лице, смесь удивления, радости, тревоги, непонимания, успокоения...

— Это был ты? — Нина говорит громче, восклицая, из ее глаз стекают слезы. А я хочу собрать их поцелуями, — это ты звал меня... — Нина улыбается, и я готов умереть от счастья за эту ее улыбку. За то, что она мне посвящает эту улыбку.

Нина внимательнее рассматривает мое лицо, и я вижу в ее взгляде нежность и... Стмпатию? Она касается рукой моего лица, осторожно заправляя мои волосы мне за ухо... И я не могу больше жать.

Приближаюсь к ее губам, видя, что моя любимая не собирается меня отталкивать.

Я целую ее. И в это поцелуй вкладываю всю любовь, что испытываю к ней... обнимаю, прижимая к себе.

Но когда Нина отвечает мне на поцелуй — мне кажется, что я сошел с ума...

Я целую свою любимую, присаживаюсь на землю и перетягиваю ее к себе на колени, заключаю в кольцо рук.

Вспоминаю, что в прошлый раз, когда я нашел Нину и вернул в Глемт, она мне очень понравилась. И теперь я понимаю себя того. Понимаю, что я хотел ее поцеловать и тогда. Что она запала мне в душу с первого взгляда.

Понимаю сейчас свои чувства... Что радовался, когда меня вызывали разобраться с бунтаркой из приюта, которая докучала мэру... Как просил своих подопечных следить за ней и докладывать о каждом ее шаге... Волновался, когда не слышал отчета про нее больше двух дней.

Я понимаю, что боялся услышать, что ей кто-то оказывает знаки внимания...

Я был дураком... Я столько лет был без Нины. Позволяя Слагу ее запугивать.

Сильнее прижимаю к себе Нину. Чувствую, что дрожит, она же оставила свой плащ, когда убегала.

Нехотя разрываю поцелуй, снимаю с себя плащ и накидываю на плечи Нины. Мы так и сидим, прижавшись друг к другу. Нина кутается в плащ, ее глаза закрыты. И я понимаю, что она смущена поцелуем. И улыбаюсь...

— Спасибо... Тепло, — Нина указывает на плащ, но потом хмурится мило, будто что-то вспоминая, — кажется, что так уже было... твой плащ и ты надел мне его на плечи... Киваю ей в ответ.

Я счастлив... она помнит... Я соединяю наши лбы.

Нина помнит... Просто, нечетко... Но помнит меня... Когда-нибудь, я верю, что она все

вспомнит, а пока, мы начнем общее новое будущее...

И для этого нам предстоит сделать еще несколько дел, и первое из которых — спасти друзей.

— Нина, — говорю ей, помогая встать, — я не верну тебя опять Слагу... — смотрю на нее и вижу доверие...

— Сейчас нужно спасти Эмили. Если хочешь, ты поедешь в Глемт со мной... Там уже безопасно... — говорю и смотрю за реакцией Нины. Мне не хочется, чтобы она пугалась или подумала, что я ее обманываю. Но вижу, что моя девочка мне верит.

— Хорошо, но... почему? Что сейчас происходит в Глемт?

Улыбаюсь, беру ее холодные руки в свои, согревая.

— Глемт ждут перемены... И...одноймой новый знакомый уже меняет там все... начиная с персонала...

Глава 42. Новый Глемт. Новая жизнь

Джон Вик

Хватаю Нину за руку, да именно хватаю. Потому что больше никогда никуда ее не отпущу.

Мы несемся в Глемт, но уже не для того, чтобы вернуть Нину в лапы Слага. Хотим воочию увидеть, как вершиться правосудие...

— А что с Эмили? Ей грозит опасность? — взволнованно интересуется Нина удерживая капюшон плаща, потому что мы очень быстро перемещаемся по тропинке к приюту.

— Мы успеем, Нина, и с Эмили будет все хорошо... — утешаю я. Но некий червячок сомнения грызет... Реальность немного поменялась и события происходят быстрее, чем в прошлый раз, — а вот Слагу придется несладко.

С графом Стоуном мы успели обсудить личность директора приюта, продающего воспитанниц в бордель и богатым мерзавцам. А также про «изюминку» Глемта в виде непедagogичных и хладнокровных «сестер». Стоило посмотреть в глаза графа, чтобы понять его мнение на счет необходимости их должности в приюте...

А еще, граф обещал помочь мне в моем вопросе...

— Нина! — кричит маленькая белокурая и очень худая девочка, как только мы появляемся у ворот приюта.

Это Анна?

Понимаю, что это она, потому что девочка отпускает руки графа и бежит напрямик к Нине в объятия! Вижу покрасневшие глаза графа... А еще замечаю, что теперь его лицо отражает некое чувство... будто покой, который он обрел в своей душе сегодня.

Оглядываюсь по сторонам и выдыхаю.

Потерянного и убитого происходящем Слага выводят в кандалах констебли. Он им что-то объясняет, но последние равнодушны и не церемонясь гонят его к тюремной карете, заламывая ему руки под его вопли. Нина смотрит на Слага, вся зажимается и инстинктивно, прячется мне за спину.

— Джон, благодарю вас, — Граф жмет мне руку, — вы сегодня вернули мне мою жизнь, — граф переводит взгляд на Нину, которую обнимает Анна, и улыбается, — я так понимаю, что эта самая девушка, о которой вы...

— Да... это она, — выдыхаю. Я тоже, своего рада, сейчас обрел некий покой.

— Я помогу вам, Джон... — Граф поворачивается и окидывает взглядом здание приюта и территорию, осматривается, — и теперь я поменяю здесь все. Сегодня у гимназии начнется новая жизнь. Я сам займусь этим вопросом, уже занялся.

Поворачиваемся на крики, и видим, как выводят протестующих «сестер», их выгоняют из Глемта. Они непреклонны и сыплют проклятиями. Вот ведь и правда говорят, чем ты наполнен — то из тебя и льется...

Выбегают так же и воспитанницы. Они озадачены происходящим, но не напуганы. Вижу, как следом выходит... миссис Кап, она качает на руках очень маленького ребенка. И озадачено смотрит вслед «сестрам».

— Поразительно, но как быстро вы организовали... — не успеваю договорить.

— Зачистку приюта? — улыбается Стоун, — я лишь довожу все до конца, но

организовал арест Слага не я...

— А кто тогда? — я в недоумении. Не успеваем договорить, потому что...

Перед нами быстро возникает маленькая Анна и тащит за собой Нину за руку.

— Нина, познакомься, — Анна светится от счастья, — это мой папа! — указывает на графа, который смотрит на свою дочь, как на сокровище, — и он искал меня всю мою жизнь!

— Очень приятно, — говорит моя Нина, а потом переводит взгляд на меня, — Джон, Анна рассказала нечто... очень странное, — Нина озадачено смотрит на Анну.

Маленькая Анна с детской непосредственностью подбегает к отцу, обнимая его. Я вижу, как они похожи. Граф Стоун безмятежно рад.

— Папочка, я расскажу сейчас опять эту историю, — Анна видит одобрение в глазах отца.

— Дело было так, — Анна делает серьезное лицо, — рано утром, когда Нина сбежала, всех нас подняли с постели и стали отчитывать и выяснять, что мы знаем, куда могла спрятаться Нина. Потом пришел Слаг... Он был очень зол... — Анна смотрит вниз и вздыхает, а потом переводит взгляд на Нину, — сорвалась его сделка... Я подслушала, что он хочет продать Нину ревизору... — на этих словах Анны, мне становится не по себе, я беру Нину за руку, видя, как она побледнела.

— Потом всех отпустили по классам, но Слаг сказал, чтобы Эмили зашла к нему... в кабинет... — на слове «кабинет» Анна сделала такую интонацию, будто собралась рассказывать жуткую историю.

— Эмили не было долго, и я стала волноваться, — Анна хмурилась сильнее, — а потом, мы с девочками услышали шум и выглянули из класса, за что успели отхватить от сестры Зеллы по рукам. Но я успела увидеть, как две «сестры» тащат Эмили в одной ночной сорочке из кабинета Слага в «пыточную».

Анна все говорит, а меня бьет озноб, неужели мы опоздали. Слаг должен был совершать все эти действия в отношении Эмили только спустя сутки или двое, как я вернул Нину в Глемт. Реальность поменялась, и все события произошли быстрее...

— Но потом, — Анна восклицает, а я вижу восторг и удивленные в ее глазах, — в приют пришел незнакомец. Он был, как гром среди ясного неба... Он был высокий, и во всем черном, и волосы его были такие же черные... Этот человек вошел и отправился по главному холлу. Мы с девочками очень удивились. Но потом он сразу направился в подвал, откуда слышались ругательства сестер. Он даже помчался туда. А потом через какое-то время он вынес Эмили на руках. Она была так же, в одной ночной сорочке, а на ее лице были ссадины и губа разбита... Он шагал с ней на руках так быстро, напрямиком в свою карету, отталкивая «сестер», которые пытались выхватить Эмили. Он посадил Эмили в карету, и закрыл. А когда Слаг выбежал к нему и сказал, что будет жаловаться, то этот человек схватил его за грудки и поднял Слага над землей, — Анна задумалась немного, не видя наши с Ниной опарашенные выражения лиц, — он ему что-то сказал такое... — Анна покраснела, — я такое не могу сказать... Леди ведь нельзя выражаться... Но там в конце было что-то «...не хочу о тебя мараться..» и «тебе конец...», а потом он швырнул Слага, — Анна скрыла улыбку, — и он приземлился в лужу. И уже потом сюда примчались констебли, а следом и мой папа... -К-н-и-г-о-е-д-.н-е-т-

— Дорогая, — граф обратился к дочери, наклоняясь к ней. Он терпеливо слушал рассказ дочери, и хмурился периодически... Видимо его пробрала жуть от истории о порядках

приюта, где воспитывалась его дочь, — теперь ты поедешь домой... — он крепко обнял дочь.

— Джон, я не могу предположить пока, кто был этот человек, — граф взял дочь на руки, — но я помогу вам с вопросом, касаемо судьбы Эмили.

— Господин Стоун, я могу задать вопрос Анне? — спрашиваю я, и видя, как Нина волнуется.

— Конечно...

— Анна, а как себя вела Эмили в тот момент? — мягко пытаюсь поинтересоваться, чтобы не навредить детскому душевному здоровью.

— О, все было хорошо, — очень спокойно говорит Анна, даже как-то радостно, — это, наверное, был ее друг.

— Почему ты так решила? — я и Нина в недоумении. Я догадываюсь, кто был тот человек, поэтому очень озадачен теперь его поведением. Но верю словам Анны, потому что дети чувствуют больше взрослых. И правильно считывают эмоции.

— Это точно был ее друг, потому что Эмили так сильно за него держалась и положила голову ему на плечо. А этот господин так бережно ее нес, будто обнимая. И еще Слага отругал.

— Значит, этот человек не опасен для Эмили? — уточняет Нина.

— Анна, Нина! — поворачиваемся на чей-то тонкий голос.

Вижу, как к нам бежит маленькая девочка, тоже излишне худая.

— Валери! — радостно восклицает Нина, обнимая такую юную причину волнения Леона...

А я понимаю... Что мне предстоит много работы... По всему городу и округе искать своих подопечных... Заново учить и организовывать их работу... Многие из них еще очень маленькие и все, как один, бездомные.

— Нина, Анна! — радостно говорит Валери, — представляете! Нам сказали, что с этого дня «сестры» больше не работают в приюте, и к нам скоро приедут настоящие преподаватели!

Граф поворачивается ко мне:

— Я уже отправил письмо королю, — тихо сообщает он мне, глядя, как девочки окружили Нину, — скоро здесь будет отреставрировано здание, у воспитанниц будет все необходимое для достойной жизни. И еще сюда приедут педагоги с постоянным проживанием. Я сам подберу персонал. Будут только проверенные люди, — граф выдохнул, — мы сделаем здесь образцовую гимназию для сироток.

— Благодарю вас, граф, — я искренне верю ему.

— Нет, Джон, не надо благодарности! Это малая часть того, что я могу сделать и отблагодарить Бога и всех, кто способствовал сохранению жизни моей дочери, и кто вернул мне ее...

— Джон! — меня окликает Нина, я вижу, как девочки не хотят ее отпускать. Понимаю, что очень ее любят. Она была им наставницей изначально.

Я подхожу к ней и совершенно не готов услышать ее слова:

— Я хочу остаться в Глемт! — произносит Нина и радостно бежит глазами по моему лицу.

— Что? — я в шоке. Нет. Я в ужасе. Подождите-ка, я на такое не рассчитывал, — но почему, Нина, — излишне эмоционально восклицаю, беря Нину за руки... Не отпускаю...

А Нина улыбается, глядя на меня. А мне не до радости...

— Джон, не переживай! — успокаивает меня Нина. А я успокоюсь только тогда, когда заберу ее себе домой, — я сейчас здесь нужна. Я тут самая старшая. Там только одна миссис Кап, и кухарка. Нужна помощь.

Я в растерянности... Я на такое не рассчитывал... Столько себе уже нафантазировал, навообразил... И Нина меня осадилла этим решением. Так-так, видимо мой организм не в курсе, что я взрослый мужчина, и действует и думает, как юнец. Но я же обещал, что не отпущу Нину... А она убегает... Снова... и уже от меня.

Мое состояние добивает граф:

— Джон, послушайте, — от отводит меня в сторонку, и я вижу, что он улыбается, считывает мою реакцию и понимает, по-мужски, мое состояние, — Нина говорит правильные вещи. Не беспокойтесь. Уже сегодня к приюту прибудет охрана. А завтра начнутся работы по реставрации, организации внутреннего распорядка, включая питание и бытовые нужды, бедет усовершенствован образовательный процесс... Нина получит хорошее образование в Глемт.

— Да, вы правы граф, — я признаю, с тоской...

— Тем более, — граф лукаво улыбается, — вы еще должны добиться к себе расположения прекрасной девушки и доказать свою надежность, — он хлопает дружески меня по плечу. И он очень прав... Я теперь должен постараться...

Смотрю, как Граф подходит к дочери и направляется с ней к своей карете... Вот они и встретились.

— Джон, — Нина подходит ко мне, смотрит на меня... Она такая счастливая. И я вижу, что тоже причастен к ее счастью, — спасибо тебе... За все...

— Нина, я... — я придвигаюсь ближе, заправляю ее локон за ухо... Может украсть ее... Хочу ей что-то сказать, но она продолжает...

— Джон, мне кажется, что мы так давно знакомы... — она говорит тихо, всматривается в меня, — и что... я к тебе что-то чувств... — осекается и мило краснеет. А я ликую... Моя Нина меня помнит... И я верю, что она меня любит. Я помню, я слышал тогда... Это были последние ее слова в прошлой реальности.

— Мы знакомы давно, Нина... — говорю ей, видя радость в ее глазах, — и ты обязательно вспомнишь... — я обнимаю ее, — а пока, начнем новую лучшую жизнь...

Джон Вик. Шесть лет спустя

Золотая осень. Раннее утро, что может быть прекраснее, когда это утро ты встречаешь рядом с любимой. Еле брезжит свет. Синие сумерки... А я...

Прижимаю ее к себе, свою спящую любимую... жену.

Не трудно догадаться, что прошло шесть лет, как я вернулся из мира Полутонов в прошлое и видимо, создал некую воронку, засосавшую всех, вернув на шесть лет назад... А сегодня наступил тот день, который вернул меня к жизни... Вспоминаю тот день, когда я, видимо, вышел «не на той остановке» из Межмирья заранее и вернулся случайным образом на шесть лет назад, и иногда, кажется, что это был сон, озарение. Или может... Так и должно было быть...

Может, мне суждено было вернуться назад, чтобы многое исправить...

А теперь я имею счастливую любимую жену.

Что касается наших друзей, то...

Анна обрела отца, и граф Стоун прекрасно себя чувствует... Вспоминаю прежнюю реальность, когда в это время он был уже мертв от разрыва сердца, содрогаюсь. Теперь все иначе. Воспитанницы приюта живут в замечательных условиях и не боятся за то, что им принесет новый день. Слаг наказан и больше не причинит никому вреда.

Нина почувствовала мои объятия и прижалась сильнее. А я смотрю на свою любимую.

Моя Нина.

Самая лучшая преподавательница в Глемт. К слову, Глемт — это теперь образцовая гимназия, с хорошим финансированием. Гимназия Глемт — гордость города Питфол.

Граф Стоун сдержал слово, и в один год превратил обветшавший, полузаброшенный приют в достойное учебное заведение. Глемт преобразился. Собрал профессиональных педагогов, расширился. У гимназии появились благодетели, меценаты, которые вторили и подражали графу в благотворительности. Воспитанницы получали кров, образование, профессиональные навыки и достойное будущее.

Вспоминаю свою беглянку, которая решила остаться тогда в приюте. И я теперь ее понимаю, хотя мне было тяжело в то время — съедала тоска.

Но я усердно работал все эти годы... И у меня была маленькая хитрость. Много знал наперед. Хоть и реальность существенно изменилась, некоторые происшествия случались аналогичным образом, что мне удавалось предугадать шаги, вспоминая прошлое. Удалось спасти многие жизни и избежать потерь среди населения и коллег.

Улыбаюсь, потому что вспоминаю, что моя жена все также влипала в небольшие истории, и меня уже вызывали, чтобы я забрал свою жену, которая опять играет в детектива. Ох уж, эта ее особенность — стремление быть сыщиком. Хотя многие моменты, я бы не решил без нее и ее видения ситуации. Я получил не только любимую, но еще друга и напарника.

— Который сейчас час? — сонно спрашивает меня моя Нина, чувствует, что я уже не сплю.

— Еще очень рано... — целую ее в висок, придвигаясь ближе, стискивая в объятиях. Чувствую ее тепло.

Помимо работы в Глемт, Нина еще преподает в школе для помощников детектива.

Я собрал своих ребят. Нашел их всех, многих намного раньше, чем в прошлой реальности.

Мы организовали работу быстрее и слаженнее.

Сегодня праздник Осени, Ярмарка. И Нина едет с воспитанницами на конкурс. И мои подопечные тоже отправляются в главный парк. И, как всегда, будут сопровождать прекрасных юных леди. Леон, Риан, Арчи и другие, и Макс...

Целую свою жену, не давая больше ей спать. Она улыбается, обнимая и притягивая меня.

Хочет мне что-то сказать, но...

В одно мгновение, Нина будто... теряет сознание...

— Джон, — еле слышно говорит она, будто зовет. Опуская руки, и сильно расслабляется, закрывает глаза.

— Нина! Что с тобой? — я приподнимаю ее. Нужно в больницу?! Ей плохо. Понимаю, что мне не было так страшно давно.

Подрываюсь с ней на руках, чтобы успеть к доктору. Но Нина приходит в себя, касается моей щеки и смотрит глазами, наполненными слезами.

Я останавливаюсь. Смотрю на Нину, и не понимаю...

— Джон, это ты!? — Нина улыбается, а по ее щекам текут слезы.

— Что ты, что ты, — целую ее слезы, — девочка моя, все хорошо! — ловлю ее взгляд, и я кажется осознаю...

— Джон, ты жив! Ты со мной! — она сильно прижимается ко мне, и мы падаем на кровать.

Крепко ее держу.

— Нина, ты... — боюсь услышать ответ, — ты вспомнила... нас прежних?

Она кивает так быстро, улыбается, и, одновременно, текут ее слезы. Нина целует меня.

— Я вспомнила... но этого не может быть! — Нина дышит глубоко, пытаюсь себя успокоить, — Мы вернулись в прошлое, Джон!? — для нее сейчас это все очень дико... я-то привык уже.

— Джон, ты вернулся... Ты остался жив... — она так сильно гладит и обнимает меня, будто боится, что я вот-вот исчезну, — Виктор тогда вложил тебе в руки ключ в мир Полутонов... И ты вернулся! Вернулся через Межмирье, — всхлипывая, сообщает мне Нина. А я очень удивлен, так вот что произошло тогда. Виктор отдал свой шанс мне. Он пожертвовал своим новым будущим и отдал ключ мне.

— Тише, тише... — утешаю ее, успокаиваю, смотрю на зацелованные мной губы... И теперь я действительно обрел душевный покой... Моя Нина меня вспомнила...

— Ты не представляешь, как мне не хватало нашего прошлого! — улыбаюсь, целую долго жену опять...

Пока я не чувствую укуса на своей губе.

— Ай, — недоумеваю, — за что? — шучу я, конечно, но неожиданно. Так-так. Что за выражение лица у жены...

— Это за то, что вернул меня в Глемт в прошлой реальности! — специально наигранно хмурится Нина.

— Я был дураком, признаю. Я ведь исправился... — хочу опять поцеловать, но Нина отстраняется, — а это за что? — улыбаюсь ей, видя, что она капризничает. И мне это даже нравится.

— А это за то, что так долго не мог меня поцеловать... тогда... — театрально отворачивается Нина и смеется, — ждал момента, пока мы не поцеловались в ... ой, — Нина прячет лицо руками, и уже смеюсь я. Обнимаю ее крепче.

— Джон, ты помнишь меня в том наряде из дома мадам Люсинды? — спрашивает и все так же прикрывает лицо ладонями. А я все равно вижу, что она покраснела...

— О да! — еще больше смущаю жену, — я до сих пор вспоминаю... Это мой самый любимый наряд на тебе, — говорю и чувствую, как мне прилетает кулачком в грудь.

— Ой все! — смущенно жметесь ко мне Нина, — Подожди! — восклицает, отстраняется, — если вспомнила я, то Эмили, Виктор и остальные тоже?

— Эмм... я не знаю... Можно у них спросить, — осекаюсь, — но думаю Эмили и Виктору не стоит задавать такой вопрос...

И мы с женой хихикаем, как подростки...

— Джон?! — вопросительно-опасливо произносит Нина, — а Анна ничего мне не рассказывала про Марка... Неужели они не встретились, — а вот сейчас моя жена разволновалась не на шутку.

— Думаю, ты лично у нее спросишь, когда мы навестим их с графом, — что поделать. Много лет уже ведем дружбу с графом Стоуном. А Анна просто обожает Нину.

— О, нет! Джон! — новые воспоминания из прошлой реальности, кажется, пугают Нину, и мне надо привыкнуть... — Джон! Неужели Валери и Леон в прошлом так милс общались? Ну ладно, при первой встрече они действительно сцепились... Но не так, как сейчас.

— Думаю, нужно оставить все как есть... Они должны сами разобраться... Вообще-то, это твоя Валери... — шучу и не успеваю договорить.

— Вот уж нет. Это твой Леон сам хорош! — перебивает Нина.

Не выдерживаю, заваливаю ее на кровать, кутая в одеяло и начинаю зацеловывать, но вдруг...

— Мама, папа, вы проснулись! — в комнату забегают наше маленькое чудо. Наша любимая дочка.

Запрыгивает к нам в кровать и целует меня и Нину. Ей уже три года.

И да, я быстро «выкрал» Нину для себя. Мы поженились сразу же, как только Нина завершила обучение в Глемт и осталась там преподавательницей.

— Соня, ты моя ранняя пташка, — Нина стискивает нашу дочку в объятьях, зацеловывает.

— Я синичка, мама, — хохочет София. А я их просто обожаю.

— Папа, а я не первая проснулась, там Макс уже с Баки погулял, — Баки — это наш верный пес.

— Ну тогда мы с папой идем вас кормить! — Нина встает, держа на руках Софию.

Слышу внизу, как Макс зовет Софи.

И да, я не только отец для нашей с Ниной Софии. Еще мы с женой приемные родители Макса. И ничуть не жалею об этом. Любим его.

Шесть лет назад, когда Нина осталась в Глемт, она сообщила мне, что часто видит маленького мальчика, который, как ей показалось, следит за ней.

Не показалось. Пятилетний Макс действительно следил за Ниной.

Он жил на улице несколько месяцев, когда его единственный родственник — бабушка, умерла.

Потом, как Макс рассказал, он увидел Нину и стал за ней следить, когда она появлялась в городе, а потом и возле приюта. Я предполагаю, что у Макса остались некие «следы» из прошлой реальности, когда я поручал Максу следить за Ниной и сообщать о ее передвижениях.

Нина, когда увидела Макса и узнала его историю, не осталась равнодушна. Она забрала его в приют, не захотела оставлять его на улице. Мы уладили этот вопрос с руководством Глемта. И как только мы поженились с Ниной и наладили наш быт, то оформили все документы и усыновили Макса спустя полгода.

Усыновить предложила Нина, она его очень полюбила, как и я.

Теперь, вспоминая прежнего Макса из прошлой реальности, отмечаю, что он гораздо выше и крепче для своих почти двенадцати лет. Получает хорошее образование. Так же состоит в команде «Клыка» и ходит в школу для помощников детектива. Я поручаю ему задания такого же уровня, что в прошлом, даже сложнее. Правда, мы скрывает это от Нины, чтобы лишней раз не волновать. Но я знаю потенциал парня, поэтому доверяю ему многое.

Спускаюсь в столовую, где Макс уже кормит Баки.

— Привет, Макс, ты как? — спрашиваю... Вдруг он тоже что-то вспомнил.

— Привет, Джон, все отлично, — Макс треплет за ухо Баки. И делаю вывод, что воспоминания открылись только для Нины.

Макс называет нас с Ниной по имени. Он сам настоял. И пусть это его выбор, я все равно привязался к нему. Он стал родным. Но Макс слишком серьезен. И многое носит в себе. Хотя вижу в его глазах благодарность нам с Ниной и счастье. Но он дистанцируется.

— Макс, — протяжно кричит Софи и запрыгивает на руки к Максиму. Вот кого он очень любит и от кого не дистанцируется — от Софи.

Макс поднимает ее на руки и кружит.

— Ну вот, опять ты с утра пораньше будишь родителей, — нарочито строго говорит Макс.

— Они слишком долго спят, а там уже птички поют, — пропела София, а мы с Максом переглянулись, улыбаясь. София — хозяйка положения, всеми любимая...

— Так, я сейчас быстро готовлю завтрак, собираемся и отправляемся на праздник Осени, — на кухню вбегает уже полностью собранная Нина.

— Ура, праздник! — кричит София, — Макс ты же выиграешь для меня игрушку! — дует губы Софи... Ну кто ей откажет.

— Конечно! Я же прохожу препятствия лучше всех, — с улыбкой произносит Макс.

Подхожу к жене, обнимая ее, пока она нарезает хлеб. А дети играют с Баки.

— Джон... Это так необычно, — радостно и тихо говорит Нина, — я будто две жизни прожила... Все вспоминая так внезапно нахлынули, что я...

— Я очень испугался за тебя, — крепче ее прижимаю, и Нина немного поворачивается и целует меня в щеку, — я испугался, что могу тебя потерять...

— Нет, Джон! Я никуда от тебя не убегу больше!

— Даже в свой мир?

— Даже в свой мир!

— Я эгоист, да? — спрашиваю жену. Потому что это так. Я эгоист, который не отпустит никуда Нину.

— Нет, любимый, что ты! — Нина улыбается и обнимает меня, — но иногда... мне так хочется сообщить своей маме, что со мной все в порядке и что я счастлива с любимым в

новом мире.

— А если я скажу, что сообщил об этом твоей маме, — вижу, как округляются глаза Нины.

— Но, как? — не веря, спрашивает Нина.

— Я оставил твоей маме фото... которое сделал Рунольф, фото нашего танца... И когда я ушел в мире Полутонов за тобой, то твоя мама, кажется, увидела меня... И просила меня тебя беречь.

Нина сильно обнимает меня, и я чувствую, что она плачет. Обнимаю в ответ.

— Спасибо, Джон.

— Обещаю, что найдем способ сообщить твоей маме про тебя, нас, ее внуку...

— Джооон! — протяжно говорит Нина, а я вижу, что она хитро улыбается, — а все твои быстрые достижения за последние шесть лет... Стопроцентная раскрываемость, это все было неспроста? — уже улыбается шире.

— Ну... я немного подглядел в будущем, — теперь уже хитро улыбаюсь я.

— Ты читер! — Нина говорит мне непонятное слово, видимо из ее мира.

— А вот ругаться интеллигентной преподавательнице не подобает, — говорю, кусая ее за губу.

— Это не ругательство, — смеется Нина, — в моем мире так называли игрока, который немного мошенничает.

— Ну значит ты жена мошенника, — хитро на нее смотрю, — не страшно?

— Ну я же жена величайшего из мошенников! — целует.

— Мама, скорее пойдем выбирать мое платье, — кричит София.

— Конечно, милая, — моя любимая выбирается из моих объятий и спешит к нашей дочке.

Мы с Максом быстро собираемся, попутно намечаем план работы. Сыщики никогда не дремлют. У нас всегда работа.

Забираю дочь на руки, несу в повозку, пока Нина поправляет галстук у Макса.

Хотелось бы сказать, что все завершилось счастливым финалом. У меня есть все. Я благодарен за второй шанс. И чувствую некую помощь Свыше...

Но думаю, что это не конец, а только прекрасное начало.

Больше книг на сайте - Knigoed.net